

АнтиМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ГЕРМАНИ РОМАНОВ

КРЕСТОНОСЕЦ из будущего
Командор

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Крестоносец из будущего. Самозванец» и «Спасти Колчака»! Наш современник, заброшенный в Антимир, где почти вся средневековая Европа завоевана мусульманами, становится Командором рыцарского Ордена Святого Креста и последней надеждой христианской цивилизации.

Пусть все прежние Командоры пали либо от вражеской сабли на поле боя, либо от кинжала и яда наемных убийц, а сам Орден, разбитый арабами, на грани полного уничтожения; пусть «попаданец» едва владеет холодным оружием и на коне сидит, как собака на заборе, а против него и польские паны, и продажные церковники, и чернокнижники, и принявшие ислам угры (венгры), — зато за плечами Крестоносца из будущего 20 лет службы в советском спецназе, на поясе — легендарный клинок, по преданию принадлежавший самому Иоанну Златоусту, а на знамени — древнее пророчество, что «Меч Веры» остановит «саблю пророка»!

- [Герман Романов](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)

- [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ВСЕ, ЧТО БЫЛО — НЕ БЫЛО, ЗНАЛИ НАПЕРЕД»

Зайдя в келью, Андрей увидел, что священник стоит на коленях и молится. Обстановка внутри была если не убогой, то предельно аскетичной: грубо сколоченные стол, пара лавок и топчан, застеленный тощим тюфячком, набитым соломой, которая проглядывала сквозь дыры, полка с глиняной утварью, закопченный очаг — и все, полная нищета.

Из обстановки выбивались, но, может быть, специально ее подчеркивали иконы в серебряных окладах да золотая лампадка с маленьким огоньком.

Именно перед ними старик склонил голову, оставив беззащитным затылок. На миг мелькнула и погасла мысль: «Если я сейчас ему врежу, то легко убью...»

Андрей тоже встал на колени и постарался молиться. Было странно, но получалось: год назад был еще абсолютным атеистом, но с какого-то момента его душа возропала. Прячась от жены, украдкой, он все же старался перекрестить хотя бы лоб перед едой да купил в церковной лавке в городе и стал носить крестик.

Церкви в их деревеньке не было: как снесли при коммунизме, так заново и не отстроили, некому — два десятка дворов, старики, доживающие свой век, спивающиеся мужички да молодежь, всеми правдами и неправдами рвущаяся в город.

Неумело, своими словами он благодарил Бога, и было за что: всякого повидал он в жизни и под смертью хаживал, но кто-то или что-то отводило от него лихо, словно берегло и готовило к чему-то важному.

Слова «Отче наш», вполголоса читаемые стариком, странным замысловатым узором вплетались в его собственные мысли. Кто он такой? Прошел Афган срочником, потом училище МВД в Новосибирске — обычный «вован», пусть и ротой командовавший. Затем СОБР, где получил майора и стал «краповиком», хотя берет вручили не по испытанию — года уже не те, как и здоровье, староват-с, а в Чечне такое редко, но происходило.

И все — дырки в организме и контузия, как итог пенсия, убогий домишко в далекой таежной глуши. А там кто его дернул с тайменем силами мериться, выуживать?!

Вот и захлебнулся в реке, утопила его огромная рыбина. Но вместо рая или чего-то другого, пожарче и с мохнатой прислугой у котлов, суетливой и работающей, очутился даже не в прошлом, а в каком-то ином мире раннего средневековья, где почти вся христианская Европа давненько с минаретов призывы слушает и намазы совершает...

Помолившись, священник присел у своего ложа и вопросительно смотрел на него, показав на лавку — присаживайся.

«Что за жизнь такая?! Гостя нужно накормить, в баньке попарить, а потом и расспрашивать. А тут на тебе — сразу допрос! Еще бы, самозванец появился, командор липовый. И что делать будем?»

Но мысли мыслями, а что придется наизнанку выворачиваться, Андрей сразу понял, присел на скамью, сняв с себя меч, и демонстративно отложил его в сторону. Но так, чтоб рукою можно было схватить. Мысленно собравшись, Андрей взглянул в глаза старого отшельника:

— Я не командор ордена Святого Креста Андреас фон Верт... Я самозванец! Правда, выбора у меня не было...

Андрей решил играть начистоту, потому что других вариантов у него просто не имелось.

— Ты сказал правду, — медленно произнес священник. — Ты не морок или нечистый, раз молитву читал. Ты — живой человек, но не командор фон Верт, хотя очень на него похож. Очень... Скажу более — сходство просто поразительное, и любой крестоносец признал бы тебя за него, кроме меня... — Тут старый рыцарь остановился и отпил воды из ковша. — Я делал ему

знаки ордена на груди, когда он вступил в наше братство. У тебя похожая надпись, правда, одна черточка в ней немного другая — я не мог не узнать ее. Но... — он помедлил, — теперь никто в этом мире не сможет разоблачить тебя, ни один человек, кроме меня...

— К чему ты это говоришь?

— Ты можешь спокойно убить старика, и никто не узнает твоей тайны. В тебе чувствуется опытный воин, да и меч у тебя знатный, хотя ножны ему чужие. А у меня нет оружия, ты сам видишь...

— Я воин, тут ты правильно заметил. Но я не убийца, запомни это!

Андрей ощерился.

— Я знаю это! — Он тяжело вздохнул. — Просто иной раз человек очень слаб духом...

Холодок прошел по спине Андрея, словно старик видел его насквозь и слышал его мысли.

— Искушение его почти сразу одолевает...

Старый отшельник снова отвернулся и зашептал молитву. Андрей терпеливо молчал, пока тот не заговорил снова.

— Ты мне пока ничего не рассказал о том, почему твои люди называют тебя командором крестоносцев, которые все до единого погибли давным-давно. Поведай мне это, сын мой. Поверь, я не причиню тебе зла, но мне надо знать! Всю правду!

— Давай так — я тебе расскажу все! Как на исповеди...

— Почему как? Ты истинно верующий, хотя читал молитву не на латыни, а на славянском...

— Я читал? — искренне изумился Андрей.

— Да! — Старик покачал головой. — Ты что, не помнишь?

— Н-нет... — Андрей промямлил в растерянности, собрался было ответить, но отшельник улыбнулся.

— Ты молился, сын мой, хотя сам этого и не понял! Слова шли не от разума твоего, а от сердца! Хотя, — он внимательно взглянул на Андрея, — крестился ты, как ромей, справа налево... Все одно: мы братья во Христе! Я — священник, и тайна исповеди для меня свята.

— Тогда слушай, отец! Только постарайся не удивляться — это не бред или ложь, то, что я расскажу, — истинная правда!

...Священник слушал внимательно, ни разу не задал не то чтобы вопросов, а вообще не проронил ни единого слова или звука и лишь иногда чуть покачивал седоватой головой от удивления.

Закончив свою искреннюю исповедь, изрядно затянувшуюся, Андрей взглянул на старого отшельника, лица которого он уже не мог разглядеть в наступивших вечерних сумерках.

— Страшные вещи ты говорил, сын мой. Что я могу тебе сказать?! Твой мир захватила нечистая сила, и бесы там празднуют свою победу, поработив не только души людские... Посягнув на самую церковь, отцы которой впали в грех гордыни и стяжательства, присвоив себе право творить от имени Господа нашего вседержителя... И это самое малое! Как можно отринуть христианские устои и поощрять содомские грехи?!

Священник не то чтобы покраснел — он побагровел от еле сдерживаемой злости, но смог себя взять в руки — лицо его понемногу осунулось и, как показалось Андрею, почернело.

— Иди к своим людям, сын мой, они ждут тебя! А мне надо помолиться! Спи спокойно, уже глубокая ночь, и тебе надо отдохнуть. Утро вечера мудренее, — тихо и задумчиво подвел черту под долгой исповедью Никитина старик и сделал прощальный знак рукой.

Андрей удивился такой знакомой пословице, но тут же покорно встал, лишь кивком попрощавшись с отшельником. Затем, низко пригнув свою голову, вышел из хижины.

Остальные не спали, а ждали своего командора — на горячих камнях стоял котелок, в нем

дымилась каша и остатки копченого мяса. Они не хотели ужинать без него и сидели голодные, дожидаясь возвращения.

Вечеряли при свете костра, в который Прокоп щедро подкинул большую охапку сухого хвороста. Яркие языки пламени взметнулись в черноту, осыпав искрами.

— Завтра ты, Прокоп, и ты, сын мой, — Андрей посмотрел на Велемира, который перестал жевать и застыл, ожидая распоряжения, — сходите в лес и принесите дичи, птицу там или косулю. Или еще что, весом побольше...

И усмехнулся — по непостижимой прихоти судьбы парень признал его своим отцом, и давняя афганская татуировка группы крови играла здесь главную роль. В этом мире она выполняла совсем иную функцию...

— А Чеслав с Досталеком наломают хвороста. Да у кельи его сложите рядышком, чтоб старику далеко не ходить!

— Исполним, ваша милость, — вчерашние холопы, освобожденные им из узилища, поклонились, и Андрей усмехнулся про себя — другими словами, конечно, но таким же тоном и горящими глазами отвечали солдаты ему, своему командиру, в той, прошлой жизни.

— А ты, Арни, за всем присматривай, тебя нечего учить!

Старый орденец, в потертом красном плаще с белым крестом, наклонил голову. Матерый воин, выручивший его в злополучном трактире, где он сам вляпался в западню, как юнец, и уже считал, что все кончено и поляки его просто нашинкуют мечами. Таким всегда можно доверять, не продадут, и вражеский удар отобьют, и спину прикроют.

Немного поговорив еще на сон грядущий, новоявленные служители ордена Святого Креста разлеглись у костра, но плотно сбитой массой — ночи стали холодные.

Андрей еще долго сидел у костра и размышлял. Потом поднялся, лег на подстеленную попону и уснул, крепко и без сновидений...

В предрассветных сумерках, ежась от холода, поднялись все практически одновременно. Сон моментально улетучился, стоило только облиться холодной водой и докрасна растереться полотенцами. Потом была изнурительная часовая тренировка, ставшая ритуалом за эти дни и завершившаяся обязательным для всех купанием и обтиранием.

Завтракали кашей, запивая кисловатым вином из кожаной фляги. Потом молодежь отправилась на сбор валежника и охоту, Андрей же в гордом одиночестве стал методично отрабатывать рубящие и колющие удары мечом...

— Очень интересный удар у тебя, сын мой. С коня больше требуется рубить с плеча, а вот в пешей схватке такой прямой выпад просто неотразим. И выпад резкий, и удар достаточно сильный. — Голос бывшего рыцаря, а нынешнего священника прозвучал дружелюбно и по-отечески искренне, заботливо.

Да и обращение словами «сын мой» говорило теперь о многом. Андрею стало ясным, что и сам священник сделал за прошедшую ночь определенные выводы, которые напрямую касались его дальнейшей жизни. Но все же что решил ночью старый отшельник?

— Придет уже умерший, но еще не рожденный... Пророчество святого Феофана...

И хоть тихо прошептал священник, но Андрей, у которого в данный момент слух обострился до предела, все хорошо расслышал. Отшельник же словно рассуждал сам с собой:

— Ты говорил вчера правду, сын мой, но эта истина ужаснула меня. Скверна празднует уже пир там, стремится отпраздновать свой кровавый пир и здесь. Тот мир гибнет, Господь стал спасать праведников, отправляя их туда, где добро еще отчаянно сражается. Воистину всегда неисповедимы пути Господни, и не мне, грешному, сомневаться в божественном предвидении. Укрепим же свои слабые души молитвой, и Господь подскажет нам нужное решение. — Священник встал на колени и начал внятно читать молитву. Андрей тоже расположился на коленях рядом с отшельником, и потихоньку молитва заняла все его мысли, наполнила собой всего его...

— Очнись, сын мой! Молитва твоя была праведной, раз ты полностью ушел в нее. Но нам еще необходимо решить некоторые важные проблемы. Садись, сын мой, и слушай меня внимательно. Ты рыцарь, Андрей из рода Никиты, в этом у меня теперь нет никакого сомнения. Рыцарь благородных кровей! Только они постоянно изнуряют свое тело трудом и холодной влагой, только они могут взять под свою защиту униженных простолюдинов, не кичась и не боясь последствий этого шага. Ты не совсем хорошо дерешься мечом и секирой, прости, я это видел. Но это не вина, а беда — в твоем мире зла у тебя было другое оружие. И я уверен, что пройдет только немного времени, и ты полностью овладеешь нашими мечами, секирами и копьями... — Отшельник остановился в своем монологе и стал внимательно рассматривать Андрея, задумчиво теребя искалеченной рукой свою седую бороду.

Он будто бы искал какой-то ответ, но пока не находил его. Прошло немало минут в отнюдь не тягостном молчании, и суровое лицо священника внезапно прояснилось, и Андрей сразу же понял, что решение какой-то проблемы найдено старым рыцарем ордена.

— Ты орденец, брат мой, и иначе быть не может! Ты там тоже воевал, и твое воинство, как я понял, тоже было подобием ордена...

Андрей чуть не поперхнулся, представляя своих соборовцев рыцарским орденом. Хотя... В чем-то старик и прав, они ведь тоже своеобразная каста, спецназовцы, и тоже, он помрачнел, вспоминая Чечню, ведут «крестовые походы»...

— Так же, как мы, дрался с неверными и нечистью, шрамы на твоем теле о многих боях

говорят. — Старик продолжил: — Рыцари в твоём мире именуются лейтенантами, каждый из которых имеет свое «копье». Твой прежний рыцарский чин звучит как «старший» — майор... И ты говорил, что он главнее «головы» — капитана, который командует тремя «копьями». А при нем есть прапорщик, и я рад, что даже в ваше время остались знамена и доблестные воины, которые их носят. Хотя германцы называют прапорцы баннерами...

— Верно мыслишь, отче!

Андрей хмыкнул, рассуждения священника были забавные, но по сути правильные.

— В нашем ордене так же, — старик словно не заметил иронии Андрея. — Баннерный рыцарь командует тремя «копьями», а командор тремя «флажками» — баннерами. Наверное, и майор — другое имя командора, да и себя ты не раз называл командиром, по-нашему это и есть. Знаки на теле у тебя тоже наши, да ты и говорил, что это группа крови — она всегда будет отличаться, и не только от простолюдинов, но и от всех других рыцарей. Прости меня, Господи, грешного, опять во мне заговорил грех гордыни, — и священник перекрестился.

Андрей почти сразу поддержал старого рыцаря, рука сама потянулась совершить крестное знамение.

— Неисповедимы пути Господа нашего! Он вернул командора Андреаса, род которого ведом только Господу, но смертным будет известно, что он тот самый, из *прежних* «хранителей». Мы почти никогда не называем родового имени, потому что орден имеет высшей целью служение Господу не только крестом, но и мечом. И в первую очередь именно мечом. Встань с колен, брат мой! Иди за мной и возьми с собой двух лошадей!

Тяжело опираясь на крепкую палку, священник захромал, но довольно быстро пошел вперед. Они миновали хижину отшельника, затем белую известковую скалу и углубились в прекрасную березовую рощу, расположенную на склоне горы.

Шли очень долго, больше часа, миновав на своем пути старую и давно заброшенную овчарню, и уткнулись в протяженный, но низкий скальный склон. Здесь старый отшельник сделал длительную остановку и задумчиво огляделся кругом. Потом указал Андрею на кучку небольших валунов у подножия одной из самых высоких скал.

— Привяжи лошадей к тем деревьям, а потом раскидай эти камни по сторонам, брат! Но недалеко. Под ними вход в тайную пещеру, — тихо попросил старый священник.

Добрый час трудился Андрей, как стахановец, ставивший очередной рекорд, оттаскивая в стороны тяжелые камни. Наконец открылся узкий лаз, а он сам облегченно вздохнул, чувствуя себя ломовой лошадью, исходящей паром от непосильной работы.

Отшельник лег на холодные камни и вполз в лаз, однако его в темное нутро за собою не позвал, даже сделал запрещающий знак.

— Раз низя, значит, низя, — пробормотал Андрей. Он ни капли не обиделся, давно уже усвоив, что есть в жестоком мире вещи, о которых лучше совсем ничего не знать. Старая проверенная временем аксиома — меньше знаешь, лучше спишь. А то и дольше!

Он так и не понял, как старику удалось в одиночку затащить в пещеру такую уйму доспехов и оружия. Вначале из лаза появилось толстое и длинное рыцарское копье с защитной «чашей», затем тяжелый рыцарский меч с богато отделанной рукоятью.

Оружие ему понравилось — лезвие из темно-синей блестящей стали, отделанная серебром гарда, белый орденский крест в навершии. Такая же эмблема размещалась и на ножнах из добротной черной кожи, богато отделанных серебром и золотом. Хороший меч!

Только его собственный почему-то ближе лежал к сердцу, хотя и выглядел проще. Но сталь, острейшая, с загадочным узором, притягивала душу. Вот только ножны необходимы под стать, а то наскоро сделанные на хуторе, словно дерюжная упаковка для рождественского подарка...

Вскоре в лазе появились секира и длинный тонкий кинжал, тоже все в серебряной отделке

и со знакомой эмблемой ордена. Следом священник подал полный рыцарский доспех — кольчугу с капюшоном, тяжелую кирасу из черной стали, с той же отделкой и эмблемами, ведроподобный шлем с «Т»-образной прорезью, выше которой красовался знакомый крест.

Вскоре на свет появились два больших свертка с алой тканью, стальной налобник и кольчужные попоны для боевого коня. Завершением подземной работы стала объемная тяжеленная кожаная сумка.

— Здесь, — старик показал на сваленную кучу, — брат мой, полный рыцарский доспех ордена, оружие и убранство для рыцарского коня. Оно служило мне честно двадцать лет, и теперь это все твое. Я дарю его тебе. Твой нынешний доспех неплох, но он не идет ни в какое сравнение с полным облачением крестоносца. Надевай настоящие орденские латы, брат, я буду помогать тебе! Однако надо хорошо заложить пещеру камнями, чтоб никто ее не нашел!

— А там что, еще что-то осталось?

Старый рыцарь взглянул на него несколько сурово, но с улыбкой, как на расшалившегося ребенка.

— Брат мой, ты еще мало знаешь, — покачал головой старик, — то, что там осталось, тебя не касается... Пока...

Андрей, пристыженный и смущенный, расторопно принялся за работу, и вскоре узкий лаз был укрыт грудой камней. Затем он сноровисто уничтожил все следы их пребывания. Священник только одобрительно кивал и кряхтел, глядя на Андрея, пыхтящего и утиравшего пот, катившийся ручьем.

Закончив работу, Андрей отошел в сторону, а священник встал на колени и зашептал что-то, но тихо, так, что Никитин просто ничего не услышал. По всей видимости, старик читал какую-то тайную охранительную молитву над этим хранилищем, чтоб в него не вошел ни один человек, ни случайно, ни с умыслом.

Следующие полчаса занял долгий процесс облачения в доспех. Толстый войлочный поддоспешник, затем кольчужная «рубашка» со «штанами», сплетенными из вороненых колец.

Металлическая «одежда» была ему чуточку великовата, но священник этим обстоятельством оказался даже доволен. Затем старик стал крепить железные латы — кирасу с наплечниками и налокотниками, вот они пришлись почти впору.

Немного дольше провозились они с блестящей металлической «юбкой», железными набедренниками и наколенниками, потратив на застежки уйму времени.

Самому Андрею было неудобно помогать, а священник не мог быстро и сразу с ними справиться. Но совместными усилиями кое-как наладилось. В самом конце длительной процедуры на ноги надели кованые рыцарские «сапоги», широкие и тяжеленные, а затем латные «перчатки».

Открыв кожаную сумку, старый рыцарь достал оттуда свой золотой пояс и шпоры, завершившие облачение. Двухпудовый доспех привычно лег на широкие майорские плечи — тому приходилось в жизни подобную тяжесть много раз носить в виде бронежилетов. Да и в последние дни кольчуга и латы стали для него уже привычны.

Вот только одно озадачило Андрея. Хотя и невеликий он был знаток в истории, вернее, почти никакой, но вот такой доспех и оружие должны были появиться века через два, никак не раньше.

«И с чего это такое, выражаясь современным языком, ускорение научно-технического прогресса в военной отрасли произошло?» — задав сам себе этот вопрос, он пока не находил на него ответ.

Священник немного отошел в сторону и, как показалось Андрею, сам втайне полюбовался делом рук своих.

— Доспех впору, будто на тебя изготовили, ведь мы с тобой одинаковы, может, ты на два пальца выше, но вряд ли больше. Теперь прошу встать на колено, брат мой, и клянись в следующем. Но вначале дай мне немного взглянуть на твой меч...

— Он тебе знаком?

— Нет. Но я читал про него и вроде бы узнал рукоять. Теперь хотелось убедиться, есть ли на клинке узор?

— Есть!

Андрей кивнул и потянул меч из ножен. Перехватив за лезвие двумя руками, он протянул его старику. Но тот, к великому удивлению, отшатнулся, сделал даже шаг назад. Лицо старика побелело, а глаза буквально впились, пожирая взглядом замысловатый узор сверкающей стали.

— Этой грамотой, что выбил у тебя командор, ты, Ярослав, связал меня сейчас по рукам и ногам!

Высокий пан в кунтуше положил крепкий кулак на широкий дубовый стол. Хищное лицо скривилось, будто магнат быстро зажевал две горсти дикого, жутко кислого крыжовника.

Лежащий на ложе кастелян ничего не ответил — сейчас, по прошествии нескольких дней, он уже отошел от шока, вызванного той неудачной схваткой, закончившейся сломанной ногой, что попала под удар оглобли свирепого ордена, воскресшего из мертвых.

— Но я тебя не виню, сам вижу. Да и командор за эти пятнадцать с лишним лет навыков своих не утратил. А будь он с мечом, я бы не трех, а семерых потерял, с тобой вместе...

— Пан Конрад, мы не можем сейчас напасть на Белогорье...

— Да понимаю я! — Сартский зарычал злым псом. — И потому еще, что в Кракове чехи сидят с папским легатом, и их новость о воскрешении фон Верта сильно обрадует. Да и Бужовский, холопий сын, нам сразу удар в спину нанесет. А если еще в Лиенце эту грамотку папе поднесут?

И магнат, и его искалеченный кастелян дружно засопели — такой вариант событий был бы самым неблагоприятным. Связываться с церковью, пусть и ослабевшей от двухвекового натиска мусульман, потерявшей «Святой град апостола Петра» — Рим — ранее называвшийся Вечным городом, но воинственной и энергичной, им жутко не хотелось.

Обделять свои делишки, общипывая орденские владения потихоньку, сельцо за сельцом, это одно. А вот попасть под папскую буллу за открытую войну с крестоносцами, совсем другое дело, и крайне печальное для них, ибо соседствующие с ними паны разом воспламят любовью и верностью к вере, хотя и приняли христианство здесь только полвека тому назад, и поделят его владения, потому что, как бы ни был силен медведь, но от стаи голодных волков он никогда не отобьется в одиночку.

Нет, воевать открыто нельзя! Но опробовать свои силы немного не помешает, раз трактирщика на три сотни золотых ограбили. Свой человек, а их защищать надобно, чтоб другие злоумышленники это знали и боялись повторить!

— Я думаю, нужно помочь Завойскому Притулу охолопить. — Магнат оскалился улыбкой, а глаза гневно сверкнули.

— Но без нашего участия, — слабым голосом отозвался кастелян. — Так, дать полсотни воинов, этого за глаза пану хватит. У него почти столько же в дружине... Да, хватит...

Договорить Замосцкий не успел — за крепкой дверью прогрехотали торопливые шаги, и на пороге появился оруженосец магната, зрелый матерый воин с широкими плечами, в ладном доспехе без шлема — на все лицо протянулся уродливый шрам.

— Беда, ваша милость! Орденцы истребили людей Завойского в Притуле. Одиннадцать душ, а двенадцатого воя отпустили...

— Откуда они там взялись?! — Сартский взревел раненым медведем, машинально схватившись за рукоять меча.

— Воин говорит, что крестоносцев было три «копья», никак не меньше. Да еще «синих» видел. И лучники подошли, ополченцы из сел, до сотни, а то и намного больше.

— С такой силой они пана Завойского раздавят, даже если мы ему свою полусотню в помощь отправим! Вместе с нею...

Кастелян с вымученной улыбкой посмотрел на своего сюзерена, который только рот открывал, как вынутая из воды рыба, наливаясь по щекам алым цветом ярости.

— Орденцами там командовал сам командор, его все так называли, со шрамом на лице. Это фон Верт! — Зденек бросал слова, как камни, лицо стало отрешенным — вестники несчастья всегда так говорят. — И хуже. Он видел на одном крестоносце, когда тот снял с себя плащ, доспехи нашего Ярека!

— Час от часу не легче! — прорычал пан Сартский. — Я как чувствовал, и Ярек на них где-то напоролся...

— Нет, пан Конрад, — кастелян приподнялся на ложе. — Он не напоролся на них! Эти орденцы ждали фон Верта. Командор явился сюда неспроста, его встречали. И думаю, хотели напасть на нас и освободить Зарембу. Они своих рыцарей в плену не оставляют...

— Что ты хочешь сказать? — Сартский резко повернулся к оруженосцу. — Зденек! У тебя есть еще что?!

— Нет, ясновельможный пан. — Оруженосец поклонился и незаметно подмигнул кастеляну. Тот только прикрыл глаза веками, молчаливо соглашаясь и восхищаясь своим давним приятелем.

Если бы Зденек сразу сказал, что Ярека убили, то неизвестно, как поступил бы в горячке пан Конрад. А так спасительный ход — своего подручного пана Завойского, который мнил себя самовластным, их ясновельможная милость несколько недолго любила. И предупреждали Завойского не лезть в Белогорье в одиночку, только собственными силами. Не один раз остерегали — и теперь пан получил за свою наглость...

— Что нам теперь делать, Ярослав?

Голос Сартского вывел кастеляна из язвительных размышлений о соседе, который ему досадил один раз крепко своей чванливостью, назвав приживальщиком.

— Отпустить сегодня Зарембу, вернув оружие и коней. Одарить знатно да сказать, что по злосчастной ошибке и гнусному оговору захват сей произошел, о чем ваша милость сожалеет...

— Что?! Да никогда! Чтобы дары ордену приносить?!

— Не торопитесь, пан Конрад, — кастелян умоляюще поднял руки. — Ведь все вернется вам сторицей. Сейчас воевать с крестоносцами нам никак нельзя. Ведь то, что случилось в Притуле и с Яреком, не более чем предупреждение. Стоит ли воевать с врагом, про которого мы так мало знаем? Ведь не просто же так воскрес командор фон Верт?!

Сартский задумался — кастелян никогда не давал ему дурных советов. Потому силой воли он задавил растущий внутри гнев. Замосцкий продолжал гнуть свою линию.

— Мы знаем, сколько крестоносцев сейчас в Белогорье? Можем ли мы быть уверены, что орден не получит помощи? Одно дело воевать их месяцем раньше, но сейчас-то совершенно иной расклад. Я думаю, что известие о фон Верте уже получено в Кракове, а чешский король и так неровно дышит к орденцам. И что еще хуже — мы не знаем, как отнесется церковь. А если булла? Начни мы войну, а нас отлучат? К ордену, как мухи на дерьмо, сразу слетятся сотни рыцарей и воинов!

Властный магнат только засопел в ответ, стиснув кулаки до хруста. Он был гневным и жестоким человеком, но умел прислушиваться к доводам рассудка и понял, что с претворением в жизнь заветных планов следует повременить. Сартский произнес лязгающим голосом:

— Хорошо, я сделаю так, как ты сказал. Отпущу Зарембу со всеми его крестоносцами и с дарами...

— И отправишь в Бяло Гуру Завойского с извинениями. И Зденека от себя, я поехать не могу, к сожалению.

— А это еще зачем?

— Ты полностью поменяешь свое отношение к ордену на людях — все должны видеть, что ты в фон Верте души не чаешь. А потому со Зденеком отправь богатые дары. Очень богатые, с

оружием. Ведь будущему врагу мечи в подарок не везут?

— К чему ты клонишь?

Вопрос был задан подбодряющим тоном — магнат уже прикидывал, как будет выполнять предложенные кастеляном меры.

— Я слышал, что на Висле появились два хирда нурманов?

— В одном полсотни воинов, в другом полная сотня. Идут за Карпаты, пограбить магометан. Угры богато живут!

— Маловато их для похода...

— А кто из наших князей пустит по Висле таких отъявленных негодяев в большом числе?!

Да и для грабежа идут, не для войны. Хотя вои превосходные, каждый из них трех наших стоит.

— И десяти крестьян, — вкрадчивым голосом добавил кастелян. И негромко предложил, усмехнувшись: — Они нам будут нужны!

— Ты сдурел?! У меня казны на это отребье не хватит! Да и что скажут паны — с язычниками на папских крестоносцев идти?! Да легче самому зарезаться...

— Разве я так говорил? — Кастелян лукаво прищурился, и негодующий страх с пана Сартского разом смыло. Он буквально впился в глаза своего хитрого подручного, лихорадочно соображая, куда же тот клонит.

— А вот если нурманский ярл пойдет в Словакию через Бяло Гуру? Дорога то прямая, да люди ему подскажут и мзду дадут. А если пограбят северные поганцы там все, пожгут, орденцев перебьют?! Их же от грабежа не удержать никак! А полон уграм продадут...

— А я отомщу за гибель моего друга, командора ордена Святого Креста фон Верта! — торжественным голосом, но со злой усмешкой произнес Сартский и захохотал. — Ну ты и выдумщик, Ярослав!

— А у меня должок пану Андреасу остался, — кастелян похлопал ладонью по лубку, в который была заключена искалеченная нога.

— Через два месяца и выплатишь! К этому времени кость срастется и в седле сидеть будешь... И знаешь что?! Я Зденека в Белогорье посылать не буду! Я сам поеду с паном Завойским, одарю фон Верта, и мы там заключим с орденом «вечный мир»... Ха-ха, ну и голова у тебя, Ярослав!

- Откуда у тебя этот меч? — охрипшим голосом спросил священник, заворуженно взирая на сталь.
- Как он ко мне попал, ты хотел спросить?
- Да, мне хотелось бы знать, как он нашел твои руки!
- Нашел? — вот тут удивился Андрей, с недоумением посмотрев на старика. И ответил, как было на самом деле:
- Несколько дней тому назад беглый словак, шайку которого мы истребили, слезно попросил принять его в орден. И показал нам, где лежит труп орденского стрелка в синем плаще с белым крестом, при котором разбойники и нашли этот меч.
- Стрелка ордена? Они убили его?
- Нет, он умер до них, от ран. Тати даже похоронили его в расщелине, заложив камнями. Вместе с мечом, вот только без ножен...
- Да то и понятно! — только усмехнулся в ответ бывший рыцарь. — Если бы настоящие ножны имелись, они бы сейчас вместо этого убожества и хранили святыню...
- Святыню?! — Изумление прорвалось помимо воли.
- Да, — просто ответил старик, но тему, к великому огорчению Андрея, развивать не стал, а спросил, пристально глядя прямо в глаза:
- Как стрелок вез сей меч?
- Прокоп сказал, что клинок был завернут в мешковину. Тати ее развернули, посмотрели, но их главарь самолично снова завернул меч и спрятал его под камнями, где и стрелка.
- Почему он так сделал?
- Сказал, что попытаться продать такой меч — самый близкий путь к самоубийству, — усмехнулся Андрей.
- Умен... — Священник пожал плечами и усмехнулся: — Но глуп, что в разбойники пошел.
- Что это за меч? — Андрей вернулся к интересующему его вопросу.
- Я тебе отвечу, но позже. Ты видел труп стрелка?
- Да.
- Каков он?
- Разложение тронуло. Рука запомнилась, правая. Изуродована...
- Десница?! — воскликнул старик. — Нет мизинца, а безымянный вывернут в сторону. Вот так?
- Священник отвел палец в сторону под углом и даже потряс кистью перед глазами Андрея. Немного подумав, тот кивнул, соглашаясь.
- Это не стрелок ордена, — тихо ответил бывший рыцарь и почернел лицом. — Это брат Карл...
- Рыцарь? Твой друг?
- Да. И если он один, переодетый, вез эту святыню, то значит, мы потеряли в Словакии еще один замок. Где вы его нашли?
- От Пятничного тракта прямо на юг, влево от Запретных земель, если от тракта считать.
- Сюда вез, — горестно вздохнул священник. — Бедный, бедный Карл... Его замок не устоял, хотя мы отправили помощь...
- «Копье» рыцаря Стефана Зарембы, что сейчас находится в плену у пана Сартского?

Старик только кивнул в ответ. На почерневшем лице светились глаза, а по пыльной щеке поползла слеза, оставив чистую дорожку и спрятавшись в густой, с седыми прядями бороде.

Андрей молчал, глядя на искреннее горе — что такое потеря друзей, он хорошо знал. И, желая отвлечь священника от переживаемого горя, тихо повторил свой вопрос, что сильно заинтересовал его.

— Чей это меч?

— Иоанна Златоуста, — просто и коротко ответил старик.

— Святого? — Удивление было искренним.

— Нет, тогда он был еще язычником и полководцем. Великолепным воином. А святым он стал позже, после того как в его руки попал этот меч. Перед завоеванием Никеи магометанами этот меч, что хранился в церкви, увезли. А папа передал его позже нашему магистру. Он хранился в одном из орденов замков в Словакии. Каком — неважно. Они все, кроме последнего оставшегося, захвачены уграми. Бедный, бедный Карл...

— А ножны где?

— Их не было, и каковы они, никто не знает. Но если они соединятся с клинком, то будет чудо...

— Даже так?

— Есть одно пророчество...

— Какое?

— Зачем тебе это знать?! — усмехнулся старик, встопорщив бороду, и Андрей понял, что тот ему ничего не скажет. Или ответит, но не правду, а если и оную, то не всю. Потому задал другой вопрос, мучавший его сегодня с самого утра:

— Для чего ты меня облачил в эти латы, отец?

— Не отец я тебе, брат-командор...

Не договорив, старик бросил на него испытующий взгляд. Такой, что у Андрея пробежали мурашки по коже. Он понял, что отказаться не имеет права — «Раз попала собака в колесо, пищи, но беги!», а плечами пожал, как бы говоря — куда деваться. Видно, совсем худо обстоят дела у ордена Святого Креста, раз за первого встречного хватаются!

— Встань на колени!

Священник словно прочитал его мысли и резанул взглядом. Потом взял меч и воткнул его в землю, впереди стоящего на одном колене Андрея.

— Клянусь верой и правдой вечно служить ордену Святого Креста, пока не оставят меня силы!

— Клянусь Господом нашим!

— Клянусь возвратить ордену Святого Креста былую силу и славу! Клянусь приложить все свои силы, чтобы изгнать из христианской земли неверных и не опускать меч свой, пока не будет этого на нашей многострадальной святой земле, осененной Иисусом Христом!

— Клянусь Господом нашим!

— Твоя клятва ордену Святого Креста принята! Во имя Отца, Сына и святого Духа! Аминь! Встань, брат-командор, и теперь возьми сей меч, святыню христианскую, и носи его доблестно по освященному праву! Он достойно сражался за христианскую веру!

— Аминь! — повторил за священником Андрей взволнованным голосом. Он поднялся с колена, вытащил меч из земли, отер лезвие и нежно поцеловал серебристую в лучах солнца сталь.

Губы словно обожгло кипятком, и он отшатнулся. Колющие мурашки от похолодевших губ побежали электрическим током по всему телу, и в голове словно взорвалось солнце, ослепив на мгновение ярким, плазменным, чистым светом.

Андрей открыл глаза, поморгал — казалось, он даже стал лучше видеть. Или краски окружающего мира стали ярче? Он потряс головой, словно спросонок, и взглянул на старика. Тот, повернувшись к нему спиной, копался в своей торбе, разыскивая или перекладывая там что-то.

«Ни фиги себе, тряхнуло! — Андрей покосился на спину старого рыцаря. — Хорошо, что он ничего не видел!»

Старик, выудив из недр своей сумы баклагу с водой, уселся на камень:

— А теперь помоги мне навьючить оружие на коней!

Отхлебнув воды, он как ни в чем не бывало прикрыл глаза и задремал, не заметив вопрошающий взгляд Никитина.

«А мне предложить?»

Андрей сглотнул тягучей слюной по сухому, словно рашпиль, пыльному горлу так и не заданный вопрос и заковылял к лошадям. Он чувствовал себя ужасно, если не сказать хуже.

Два пуда доспеха изрядно утяжелили его тело, теперь движения давались с трудом. Сопя и кряхтя, он принялся за дело, мысленно подбадривая себя крепким словом.

Пару раз, бросив искоса взгляд на дремлющего под солнцем старика, Андрею показалось, что он уловил запрятанную в бороде усмешку и хитрый прищур из-под ресниц.

«Ага! — матерясь про себя, Андрей тащил к коню очередную охапку металла. — Зашибись развлекалово придумал, старый пень! Типа проверка для салаги! Курс молодого бойца!»

Однако куча доспехов рано или поздно должна была закончиться, и Андрей измученно взирал на одиноко лежащее на земле рыцарское копье.

Поднять его было целым делом: организм, заключенный в консервную банку доспеха, категорически отказывался низко наклоняться. Максимально согнувшись, Андрей лишь смог коснуться железными перчатками чаши злосчастного копья.

Прикинув, что очередная попытка наклониться, чтобы поднять копье, может закончиться позорным падением, Андрей решил присесть, однако также потерпел фиаско. Покосившись на старика, все еще старательно изображавшего из себя спящего, Андрей зашипел от злости:

«Твою мать, тоже мне, сэнсэй хренов! А я чего, всю жизнь мечтал, что ли, в эти ваши рыцари попасть? А меня, вообще, кто спрашивал...»

Взгляд остановился на притороченной уже к седлу секире, и в голове мелькнула идея. Так и есть: использовав закругленное хищно-острое лезвие, он смог подцепить копье за древко и, наконец, поднять. Двухсполовинойметровый дрын выглядел впечатляюще! И весил так же!

Кое-как, гремя и лязгая, он волоком потащил копье к коню. Через четверть часа мучений Андрей навьючил коня, прикрепив в довершение сверху рыцарское копье.

В полном изнеможении он захотел было опуститься на землю, но тут почувствовал спиной насмешливый взгляд старого рыцаря.

«Сдохну, но не упаду! Я все превозмогу, не такое видывал! Я буду носить это железо, как свою обычную и привычную одежду. Не дождетесь!»

Однако тело протестовало: полный рыцарский доспех оказался в два раза тяжелее прежней «зброи», да еще неудобные наколенники с набедренниками, да сапоги с железными вставками и пластинами сильно мешали, утяжеляя ноги.

— Я этот доспех носил с утра до вечера и дрался в нем часами!

Легким, пружинящим шагом, словно сбросив лет так дцать, священник подошел к Андрею и положил руку на плечо. Словно пудовая гирия потянула плечо вниз, и Андрей закрипел зубами, пытаясь сохранить равновесие.

— Ты должен научиться его вначале таскать, потом носить, а затем просто не станешь замечать тяжесть. На это может уйти два месяца, но ты привыкнешь за пару недель. Ведь ты

командор ордена Креста, а не изнеженный женщинами недоросль-шляхтич! А сейчас держи поводья коня, я возьму другого, и пойдем обратно до кельи. Там я честно отвечу на все твои вопросы, мой командор...

Старик наклонился и неожиданно выпрямился — Андрей уловил только быстрое, как молния, движение и ощутил, как неизвестно откуда-то взявшийся клинок уткнулся ему в щеку.

— А если бы в глаз попал, брат?! — только и смог выдавить он из себя, глядя на серебристую сталь кинжала.

— Ты сейчас должен быть внимателен, брат-командор. Твоей смерти будут желать очень многие, и любая оплошность дорого обойдется не только тебе, но и всему ордену. — Старик упрятал кинжал в сутану, Андрей так и не понял, откуда тот выхватил смертоносное оружие.

— После Каталауна мы в одночасье потеряли двух командоров, последних... Они не были в битве, но одного рука убийцы настигла в замке. Это был единственный предатель среди братьев...

— Я думаю, что их было больше, — Андрей усмехнулся. — Второй командор ведь тоже скоростижно скончался? И почти одновременно. Такое совпадение слишком подозрительно. Похоже на яд! Да и орденские замки по Эльбе быстро заняли. Слишком быстро, словно кто-то открыл ворота. Похоже, что в них не могли не быть изменники! Да и полный разгром ордена слишком подозрителен — такое ощущение, словно его подставили! Да и мор, что обрушился на Запретные ныне земли, имел странную избирательность — ведь эти села в большинстве своем были орденские!

Андрей смотрел на старика, а тот несколько раз еле заметно вздрогнул, словно каждое слово разило его ножом в сердце. Значит, он был близок к истине в своих размышлениях, переварив ту скудную информацию, что успел собрать за это короткое время.

— Я не ошибся, это судьба! — пробормотал под нос священник и быстро развернул один сверток. Достал оттуда большой алый плащ с нашитым белым крестом. И, подойдя вплотную, бережно накинул его на плечи Андрея. Вдохнул тяжело, медленно завязал тесемки, щелкнул пряжкой. Пристально посмотрел в глаза.

— Пойдем в келью, брат-командор. Нас ждет долгий разговор...

Дорога запомнилась Андрею одним сплошным кошмаром, он шел в почти бессознательном состоянии, еле волоча тяжеленные ноги. Тело горело от тяжести и жары, пот лился струями, как кран с горячей водой в русской бане. Только одно его несколько утешало — тяжесть равномерно облежала тело, а шлем с оружием были на коне, иначе бы он чувствовал себя намного хреновей, что еще очень мягко сказано.

Но все же он дошел, чуть не падая, уже на полном издыхании. Привалился всей спиной к дереву и первой попавшейся под руку холстиной стал медленно утирать пот. А заодно обрадовался — Арни с ребятами ушли на целый день и не видят его позорища.

Священник усмехнулся, сам привязал и разгрузил коней. Потом подошел к насмерть уставшему Андрею и характерным знаком руки, шевеля пальцами вверх, велел тому подняться с земли. Хоть было очень тяжело это сделать, но со второй ожесточенной попытки Андрею удалось подняться на дрожащие от усталости ноги.

Старый рыцарь стал снимать с него доспехи, а Андрей, сжав до боли зубы, всячески помогал в этом разоблачении. Лишь спустя некоторое время он сумел наконец вздохнуть полной грудью — чудовищная тяжесть упала с натертых броней плеч.

Сидя в полном расслаблении на траве, Андрей неожиданно вспомнил старый забытый анекдот и громко расхохотался. Священник с недоумением глянул на него.

— Почему ты смеешься, брат-командор?

— Да вот, историю одну вспомнил. Сейчас расскажу. Однажды встретились как-то в большой пустыне два человека, один нес огромную, тяжелую клетку, а второй мужик еле тащил на плече длинную рельсу. Ну, эта штука такая из железа, в две оглобли длиной, жутко тяжелая. Разговорились между собой и, разумеется, коснулись вопроса о своих ношах — мол, для чего их таскают. Тут первый клетку с натруженных плеч сбросил и говорит с оптимизмом в голосе:

— Я льва увижу и сразу в клетку залезу, и железную дверцу за собой закрою — эта мохнатая тварь ни за что меня не съест, только свои зубы обломает. Ну а ты, путник, зачем рельсу несешь?

— А я льва увижу, так сразу же во все свои силы от него дёру даю. А как тяжело станет, я тут же сразу рельсу на песок бросаю — ни один лев не догонит, так легко мне бежать становится!

Он снова прыснул смешком и впервые увидел, как по-детски может смеяться старый рыцарь, закидывая назад голову, а на лице от жизнерадостного смеха исчезли на это очень короткое время все морщины.

— Я не смеялся уже почти двадцать лет, и этот смех есть доброе предзнаменование, брат-командор. Пока не вернулись эти юноши, я скажу тебе сразу — теперь по регламенту ордена Креста я в твоём полном распоряжении и готов выполнить любой твой приказ! Кроме одного — того, что противоречит принятому мной сану.

Тут священник серьезно посмотрел прямо в глаза Андрея и стал чеканить слова:

— Ты последний оставшийся командор — сейчас ты единственный «хранитель», а потому глава ордена Святого Креста. И на тебе теперь лежит вся ответственность. Ты должен будешь возродить наш рыцарский орден, чтоб он воспрянул, как феникс из пепла. А это тяжелая задача, ведь орден обескровлен и слаб, большинство польских панов и немецких баронов — наши лютые враги. Я буду помогать тебе по мере моих скромных сил и знаний. Можешь на меня полностью положиться.

— Почему ты так решил, брат? И как тебя зовут? Ты так и не назвал мне своего имени.

— Сейчас паства называет меня отец Павел. В миру звали меня Любомир, я из захваченного ныне басурманами славного Киева, что Куйябой стал. Я из полян. В детстве стал холопом, попал в Богемию, где взял в руки меч и беглым вступил в орден, ставший моим спасением. Через пятнадцать лет получил серебряный пояс оруженосца, «полубрата», как их называют. Вскоре на поле боя с уграми командор Ульрих фон Райхенау посвятил меня в рыцари, так я стал братом. У меня нет и никогда не будет детей, тем паче жены, да и родных, что остались на Днепре. Орден есть моя единственная семья и привязанность. Я не могу служить ему мечом, но рука может держать крест. Сейчас мне уже полных 62 года, следующей весной может быть на год больше. Вот только будет ли...

Священник на секунду замялся, глаза гневно сверкнули, а уголки рта собрались в кривой улыбке.

— Сюда придут со своим воинством паны Завойский и Сартский. Прости Господи им злодеяния, ибо они не ведают, что творят! — Отец Павел перекрестился. — Мы все тут погибнем! Неминуемо! А потому не стоит рисковать — ты должен немедленно уходить в Краков, там есть наш замок Замостье, и чехи — давние союзники ордена. А оттуда в Богемию или Моравию, где у нас есть пять замков. Там ты и все твои люди нужны до зарезу. Ты последняя надежда ордена...

— Погоди торопиться, брат Павел! — несколько невежливо перебил священника Андрей. — Куда и зачем мне уходить — это я сам решу. Хочу только получить от тебя честный и прямой ответ — только поэтому ты признал меня командором ордена?

— Ну и хватка у тебя, брат Андрей. Я рад, что в тебе не ошибся, — старый рыцарь улыбнулся, но его голос построжал, — не потому я признал тебя командором! Будь это так — сам убил бы!

Глаза старика загорелись нешуточным гневом, а у Андрея захолонуло сердце — такой дед убил бы сразу и не поморщился. Матерый вояка и до того, как красный плащ на сутану сменил, немало крови пролил.

— Грешно сомневаться в Божественном провидении. И не мне, скорбному, это делать! Ты воин и попал сюда с другого мира. Так?

— Так, — с этим трудно было спорить.

— Ты удивительно похож на командора Андреаса фон Верта, и обликом, словно близнец его, и жизнью, в которой красной нитью прошла война с неверными, как и у него! Орденскую наголку тебе сделал твой друг, воин. И нанес ее, как нашу, а не как принятую в твоём времени...

— Так он пьян был до изумления!

— Вот это и оно. — Священник назидательно помахал пальцем и непроизвольно шмыгнул носом, отчего Андрею показалось, что отец Павел в молодости был не дурак выпить. А тот, словно подтвердив промелькнувшую мысль, произнес:

— Если вино во зло, то пробуждает темные желания, что таятся в каждом из нас. Но если в добро, то человек творит во благо Господа нашего! Так и тот воин водил рукою своею, выполняя Его Предначертание. И так же, как я, тот воин искалечен в бою. Ты мне говорил, я запомнил.

— Ты прав, — после минутного размышления согласился Андрей, хотя ему такое предположение вначале показалось диким.

— А ты, прозябая без трудов ратных в сельце убогом, заново сам взялся речь германскую да ляшскую учить. Зачем тебе она там нужна, если иноплеменников днем с огнем не найдешь?! Что, просто так или...

— Или, — с трудом, но согласился Андрей, вспомнив, как терзался на пенсии и прозябал. И как мечтал вырваться! Допросился...

— И попав сюда, ты сразу встретил собственного сына, да-да, своего! Ты оплатил чужие, но свои счета! Жаль только, что не прибил там Замосцкого — он еще нам много пакостей доставит. Что, просто так оглоблю схватил и стал ему ноги ломать, а не мозги вышибать?!

Андрей вздохнул — слишком много появилось совпадений. Как в той притче про упертого праведника во время потопа и посланные ему для спасения плот, лодку и корабль. А священник продолжал загигать пальцы, перейдя на левую руку.

— В трактире к тебе на помощь пришел орденец! Тебя нашел этот меч! Что, просто так он на пути попался? А может, ты к нему?! Еще перечислять или хватит таких «совпадений»?! И, наконец, есть пророчество святого Феофана — мне ли ему противиться?!

Старик чуть не сорвался в крик, покраснев и напирая широкой, отнюдь не дедовской грудью, тыкая пальцем — «Он меня за Фому неверующего держит, еще и морду мне набьет за упрямство!». От таких мыслей оторвало его знакомое слово, и Никитин сразу насторожился.

— А что это за пророчество? — Андрей был заинтригован, услышав это имя во второй раз.

— А вот этого тебе знать нельзя. Если пророчество про тебя, то оно исполнится по воле Господа, и тогда зачем тебе его знать? Если же нет, то тем более незачем разум и душу смущать, подгоняя откровение под свои действия?! Ведь так, брат-командор?

— Так, — выдавил из себя согласие Андрей, он не мог не признать резонность сказанных ему слов. Теперь для него все стало ясным.

— Отец Бонифаций!

Мягкий голос служки вывел папского нунция из дремоты, в которую он незаметно погрузился после тяжелого ночного бдения. Хотел поработать над бумагами, присланными из австрийского Лиенца, где находилась резиденция его святейшества папы Александра, да не смог устоять перед зовом уставшей плоти. Уснул, уткнувшись носом в бумаги.

— Прибыл купец Иоганн Нойман. Просит аудиенции.

— Нойман?! Зови немедленно!

Известие, желанное и столь нужное, взбодрило священника и окончательно прогнало остатки сна. Он даже потряс головой, словно собака, отряхивающая воду, придя от данной процедуры в должное состояние.

Дверь в кабинет отворилась, и в него упругим шагом вошел долгожданный вестник в запыленной одежде. Встал на колени и приложился сухими губами к протянутой ладони.

— Здравствуйте, святой отец! — купец поднялся на ноги и замер в ожидании. Нунций чуть улыбнулся краешками губ.

— Я вижу, у вас важные известия для меня, что вы не задержались ни на один час. Вы сильно торопились, герр Нойман, и я ценю ваше рвение.

— Очень важные, святой отец...

— Князь Святослав принял наше предложение?

— Он его отверг категорически, святой отец!

— Значит, княгиня Ольга...

— Она во Пскове, но за ней пригляд, и она уже не имеет прежнего влияния. Единственное, что позволил ее властный сын, так это возвести Десятинную церковь для нее, нескольких бояр, что приняли веру, да приезжих купцов. Христиан во Пскове почти нет.

— Тогда причина вашей спешки для меня ясна — князь Роговолт Полоцкий решил в пику новгородскому князю принять веру.

— Нет, святой отец. Князь отказал нам, хотя строить церковь разрешил. Его единственная дочь Рогнеда принять христианство не пожелала.

— И вы спешили только для того, чтобы сообщить мне эти пренеприятные известия?! — Нунций раздраженно поморщился. — Могли бы хоть переодеться, время есть — такие худые новости не к спеху. Да и нет нужды ставить в известность Лиенц.

В голосе нунция лязгнул металл, а в глазах, прежде кротких, промелькнула опасная молния. Однако Нойман отнюдь не испугался, он давно работал на церковь и знал себе цену. Купец улыбнулся победно, почти как триумфатор, отчего нунций чуть не вскочил с жесткого дубового кресла.

— Да не томите мне душу! Новости, что вы привезли, не стоили и порванного в дороге сапога. А вы сильно торопились, Иоганн! А потому заклинаю вас — не испытывайте мое терпение! Оно безгранично...

— Несколько дней назад на Пятницком тракте в постоялом дворе, что у Запретных земель...

Нойман сделал выжидательную паузу, наклонился прямо к уху нунция и тихо произнес:

— Я встретил там брата Андреаса...

— Какого брата? Вашего? Что вы мне плетете, Нойман?! Вы с ума не сошли часом?

Нунций в раздражении сыпал словами, а Нойман мстительно улыбнулся — он недолюбливал этого импульсивного отца церкви, которому прямо мешал этот южный

итальянский характер, но очень ценил его другие качества, а потому dokonчил, чеканя каждое слово по отдельности:

— Я встретил там брата Андреаса фон Верта, последнего из «хранителей», командора ордена Святого Креста!

— Что? Андреаса фон Верта?

Нунций захлопал глазами, еще не понимая сказанного, но спустя несколько секунд побледнел. Голос охрип за мгновение, и он прошипел, выталкивая слова из горла:

— Так он не погиб на Каталаунских полях?! Боже мой! Пятнадцать лет, пятнадцать лет прошло... Ты не ошибся?

Такая дикая надежда прозвучала в голосе священника, что Нойман, не мешкая, ответил:

— Это исключено, святой отец! Он дрался там с кастеляном пана Сартского Ярославом Замосцким...

— Убил его?

— Нет, — ответил Нойман, и тут же лицо нунция смертельно побледнело. И купец заторопился, сыпля словами: — Вы меня неправильно поняли. Был не поединок, была обычная драка — командор на моих глазах оглоблей огрел несколько стражников кастеляна, а последнему сломал колено.

— У него что, меча не было?

— Они с кастеляном говорили о какой-то клятве, данной пятнадцать лет тому назад, что брат-командор к нему железом более не прикоснется, но ноги сломает!

— Я вспомнил, — воскликнул нунций, утирая со лба капельки пота. — Такая клятва была дана тогда. И он ее исполнил... Невероятно! Как выглядит сейчас командор Андреас?

— Лет за пятьдесят, лицо в шрамах. Волосы русые, с обильной сединой. С ним юноша, очень похожий на него. Командор один раз назвал его сыном. Одежда у обоих простых воинов, кожаные доспехи, плохонькие мечи. Орденовых плащей не было...

— Он не безумец, чтоб в таком одеянии по владениям Сартского разъезжать. Участь брата Зарембы...

— Да, кстати, о нем. Пан кастелян подписал крестоцеловальную грамоту, что обязуется отдаться в руки ордена, если его сюзерен не отпустит в течение недели захваченного им подло рыцаря ордена Зарембу и его людей, честно, купно и оружно. Пан Ярослав такую грамоту подписал и крест на сем целовал. Я присутствовал и собственною рукою писал эти грамоты, ибо у командора письменных принадлежностей не имелось...

— Не может быть!

— Пан кастелян страдал от боли... И от страха — вы знаете, святой отец, как командор умеет его вызывать. А бумага — вот она, — купец достал свиток и с поклоном передал нунцию. — Это копия грамоты, командор специально приказал ее сделать и отдал мне на хранение.

— Он вас узнал?

— Да, еще вечером за столом, как пришел мой обоз. Мы с ним пили вино. Много выпили, очень много, святой отец...

— Я отпускаю тебе этот грех! — с улыбкой произнес нунций. Усталость исчезла, стало радостно на душе, которую обуяла лихорадочная жажда деятельности — новость была ошеломительной.

— Я принял его за странствующего рыцаря, к моему стыду. Я просто не узнал его, в голове не укладывалось, что может произойти такое чудо...

— Все в руках Божьих! — назидательно произнес нунций и перекрестился. Купец тут же последовал его примеру и продолжил говорить:

— Зато он узнал, назвал Нойманом, хотя я раньше сказал ему, что меня зовут Новаком. Я просто был пьян, а потому даже предложил ему сопровождать мой обоз до Праги за десять злотых.

— Ты поскупился, сын мой, — усмехнулся нунций. — С ним были воины, кроме этого юноши?

— Нет, но когда мы слышали звон мечей и выбежали на двор, то командор закричал орденский клич, и мой Арни тут же вмешался, зарубив ляха. А потом сказал мне, что возвращается обратно в орден. Он тоже узнал командора и накинул на того красный плащ — рубашка была порвана, а на груди были видны знаки крестоносца.

— Ты их разглядел? — нунций впился взглядом в своего тайного конфидента, а проще говоря, шпиона.

— Нет, но Ядвижка, что вечер с ним провела, а потом на ночь удалились вместе, сказала о том слуге трактирщика, а мой человек подслушал. Там нанесены были круг, крест и древо. К сожалению, я об этом узнал лишь после схватки во дворе!

— Это командор! — прошептал нунций и стиснул зубы — его колотило от нервного напряжения. — И где он был столько времени?!

— У меня есть соображения по этому поводу, святой отец, — вкрадчиво произнес купец, прекрасно слышавший последние слова. И видя, что нунций ничего не отвечает, а молчание есть знак согласия, то заговорил, принизив голос до шепота.

— На нем простой золотой крестик, но чеканка явно византийская. А цепочка так просто чудо — я такой изящной и тончайшей работы еще не видел. Колечко к колечку, все похоже, а их и разглядеть толком нельзя. И раз крестился он как все ортодоксы — справа налево... Вот тут-то я и призадумался — с чего это германский рыцарь, пусть и обедневший, уж больно плохо был одет, а крестится, как ромей...

— А ведь это объясняет его долгое отсутствие и в какой-то мере внезапное появление!

— Вы имеете в виду «духовную» великого магистра, святой отец?

— Не только ее. Святой престол еще двадцать лет назад...

Нунций не договорил и задумчиво посмотрел на купца — глаза священника приняли странное выражение.

— Ну что ж, сын мой. Ты славно потрудился во благополучие нашей матери церкви. Я отпишу о том в Лиенц. А пока тебе предстоит сделать несколько важных дел, о которых мы сейчас и поговорим...

— Ответь мне, брат, что точно означают знаки на моей груди. Ведь я ни ухом, ни рылом... Виноват! Совсем не знаю таинства этой загадочной надписи. Вернее, что она обозначает здесь.

— В самом начале идет Крест, он есть у каждого вступившего в орден. Но наносится воину, кои в ордене «служителями» именуется, только после полугода испытательного срока. Затем, если становится «посвященным», то есть опоясанным рыцарем, или даже получившими право на баннер, справа наносили знак «I». Его ставили поверху большой точки, символа «полубрата» — так называют «служителей», оставшихся на второй двенадцатилетний срок, или оруженосцев. Они имеют право на обращение «брат», но в «посвященные» не входят. То привилегия для одних только рыцарей...

— А «хранители»?

— Они ведают всеми делами и тайнами ордена. А потому их мало — девять командоров и четыре главных вершителя — три приора или магистра, и глава нашего ордена.

— Гроссмейстер?

— Так его именуют тевтоны — великим магистром, ты прав. Священники ордена имеют такие же знаки, ибо все мы воевали под знаменами ордена, только сейчас в руках обычного оружия не имеем. Я сам, в первую очередь, воин, но держать в руках меч для меня сейчас грех.

Старый рыцарь расстегнул ворот и обнажил левую половину груди — на ней чуть выше соска шли насквозь ему знакомые синие знаки татуировки I+. Отшельник потер ладонью надпись, а затем немедленно застегнул ворот и тихо сказал Андрею:

— Почти всегда рыцари, которые уже не могли держать в руках оружия, принимали духовный сан и давали обет безбрачия, целибата. Их рукополагает кардинал по благословению папы. Духовного главы ордена у нас нет, его роль выполняет сам его святейшество. Великий магистр занят только военными и мирскими делами. Вот и все наши тайны, если вкратце.

— И что мы имеем? — протянул Андрей, делая в уме нехитрый подсчет. — До Каталауна в ордене было тринадцать «хранителей», девять из которых командовали отрядами, в каждом из которых по три баннера и девять простых «копий». Так?

— Не так! Тринадцать «копий» по десять всадников, ибо все «хранители» воины.

— Хорошо. Исходя из принципа троичности, «посвященных» рыцарей 81, да 27 старших по рангу и имеющих право на баннер братьев. А также 243 «полубрата» или оруженосцев. Верно?

— Ты считаешь хорошо!

— Итого 121 «копье», или чуть более тысячи двухсот всадников. А пехота имелась?

— Нет, только замковая стража из пожилых или увечных воинов. Ими обычно командовал наиболее опытный «служитель» или оруженосец. Зато были конные стрелки, или «синие плащи», как их называют. Им давалось вознаграждение, служили они половину срока. Орденский знак на грудь таким воинам не наносился.

— Были? А что, сейчас их нет?

— Сейчас почти ничего нет. Долгих пятнадцать лет мы пытались возродить орден Креста, но так и не сумели собрать тринадцать рыцарей для капитула, тех, кто отслужил бы в ордене полный двенадцатилетний срок. Князья потому отказали, ссылаясь на наш же регламент, в покровительстве, а без замков и земель, которые мы потеряли везде, кроме Моравии и Богемии, нет ни одного командорства. И рыцари теперь обходят наше знамя, вступая только в «Братство Святой Марии». А самое плохое — это то, что не остался в живых ни один член капитула, а только они могли посвящать в рыцари наших «полубратьев».

— Так сколько же сейчас рыцарей Креста?

— Два «баннера» в моравских и богемских замках, в них всего пять «копий». Я тоже имею право на флаг, вот только у меня нет «копий», кроме моего. И то без рыцаря, — священник тяжело вздохнул. — Я уже не воин. Со мной всего семь орденцев, на «копье» не наберется. Оруженосец Болеслав и пятеро воинов в здешнем замке, у самого Белогорья. Грумуж у родных, трое «синих» тоже, они из здешних селян. Больше никого тут нет.

— Ты баннерный рыцарь, а у тебя нет «копий»? — удивился Андрей.

— Здесь нет, — поправился старик. — Я хотел передать свой флаг брату Карлу... Но он погиб. В Словакии совсем худо. У нас остался только один замок у «Трех дубов», там «копье» брата Вацлава и десяток «синих». Угры опустошили страну, словаки бегут либо в горы, но там не выжить, либо сюда.

— А Замостье?

— Совсем забыл, память плохой стала, — покаянно произнес священник, но бросил на Андрея хитрый взгляд. — Брат Иоганн сейчас там замок держит, а брат Стефан томится в подвале у пана Сартского. Вот и все наши силы, едва с сотню воинов наберем, — священник тяжело вздохнул и понурил голову.

Новоявленный командор чувствовал себя не лучше — он никак не ожидал, что положение настолько скверное. А потому предложение бежать отсюда в Краков было весьма разумное, и он бы его принял без раздумий, если бы не одно но...

— А почему ты здесь живешь?

— Я получил в схватке с паном Сартским тяжелую рану, правая нога была изувечена, и потерял в том бою последнее село ордена по ту сторону от Запретных земель... — Старый рыцарь еще раз тяжело вздохнул, до сих пор переживая за свое давнее поражение от самого злейшего врага ордена, и надолго замолчал.

Андрей подождал и решил сам заговорить:

— Но ведь пан Сартский сюда явится рано или поздно. Ты думаешь, что он пощадит священника?

— Меня он убьет, это точно! Но я погибну в нашем орденском плаще и с оружием в руке. На пороге этого дома... Или на коне в сшибке... А это лучшая участь для крестоносца!

— Ты же говорил, что здесь нет оружия?!

— Говорил, что у меня в руках его нет. В этом я не обманывал. А в доме оружие есть, но о том ты не спрашивал.

Священник тяжело встал, опираясь на стол, медленно подошел к грубо сколоченной полке и достал пару предметов, которые могли хорошо послужить в деле отнимания жизней. Андрей их узнал — короткий шестопер, увесистую булаву и кистень на длинной рукояти с большим, не зубастым шаром на толстой цепи.

— Кровь не желаешь лить? — поинтересовался Андрей, припомнив из истории особенности вооружения воинов-клириков. — Но ведь ими запросто убить можно, переломав кости.

— Это если желаешь убить! А я не хочу. Но покалечить можно запросто. В стычке или бою этого достаточно.

— А если от такого удара умрут?

— То грех не на мне, если Бог ему исцеление не даровал, грешному, что на бедного священника ордена руку поднял. То волк, что в шкуру овцы заблудшей нарядился.

— Резонно, — согласился Андрей и потрогал крупный шарик. — Тяжелый кистень...

— Это не кистень, брат-командор. Тот — баловство для лесных татей и душегубов всяких. Это моргенштерн, «утренняя звезда», как именуют его на рейнских землях. За такое оружие любого смерда или татя на первом же суку повесить можно.

— Моргенштерн не поможет тебе — через пару месяцев пан Сартский двинет сюда шесть сотен воинов. Чем их остановить?

— Нечем, даже если всех орденцев соберем. Ибо против одного нашего воина будет шесть врагов. Но оголять богемские и моравские замки нельзя, хоть по половине «копья», но там оставить. Потому уходи отсюда, брат Андрей, ты единственная надежда крестоносцев.

— А ты останешься?

— Да! Бяла Гура — наше владение, пусть крестьяне и нарушили свои обязательства перед орденом. Но это наша земля! Уйти я не могу, иначе получу клеймо труса...

— Ты хочешь, чтобы это клеймо получил я сам?! — В голосе Андрея звякнул металл. В груди стал закипать гнев.

— Я рад, что не ошибся в тебе, брат, — с лица священника слетела хмурость, а на губах заиграла улыбка. — Теперь я полностью уверен в тебе, в том, что дело ордена в надежных руках. Нужно отстоять Белогорье, и ты должен сделать это. Ты воин, тем паче не нашего мира. Ты знаешь многие военные хитрости, что неизвестны здесь! Не может же быть, чтобы ты не придумал там, где наш разум полностью бессилён?!

— Ну, ты и хитрец!

Андрей рассмеялся, хотя ему было не до смеха — как выстоять при таком чудовищном неравенстве сил. Что можно придумать? Где найти путь не только к спасению, но и к победе?

— Знатная добыча, — проговорил священник, подойдя к оконному проему. Стекла не было, на ночь оно закрывалось ставнем, а потому свежий ветерок колыхал волосы на голове отшельника.

Андрей тоже выглянул — Велемир бросил к кострищу связку птиц, Арни скинул с плеч косулю.

— Теперь мы будем с дичиной! — весело проговорил Андрей. — Хорошие стрелки, не так ли?

— Да, твой сын луком владеет похвально.

— При чем здесь Велемир? Арни добыл косулю...

— Этот честный хитрец ее только сейчас принес. А весь день он ходил за тобой как тень, не отпуская далеко.

— Я ничего не видел и не слышал. — Лицо Андрея покраснело — не может же быть, чтоб так лопухнулся во второй раз.

— И я его не видел и не слышал, — покладисто согласился старик. — Но знал, что Арни где-то близко. Он будет рядом с тобой всегда — это и его выбор, и мой приказ. А отпущение грехов я ему еще ночью дал, заранее.

— Сговорились? — только и смог вымолвить Андрей, ощущая себя дураком. — Тогда я ему устрою. И тебе заодно...

Тусклый свет через толщу воды... Что-то большое, темное на поверхности... Пузыри воздуха перед глазами... Его собственного воздуха из его собственных легких...

«Мамочка!» — Андрей дернулся к свету, забился, пытаясь вырваться наверх, на поверхность, но неведомая сила опутала все тело и тянула на глубину. Холодная вода сводила судорогой. Андрей вытянул носки в надежде нащупать дно, но под ногами была пустота.

Толстая леска не пускала свою жертву, а все его отчаянные попытки освободиться приводили лишь к тому, что он еще больше запутывался.

Казалось, почудившаяся сперва, промелькнувшая над поверхностью воды тень приняла ясные очертания протянутой руки.

«Туда! Туда!»

Изогнувшись, Андрей в последнем рывке ринулся к спасительному свету, ухватившись со всей силы за протянутую руку.

Воздух! Вдох! Еще один!

Как хорошо!

На мгновение он опешил: вместо привычной теплоты и мягкости человеческой ладони, пусть и загрубевшей, и потной, и мозолистой, любой, но именно ладони, пальцы крепко сжали твердую гладкую кость.

Голова еще ничего не поняла, а тело уже сгруппировалось к броску, реагируя вбитыми намертво инстинктами. Внезапно ноги почувствовали твердое дно, как будто пелена спала с глаз, и Андрей с удивлением увидел, что стоит в воде чуть не по колено. Вместо лески, увлекшей его в воду, он был опутан грязной рыболовной сетью с набившимися ветками и водорослями.

Ухватившись за край, он выбрался на мосток, стряхнул с себя остатки гнилой сети, огляделся. Так и есть: шириной в десять-пятнадцать метров речка, противоположный берег обрывистый и заросший непролазным ивняком.

Мосток, на котором он стоял, небольшой, высотой по пояс, но сложен основательно. На покоем в его деревне бабы полощут белье. Здесь же на досках, порядком почерневших и кое-где уже тронутых гнилью, лежал и дружелюбно скалился скелет.

Большая песчаная коса раньше использовалась для просушки многочисленных сетей. Они и сейчас в беспорядке валялись грязными кучами.

Огромный черный ворон, видимо, потревоживший покойного, отчего рука и соскользнула с доски в воду, чинно прохаживался по песку в десятке шагов от ближней кучи сетей.

Заметив Андрея, он, тяжело взмахнув крыльями, отлетел на пару метров, уселся на днище одной из перевернутых лодок, лежавших на берегу около покосившейся сушилki для сетей, и ударил мощным черным клювом по трухлявой древесине.

— Кар-р!

— И тебе здравствуй!

Андрей присел у скелета: ростом чуть более полутора метров, в истлевших лохмотьях грязной, неузнаваемого уже цвета и фактуры ткани, без обуви и без оружия.

— Ты, дружище, давно тут загораешь?

На ребрах в районе грудины отчетливо видны были следы от, как говорится языком официальных протоколов органов внутренних дел, колюще-режущего предмета.

— Убили давненько, года два, а то и поболее...

Больше никакой информации из беглого осмотра «терпилы» почерпнуть было нельзя.

— Места-то здесь, видимо, совсем глухие: люди не прибрали... Но и зверье не растащило... Странно...

В реке плесканула здоровенная рыбина.

— Да уж, занимательная выдалась у меня рыбалка! — Андрей внимательно огляделся вокруг.

Быстрая речка текла по камням в узкой долине, зажатой с двух сторон высокими горными кряжами. Вверх по течению реки поднимались вдали высокие горные вершины, покрытые зеленью, но кое-где сверкавшие ослепительными белоснежными шапками.

— Кар-р!

— Заткнись!

— Кар-р! Кар-р!

Андрей замахнулся, но ворон не пошевелился.

— Кар-р!

Андрей сделал большой шаг в сторону лодок, еще и еще один, но птица оставалась на месте.

— Вот зараза! Да я тебя...

Слова застряли в глотке от увиденного: за лодками, в небольшой яме, сильно занесенные песком, белели еще несколько скелетов.

«Надо выбираться из этой братской могилы, и поскорее! — Мысли рассерженным роем гудели в голове. — Вынесло же меня бог знает куда! Где же такие места-то у нас? Кругом же люди должны быть... А тут...»

Шевельнувшиеся ветви кустарника заставили Андрея стремительно обернуться. Из ивняка высунулась изящная оленья мордочка. Немного подождав, олениха вышла и направилась к воде, следом за ней скакал пятнистый неуклюжий олененок.

«Ни фига себе! — Андрей заворуженно наблюдал за животным. — Это что же творится? Они что, людей не боятся? Откуда у нас олени?»

Олениха нервно пряднула ушами, наклонилась и начала пить. Олененок скакал по песку и воде, поднимая брызги.

— Кар-р!

Внезапно она замерла, подняла голову, вытянула шею, ноздри затрепетали. Андрей не шевелился:

«Зверья почуяла! У меня даже оружия никакого нет... Если волк, то еще есть шансы... А если медведь...»

Олениха повернула голову и встретила взглядом с Андреем. Через секунду в ее глазах непонимание сменилось страхом, вернее — ужасом. Она изогнулась и с места скакнула в кусты. Олененок скрылся следом.

«Странно!»

Андрей прислушался. Крутом царила такая же мертвая тишина, нарушаемая лишь журчанием речки и редкими плесками рыб.

«Кого же она испугалась? Меня, что ли? Не может быть! Поначалу ведь подошла...»

Непонятный шум отвлек от размышлений. Сначала было сложно определить, что это было, но через пару минут, прислушавшись, Андрей понял: удары в большой барабан сопровождались каким-то странным эханьем. Без долгих раздумий Андрей скользнул в кусты и притаился.

Бум! Дальше как будто тяжелый выдох и снова: «Хэ-эх!» Бум!

Спустя некоторое время из-за поворота реки показался человек, одетый в длинный балахон с закрывающим лицо капюшоном. Человек шел рядом с противоположным берегом. Вода едва доставала ему до колен. В руках он нес длинный высокий шест, увенчанный лошадиным

черепом.

Бум! Андрей нервно сглотнул. На груди у шедшего белела связка маленьких человеческих черепов, на поясе были прицеплены и качались в такт шагам, издавая противное звяканье, два серпа.

Бум! Снова: «Хэ-эх!» Следом за импровизированным знаменосцем показалась и основная колонна, при виде которой Андрей почувствовал, что волосы зашевелились на затылке. Барабанщик в таком же балахоне и с черепами на шее задавал ритм этому безумному шествию.

Бум! Хэ-эх! Пять человек хором издавали с каждым шагом это жуткое хэканье.

Бум! Каждый был облачен в странную маску из грубой серой ткани с прорезями для глаз.

«Как у палача!» — Андрей вспомнил детские мультфильмы. Именно в таком мешке на голове и изображался заплечных дел мастер.

Но на этом сравнение с любимыми сказками и заканчивалось: остальной одежды у этой странной компании не имелось, только грязные набедренные повязки.

На груди, на металлических цепях, большие деревянные кресты. У одного вдобавок на голове ни много ни мало венки из прутьев с длинными, частыми колючими шипами. Андрей, приглядевшись, различил, что ткань на маске пропитана пятнами бурого цвета.

«Кровь! Да и венец, скорее всего, терновый, потому как колючая проволока не очень вяжется с... Г-хм!.. с их обликом!»

В руках были плети, которыми они себя одновременно и хлестали. Бум! Удар плетью! Хэ-эх! И снова бум!

Тот, который в терновом венце, видимо, поскользнулся или наступил босой ногой на острый камень, и колонна остановилась. Кровь текла по рассеченным сильными ударами спинам, каждый их шаг сопровождался стоном, наполненным такой болью, что Андрея передернуло:

«Кто они? Старообрядцы? Сектанты? Хлысты? И главное — зачем они это делают?»

Бум! Барабан снова гулко бухнул, плети взлетели. Хэ-эх!

— Эт домини... Спиритус санкти... Лаудетор Езус... — Андрей разобрал знакомые слова.

— Кар-р! Кар-р!

Ворон взлетел, сделал пару кругов над рекой, сел на мосток и уставился большими, черными, словно крупными бусинами, глазами на людей.

— Кар-р!

— Изыди!

Маленький монах в коричневой рясе, подпоясанный веревкой, завершавший шествие, взмахнул руками.

Ворон взлетел, набрав высоту, стремительно спикировал на монаха, целясь мощным клювом прямо в голову.

Из-за поворота показались еще несколько человек, шедших на небольшом расстоянии от остальных. Четверка мужчин в тускло блестящих металлом куртках, длиннобородые. На поясах, у одного за спиной, длинные ножи или, скорее, короткие мечи.

Ветки и трава мешали ему хорошо разглядеть, но главное Андрей понял сразу: «Воины!»

Шедший впереди вскинул, как показалось Андрею, ружье, но выстрела не последовало. Однако ворон, хрипло каркнув, несколько раз судорожно взмахнул крыльями и упал на песок в нескольких метрах от кустов, в которых лежал Андрей.

Попытавшись подняться, птица неловко забила крыльями, подняв кучу песка, дернулась еще раз и затихла. Из ее спины торчала толстая металлическая стрела. Воины переглянулись между собой, решая, кого отправить за стрелой. Андрей с силой вжался в землю, ожидая, что его непременно обнаружат, как только кто-то подойдет близко к берегу. Один, помоложе,

повернулся было, чтобы идти, но резкий окрик остановил его:

— Марек! — Старший повелительно махнул рукой вверх по течению. — Оставь! То поганое!

Язык был очень странный: один из восточно-славянских, характерные интонации Андрей уловил сразу, и, что самое интересное, он понимал их речь без затруднений, именно понимал, а не переводил или улавливал по смыслу.

Бум! Хэ-эх!

Колонна продолжила медленное движение вверх по реке. Воины растянулись цепью, один, прикрывавший тыл, зорко оглядывал берега вниз по течению.

Бум! Хэ-эх! Бум!

Постепенно гул барабана становился все тише и тише. Полежав еще минут десять-пятнадцать, Андрей решил встать.

Так и есть! Небольшой, сантиметров тридцать, арбалетный болт! Зазубренный наконечник, пробив перья на груди, хищно блестел каплями вороньей крови.

Андрей потянул, но болт застрял, а птичье тело было необыкновенно плотным и твердым. Он подергал сильнее, но болт не поддавался. Перевернув ворона на спину, он наступил ногами на оба крыла и дернул за наконечник со всей силы. И выдернул...

Выдохшись, Андрей устало опустился на песок. Произошедшее казалось ему дурным сном. Отдышавшись, он стал рассматривать выдернутый из вороньего тела арбалетный болт, стараясь успокоиться.

Однако поводов для спокойствия не было: по сторонам были нанесены глубокие борозды, залитые более светлым по цвету металлом. На граненых плоскостях были нацарапаны кресты и непонятные знаки явно христианского происхождения.

«Та-а-ак! Это, судя по всему, серебро... И на кого они здесь с ним охотятся? — Андрей покосился на берег. — И эти сумасшедшие, занимающиеся самобичеванием...»

— Кар-р!

Судорога прошла по птичьему телу, ворон открыл глаза и уставился немигающим, полным лютой ненависти и злобы, словно человеческим, взглядом на Андрея.

— Тварь!

От неожиданности Никитин отшатнулся. Ворон вывернулся, встрепелся, перья встопорщились. Прямо на глазах птица раздулась до размеров приличного индюка, здоровая и мощная, словно не ее десять минут назад подстрелили.

Какой комок перьев?! Чудовищный ворон кинулся на него и попытался устрашающим клювом долбануть прямо в глаз. Андрей отшатнулся и врезал кулаком что было силы.

— Сдохни, тварь!

От сильного удара противно захрустели кости. Ворон трепыхнулся, но удар нанес. Клюв просвистел мимо носа и наждаком прошелся по губе. Взревев от ярости, Никитин перехватил чудовищную птицу двумя ладонями за шею. Напрягая все силы, даванул.

— Тварь!!!

Шея поддалась, противно хрустнуло под руками. Ворон дернулся и затих. На свернутой набок голове оставались жить бездонные черные глаза, но крылья уже не шевелились. Андрей занес кулаки и стал наносить удары, будто месил тесто:

— Сдохни! Сдохни! Сдохни...

— Брат-командор!

— Ваша милость!

Сильные руки и громкие голоса выдернули Андрея из кошмарного сна. В глаза ударили яркие сполохи костра, в пламя которого кто-то из его спутников щедро бросил охапку хвороста.

— Твою мать! Что же это было такое? — Андрея трясло, только сейчас он понял, что окончательно проснулся.

— А ну быстро, ребята! Разбились по парам и просмотрите все вокруг, каждый кустик! — Арни быстро услал молодых, что перестали суетиться вокруг него, схватили оружие и растворились в кустах. Бесплотно, словно духи, даже треска валежника под ногами не было слышно.

Губы саднило и Андрей машинально их вытер. Посмотрел на ладонь — она была в крови!

— Так это был не сон?!

— А морда у них не треснет? На халяву за нашей спиной отсидеться желают и десятину не платить?!

Андрей в запальчивости чуть было не прошелся по их матерям, родным и близким, включая таинство зачатия. Однако священник на незнакомые слова не реагировал, догадываясь по интонации об их сущности.

Да и вопрос они сейчас обсуждали крайне щекотливый — что будут делать своевольные белогорцы, если селян хорошо прижать. Взять их «за вымя», используя словцо незабвенного Остапа Бендера, предложил Андрей.

И резонно — два села и несколько выселок, где проживало почти четыре тысячи народа, были богатые и зажиточные, несмотря на то, что половину населения составляли прижившиеся здесь словаки, сбежавшие с родных мест от постоянных набегов воинственных угров — венгров.

Предложить, конечно, можно — вопрос только в одном. Как это им проделать?

Вот тут Андрей спасовал, опасаясь вместо «коровьего вымени» потягать злого быка за некий инструмент. А оттого находился в скверном расположении духа, невыспавшийся и злой. Да еще отец Павел категорически отказался комментировать ночной кошмар, только заметив, что бесы крутят и нужно молиться...

— Села могут до полтысячи человек выставить, если пан Сартский нападет, — священник искоса посмотрел на задумавшегося командора. Тот только усмехнулся в ответ и едко произнес:

— Рыцари пана их в коровью лепеху превратят и даже не заметят. Селяне, может быть, и храбрые люди, но отнюдь не воины. И оружия настоящего нет. А палку с тетивой луком назвать можно, вот только ответь честно — прошибет ли стрела обычную кожу с железными нашлепками? А рыцарский доспех с поддетой под него кольчугой?!

— Шагов с пятидесяти, не больше, — коротко ответил старик. — И рыцарский доспех можно...

— Если в упор, — закончил Андрей. — То есть только из засады, которую один раз организовать можно, и то если супротив беспечный противник. Но надеяться на то, что на флангах боевое охранение не выставят, глупо. И не забывай — у противника полсотни арбалетчиков. В поле с палкой против них шибко не навоюешь. У нас один профессиональный воин трех, а то и пяти ополченцев в бою стоит.

— Здесь то же самое! — в тон ему отозвался старый рыцарь. — А то и десятка, если воин на добром коне и в доспехах. Но у нас ведь тоже есть луки и арбалеты...

— Всего дюжина, если у твоих и моих людей вместе взять. Ну, у белогорцев десятка три добрых луков есть, но никак больше.

— Может, еще несколько арбалетов, но то вряд ли... — тихо добавил старик. — И дороги они, и держать их крестьянам запрещено. А потому никто из купцов даже по двойной цене их сюда не повезет — пан Завойский поймает и на первом суку повесит.

— Весело тут у вас, как я посмотрю. А у нас в Чечне «духам» оружие чуть ли не вагонами, повозки такие, генералы продавали за раз единый. Воеводы наши...

— Не может быть! — выдохнул старик. — Кто же в здравом уме с врагом оружием делиться будет — ведь своих воинов зазря терять?!

— Так оно и было, если веру и честь одна жажда денег заменяет. Но не бери в голову, отче, — Андрей вяло отмахнулся, — нам о другом думать нужно. И скажу честно — я не знаю, как воевать! Меня в армии к другой войне готовили, такой, где недостатки точности и умения компенсируются мощностью боеголовки. А потом еще раз готовили, где замена шла

плотностью огня. Если точнее выразиться...

— Огня? Вы что-то жгли? «Греческий огонь»?

— Типа того. Во вспышке тысячи людей погибнуть могут. А стреляли из автоматов — это арбалеты такие, что по три болта за раз единый выстреливают. И тут же перезаряжаются — врага быстрее убивают, чем косой траву на лугу смахивают! Будь это оружие здесь, да десяток тех моих воинов, и разговора бы не было — перебили бы всю конницу пана Сартского, пока короткая лучина горит. Поверь — пулемет страшная штука!

— Охотно верю. А такое оружие ты сможешь сделать?

— Чего нет, того нет. Столетия должны пройти, пока люди смогут так металл обрабатывать. Да и порох создать тоже непросто.

— Слава богу, — священник истово перекрестился. — А то страшно представить, сколько бы людей изничтожили!

— Оно, может, и хорошо, но я совершенно не представляю, как воевать против пана Сартского будем! Не готовили меня к такой войне, понимаешь?

— У вас другое оружие, более страшное, это верно. — Старик посмотрел прямо в глаза, и Андрею показалось, что во взгляде у священника блеснуло лукавство. — Но воин — он всегда воин и освоится с любым оружием. Я же вижу, как ты занимаешься каждый день до изнеможения и крестоносцев, что с тобой пришли, готовишь. Да и засаду на погонщиков ты устроил знатную — мне бы самому не пришло в голову. Сошелся бы в поединке...

— Погиб бы ты напрасно. Втроем супротив дюжины трудно выстоять в открытой схватке.

— Вот-вот. О чем я и говорю. Так придумай что-нибудь. Опыта тебе не занимать, умения тоже. И к тому же ты — командор ордена, его первый меч!

— Научиться бы самому мечом орудовать! — буркнул в ответ Никитин, посмотрев на набитую повозками дорогу с глубокой колеей. — Кажись, кто-то на телеге едет?

— Тракт здесь в Словакию идет через перевалы. Раньше на дню по пять обозов проходило, а то и больше. А сейчас редко когда за день повозка в Белогорье прикатит, а в горы уже года три никто не ездит, оттуда люди бегут. — Отец Павел присмотрелся. — А, это торговец из Плонска! Иной раз сюда приезжает — оружейник он...

— Оружейник? — с неподдельным интересом спросил Андрей и, лязгая доспехом, тяжело поднялся с теплого камня, на котором они сидели под раскидистыми кронами деревьев. — Пойдем, посмотрим, зело любопытно, что за товар нашим белогорцам привезли?!

— Пойдем, — согласился священник и хмыкнул: — А привез он железо для кузниц, в лучшем случае кинжалы и наконечники. И то вряд ли — местные их сами куют. Так что одно железо и ничего более.

Они спустились с пригорка и вышли к проселку — и тут же появилась добротная повозка, запряженная парой сытых и крепеньких лошадок. На облучке сидел возница, украшенный шрамами, — ни дать ни взять обычный вышибала или «браток» из *той*, прежней жизни.

Рядом с ним восседал купец — рожа отнюдь не постная, Бог шельму метит, с бегающими глазками. Вот только вряд ли трус — тут быть торговцем зело опасное занятие, в один миг имущество, а если особо не повезет, то и голову разом потеряешь.

А потому вооружена была парочка достойно — рядом лежали не какие-нибудь топоры, а добрые боевые секиры с широкими лезвиями, а из-под наброшенной на товар дерюги выглядывало краешком арбалетное ложе.

— Ах, ваша милость! Слухом добрым земля полнится!

Зачастил торговец и, резво спрыгнув с облучка, отвесил низкий поклон. То же самое проделал и возница, но молча, настороженно поглядев на подступивших с двух сторон орденцев в красных плащах.

Теперь, по негласному приказу священника, командора постоянно охраняли Арни и прибывший из Белогорья Иржи, старый мечник, матерый вояка, уже второй двенадцатилетний срок пребывающий под знаменами ордена Святого Креста.

— Это каким же слухом? — грубовато спросил Андрей, положив руку на теплую рукоять меча.

— А то, что вы, ваша милость, изрубили в капусту добрых две дюжины воинов пана Сартского у Запретных земель и столько же людей пана Завойского в Притуле. В Плонске все радуются, а я вот решил помочь...

— И поторговать себе в пользу! — грубовато перебил купца Андрей, а тот угодливо поклонился и не стал отнекиваться.

— Не без этого, ваша милость! На сем торговля стоит. Но и риск немалый — если бы мою повозку воины местного пана нашли, то не сносить мне головы. А потому в обход шли, коней притомили, страху натерпелись, и все лишь для пользы богоугодного ордена Святого Креста, коему наша мать-церковь покровительствует.

— Откинь дерюгу! — Андрею надоели славословия купца. — Я хочу твой товар посмотреть!

— Да, ваша милость, сейчас. — Торговец услужливо засуетился, отдергивая дерюгу и открывая содержимое. И первое, что бросилось в глаза, — длинные бруски из какого-то дерева, что занимали по длине почти всю отнюдь не короткую повозку.

— Это тис, ваша милость, он намного лучше, чем ясень или вяз, из которого в здешних землях луки делают. Мне по случаю досталось, из восточных Карпат в Плонск завезли. Задорого купил, по два гроша дал...

— Хватит брехать, Заволя. С дурика привезли, ты за бесценок и прикупил — такая заготовка для двух луков грош стоит, красная ей цена. А вяз или ясень за полгроша идут. — От гневного голоса священника купец махом скривился, но тут же вернул прежнее умильное выражение, надеясь подороже всучить залежалый товар.

— Так ведь нужный он, батюшка. У пана Сартского арбалетчиков много, а тис-то всяко лучше вяза...

— На полсотни шагов дальше бьет, и только. Арбалет на полторы сотни. Так что разница не велика. Не возьмут у тебя здесь ничего.

— Как же так, святой отец?! Вез, рисковал...

— А почему они длинные такие? — спросил Андрей, прервав причитания торговца, и тут же поймал на себе недоуменные взгляды, будто ляпнул неслыханную глупость, и решил поправиться: — Везти такие неудобно. Из повозки едва не торчат. Могли и увидеть.

— А, ваша милость, — облегченно протянул купец, взглянув с некоторым одобрением, — благодарствую за заботу, только лучшие мастера длинные бруски берут и потом на два пилят, дабы каждому по руке было, кому длиннее, а кому покороче. По руке, значит. Да и редок тис — ядовит, скотинадохнет, вот и извели его. Только там, на востоке, он еще в горах растет.

— А еще что привез? — спросил Андрей, не в силах оторвать свой взгляд от брусков: не мог вспомнить что-то важное, о чем он знал давно, но как-то запомнил. А ведь читал когда-то про тисовые луки...

— Доспехи там ратные, из кожи. Почти новые, с дюжину. Ну, некоторые самую малость попорченные. Но мы их подлатали. Топоры хорошие, три десятка, наконечники для стрел, пара сотен.

— Продырявленные, ты хотел сказать. Бывшие в употреблении, — хмыкнул Андрей, оценив предприимчивость купца. Расчет тот имел верный — паны Сартский с Завойским наверняка попытаются взять реванш, и белогорским селянам придется несладко. Потому они

будут рады купить у него втридорога оружие и доспехи.

«А ведь на этом и нам нужно сыграть. Страх перед разъяренными панами делает местных аборигенов намного сговорчивей. И за „крышу“ мы с них хорошо стрясти можем. Нет, надо сделать иначе, как у наших рэкетиоров принято — пусть сами себя защищают, но при этом и нам платят», — Андрей хмыкнул, и тут в памяти всплыло то, самое нужное, что он прочитал в романе Конан Дойля «Белый отряд» про тисовые луки.

— Мы возьмем у тебя всю повозку — в Белогорье не повезешь!

Вот тут орденцев проняло от таких слов — они все вылупили на него глаза с немым воплем, в котором читалось одно. Особенно красноречивым был взгляд отца Павла, в котором прямо прорвалось:

«Ты что творишь, самозванец хренов! Зачем нам это дерьмо?! Ты почто казну орденскую, и без того тощую, как вымя козы, такими дурными тратами изводишь?!»

— Тридцать злотых, ваша милость. — Купец радостно выдохнул, глаза полыхнули алчным огнем. Еще бы — знатные рыцари платят не торгуясь, а потому можно заломить несусветную цену, но тут же опомнился и заканючил скороговоркой:

— Хороший товар, очень дешевый. Задарма почти отдаю, себе, бедному, в убыток, лишь бы орден Креста смог этих панов унять, чтоб наша церковь довольна была!

— Хорошая цена, справедливая! — почти благодушным голосом бросил Андрей и крепко сжал руку священника, который хотел разразиться гневной отповедью на такой беззастенчивый и наглый залом цены.

— Сейчас мы все быстро подсчитаем. Полсотни брусков по грошу, это два с половиной злотого. По грошу, купец, — красная цена! Не спорь! Три десятка топоров по пять грошей. Это тоже хорошая цена, купец, — без топорниц берем и неточеные. Такие на грош дешевле будут. Но мы по пять берем, цени нашу щедрость. Это еще на семь с половиной злотых. Доспехи кожаные, «бэу», так сказать, дадим по пятнадцать грошей, как за новые. Это еще столько же будет. Наконечники по полгроша примем за пару, итого на пять злотых!

Андрей быстро производил подсчет, умножая цифры в голове и переводя гроши в злотые, и чуть не засмеялся, глядя на ошарашенные лица купца и старого священника, ошеломленных таким проявлением математических способностей.

— Итого на двадцать два с половиной злотого, — подвел итог Андрей и сделал вывод, что местным барыгам далеко до так называемых менеджеров в его времени. Те даже дерьмо ухитряются продавать и из воздуха деньги делать. И нанес ошеломительный для купца удар:

— Арбалет плохенький, но так и быть, возьмем за пять злотых, переплатим в полтора раза. Это я так, сегодня добрый! То же и секиры — по злотому. Но и половинку злотого за риск и усердие. Итого три десятка золотых монет. Расплатись с ним, брат Павел, он честный малый.

Купец разевал рот как рыба — попытка содрать с орденцев подороже у него не вышла, да еще своего оружия при этом лишился. А священнику, который уже открыл рот, Андрей хитро подмигнул, и тот поперхнулся словом, сообразив, что командор ведет какую-то хитрую игру.

— Арбалет... Это... И секиры, ваша милость! — пришел в себя торговец, но Андрей не дал ему возможности вытребовать обратно свое оружие.

— Я сказал, что забираю все оружие и содержимое с повозки! Ты попросил тридцать злотых. Цена тебя устроила, нас тоже. А потому сгружай вон у тех навесов, Заволя!

— Дык как же я обратно безоружным поеду, и с такими деньжищами?! А вдруг тати?! — во весь голос взвыл купец.

— Ты прав, — хмыкнул Андрей и добавил непонятное: — Нам с тобой еще предстоит коммерцией заняться, — и повернулся к Арни. — Дай ему два наших топора и охотничий лук с двумя десятками стрел. Это тебе дар от ордена, отобьешься в дороге. А в упор стрелять лук

более годится, арбалет тут не пляшет! Пока его зарядишь...

— А какие нам еще торговые дела решать, ваша милость? — В купце явно имелась предприимчивая жилка, а потому нужные для себя слова он махом выловил в чужой речи и перетолмачил на свой лад.

— Через шесть недель ты привезешь сюда вдвое больше тисовых брусков, длинных, точно таких. Возьмем по грошу штуку. И тул для стрел сотню, не меньше. — Купец непроизвольно охнул, не сдержались и орденцы, ибо размеры заказа впечатляли.

— И стрел длинных, для дальнобойных арабских луков, с узкими наконечниками на броню, оперенных — три тысячи! Вот таких длинных, — он взял палку и прикинул размер — как раз до середины тисового бруска.

— Дык не успею, срок-то короткий, — запричитал купец и умоляюще сложил руки. — Где я столько тиса враз возьму?

— Хочешь жить — умей вертеться! — с легкой гримасой неудовольствия парировал его просьбу Андрей и зло усмехнулся, сжав зубы.

— Тогда привезешь за четыре недели втрое больше брусков от нынешнего — полторы сотни! Мне как раз хватит, не луки же из них делать. Но доставишь тул две сотни, и стрел вдвое больше от сказанного! А если раньше на день сюда прибудешь, то ползлотого тебе дам за спешность. На четыре дня — два злотых. Считать умеешь? Но без обмана, все привезешь новое и хорошо сделанное, изъянов всяких быть не должно. Смотри у меня!

— Все сделаю, ваша милость! Где сгрузить-то прикажете? Мне обратно торопиться нужно, ваш заказ исполнить, час каждый дорог!

Лошадь всхрапнула и шарахнулась в сторону. Крупная птица, похожая на филина, тяжело взмахнув крыльями, поднялась с ветки и пролетела и уселась на ветку полуобгоревшей сосны, торчащей одиноким костылем на небольшой поляне.

Сартский оглянулся. Мощные, величиной почти с человеческие пальцы, когти сжались, и кора с шелестом посыпалась на жухлую траву. Встретившись на мгновение взглядом с огромными немигающими глазами, он поспешно отвернулся.

— Черт бы тебя побрал, Войтыла! Черт бы тебя побрал!

Тяжелый, словно вата, туман полз от болота по маленькому распадку. Воздух, недвижимый и тягучий, казался осязаемым, настолько сгустились и смешались друг с другом смрадные испарения болота и гниющих листьев, затхлая вонь от заросших причудливым мохнатым мхом искореженных стволов некогда прекрасной березовой рощи и чувство гнетущего напряжения, переходящего в необъяснимый животный страх.

Сартский вполголоса выругался, поежившись, словно от лютого, пробирающего до костей холода. Ощущение тяжелого взгляда в спину возникало сразу же, как только он сворачивал с тракта на полузаросшую, нехоженую тропу, ведущую в Гнилую падь.

— Словно морок какой-то... — Сартский разглядывал скрюченные стволы деревьев с чахлыми листочками. — Ведь еще пять зим назад я здесь на оленей охотился... А сейчас не то что люди селиться рядом перестали, дичь — и та ушла! Ох, зря я пригред колдуна!

Ф-фух! Оглушительная тишина нарушилась очередным жалобным вздохом лошади. Казалось, треск от ломавшегося под копытами валежника разносился на всю округу.

— Не хватало еще, чтобы волки пожаловали! — прошептал Сартский вполголоса, сжав в руке нательный крестик. — Нет! Сожгу я его к чертовой матери, чернокнижника! Господи! — по спине побежали ледяные мурашки, собираясь в низу живота в тягостный ком. — Вот накаркал!

В сумрачной, чуть подернутой сизым туманом чащобе, замелькали серые, пригибающиеся силуэты. Лошадь замерла как вкопанная, поводя ушами. Хищно сверкнули невдалеке огоньки желтых глаз.

— Н-но! — Лошадь не реагировала на шенкеля, судорожно вздымавшиеся бока ожгла плеть. — Пошла, волчья сыть!

Вздыбившись, лошадь увернулась от бросившегося хищника, ударив его при этом задним копытом, и с места понесла в карьер.

— Пошла! Пошла! — Сартский нахлестывал несчастное животное, и без того понимавшее, что их нагоняют. Волчий вой, слышавшийся поначалу за спиной, раздавался уже сзади с обеих сторон.

Минуты бешеной погони казались вечностью. Вот уже знакомый поворот, за которым должна была показаться землянка Войтылы. Черная тень метнулась под ноги лошади, но гнедая, уже хрипя и роняя пену с удил, рванулась из последних сил.

Прوماхнувшись, волк снова пошел в атаку, в два прыжка нагнав лошадь. Другой серый хищник подскочил рядом, и челюсти, щелкнув, едва не достали до сапога всадника.

Сартский, перегнувшись в седле, изловчился и ударил плетью того, что был ближе всех. Тот кувыркнулся, дернулся и остался позади.

Волки, а их осталось четверо, заходили попарно с обеих сторон, и можно уже было ощутить смрадный запах псины, исходящий от их влажной шерсти. Обернувшись на мгновение, он увидел густой туман, затягивающий тропинку...

Падение с лошади было таким же стремительным, как и скачка: огромный, вывороченный бурей с корнем дуб преградил дорогу, и гнедая чудом не влетела в него на полном скаку.

Волки не нападали на него, осторожничали. Трое стояло чуть в стороне, ощеряясь, наклонили головы, пропуская вперед жожака. Огромный черный волк медленно заходил справа.

Сартский огляделся: лошади не было, она успела убежать, а волки не кинулись в погоню, значит, им нужен был он. Это конец! Один, безоружный, с коротким кинжалом, он ничего не сделает против них, ведь меч и арбалет остались притороченными к седлу.

Волк пригнулся для броска, но на оскаленной морде горели не яростным огнем кровожадные глаза хищника, наоборот, волчий взгляд был человеческим, ярко-голубые глаза смотрели пренебрежительно, даже с презрением. Волкодлак!

Сартский вынул из ножен кинжал, готовясь принять на него оборотня, но внезапно, словно по команде, волки замерли, как будто к чему-то прислушиваясь, и вслед за оборотнем скрылись в чаще.

— Не только колдуна сожгу, — он с трудом поднялся, — но и весь лес со всеми его тварями...

Землянка Войтылы выглядела нежилой: внутри через откинутый полог виднелись разбросанные вещи, разбитые черепки захрустели под ногами.

— Эй, колдун! — Сартский заглянул внутрь. — Ты, часом, не помер?

На топчане кто-то или что-то зашевелился. Тряпье откинулось, и раздался дребезжащий голос Войтылы:

— Ох! Преставлюсь скоро, пресветлый пане! Ох! Душенька моя горемычная...

— Да черти тебя на том свете заждались, нехристь поганая! — Сартский зло сплюнул. — Чего блажишь? Опять в гадину оборотился какую-нибудь и тебе хвост оттоптали? Вылезай и говори, как *сделал*? Вылезай! А то за хиршу вытяну!

— Ох! — Голос колдуна зазвучал еще жалобнее. — Да разве ж я для светлого пана Конрада когда здоровья и сил жалел? Да я...

Договорить ему Сартский не дал. Он, с трудом протиснувшись в узкое входное отверстие, выволок за шкурку колдуна и бросил перед собой на землю. Войтыла обхватил Сартского за ноги и заголосил:

— Не губи, пресветлый пан! Пожалей старика! И так ноги еле таскаю, еще одну зиму отмеряю, и ладно. Не отправляй более раба своего на погибель верную! Не такой, как мы, тот, за которым меня пан послал! Не могу я ничего поделат! Не подвластен он моим чарам! — Войтыла горестно заламывал руки, при этом искоса поглядывая на Сартского.

Конрад Сартский в изумлении отшатнулся:

— Ты! — Он наклонился, поднял за плечи колдуна и пристально взглянул ему в глаза. — Сколько я тебе жертв отправил, грех на душу взял? Кости-то человечьи, поди, до сих пор волки по лесу таскают! Ты что мне обещал?! Мол, дай все, что пожелаю, и исполню потом все, что я потребую! Ты же говорил, что тебе подвластны теперь все твари этого мира, живые и мертвые...

— То-то! — Старый колдун, прихрамывая и держась за поясницу, зашагал к маленькому капищу около землянки. — Я же говорил — этого мира! Нашего! А этот командор Верт не принадлежит здешнему миру!

— А чьему тогда?

— А ничьему! — Войтыла, кряхтя, наклонился к кострищу жертвенного алтаря. — Я в ворона перекинулся и видел, как он из реки вышел! Не выплыл, не течением его принесло, а именно вышел!

— Вышел и вышел! Чего заладил, как глухарь на токовище! — пробурчал Сартский. — Как это вышел? Из воды вынырнул, что ли?

— Из воды и вынырнул! — Войтыла пошевелил чуть тлеющие угли, выудил из недр своего балахона мешочек и высыпал его. Мощный сноп разноцветных искр взвился в небо, и фиолетовое пламя заплясало. — Та речка, что у Дальнего Заброда, ее воробей перешагнет, лапки не замочит, а он из нее вынырнул, словно вырвался из чего-то! Стоит, а воды-то по колено едва будет! Он-то меня и прибил там...

— Жалко, что не добил! — Сартский в ярости сжал кулаки. — Как вынырнул, так и обратно занырнет! Слушай меня внимательно, чернокнижник, вот его вещи — делай что хочешь, но узнай мне о нем все!

Он швырнул старику под ноги небольшой сверток. Тот обнюхал его, осторожно, словно боясь, стал разворачивать.

— Да! — Сартский криво усмехнулся. — Видать, сильно напугал он тебя, раз и от тряпок его шарахаешься, словно бес от ладана! Ну да ладно, поспешай, Войтыла, у нас мало времени!

— Даже меньше, господин, чем ты думаешь!

— Как так? — Сартский взгляделся в заросшее седеющей, некогда смоляной, густой бородой лицо Войтылы, пытаюсь понять, к чему тот клонит.

— погоди! — Колдун отмахнулся, будто от надоевшей мухи. — Так пан говорит, его это вещи? Обе?

— Ну да! — Конрад недоуменно пожал плечами. — Рубаха эта еще до похода на Каталаун ко мне попала, а эти портки... — он кивнул на красные купальные плавки Андрея, — девка гуляющая в трактире с него сняла, когда он без чувств лежал, пьяный!

— Хм! Странные портки, очень странные... — задумчиво протянул Войтыла, осторожно растягивая нейлон, — на паволок не похоже, и не гроденапль, и не аксамит...

— Ты названия-то благородных тканей откуда ведаешь? — усмехнулся Сартский. — Отродясь, кроме частины и веретищи конопляной, ничего и не видел...

— Чего я ведаю, не твое, панове, дело! — Войтыла отвернулся. — Все сходится! Мыслию я, что это не нашего мира вещь! Не чую я рук мастерицы, что ткань такую чудную сподобила... Словно... — Он поцарапал по ткани длинным коричневым ногтем узловатого сморщенного пальца, — неживое что-то ее сотворило, и живое и неживое одновременно, само думает, само делает, но по воле человека только... И души его я не чую: огромное, железное, словно зверь прирученное, и команды господина выполняет...

— Ты мне не о том толкуешь, Войтыла! — Сартский покачал головой. — Ты давай лучше придумывай, что нам с Вертом делать! Мне без разницы: живой он или неживой, тот или не тот — он мне все карты спутал своим возвращением, и нужно его поскорее отправить туда, откуда он появился!

Войтыла, припадая на левую ногу, захромал к землянке. Вернулся с курицей в руках.

— Плохо! — Он потряс ею перед Сартским. — Жертва слабая, крови мало! Ничего толком и не увижу...

Черная курица, трепыхнувшись, замерла в ожидании своей участи. Отсеченную голову Войтыла бросил в огонь, однако на отвратительный запах паленых перьев Сартский не обратил внимания, чуть поморщившись, он следил за выражением лица колдуна. Тот дождался, когда из тушки стечет кровь на большой плоский камень, и, отбросив ее в жертвенный огонь, принялся что-то вычерчивать кровью.

Сартский уже знал, что так Войтыла предсказывает. Он закрыл глаза, откинул голову и отрешенно водил рукой, обмакивая в куриную кровь пальцы. На светлом камне оставались бурые полосы от начинавшей сразу же подсыхать крови.

Бормоча под нос, Войтыла обмакнул в кровь по очереди три костяные фигурки и бросил, не глядя, через плечо за спину.

— Так и есть! — с непонятной интонацией произнес Войтыла, вглядываясь в кровавые разводы. — Он тот самый: уже не мертвый, но еще не рожденный... Пан знает, — он, прищурившись, со скрытой усмешкой, исподлобья глянул на замершего Сартского, — о чем я говорю...

— Не может быть! — Сартский испуганно замахал руками. — Этого не может быть! Ты же сам говорил, что Пророчества не существует!

— Мне все равно! — Войтыла недовольно пожал плечами. — Пан спросил — я ответил: он пришел...

Тяжело поднявшись, он, хромя и подволакивая ногу, сделал два шага и остановился:

— Пшемишек!

Из-за высокой кучи валежника около землянки вышел невысокий парень в холщовых штанах. В черных густых волосах застряли хвоинки, яркие голубые глаза глядели с вызовом.

— Это что за холоп? Беглый? — Сартский брезгливо оглядел оборванца. — Гони его, Войтыла, а то он брехать будет потом налево и направо, о чем мы говорили тут...

— Не бойся, ясновельможный пан, — Войтыла насколько мог низко поклонился, схватившись за покалеченную шею, — Пшемишек из вольных, ученик и помощник мой. Пан разве не видит, что я и ходить-то теперь с трудом могу... А по хозяйству — так и помру с голода... Вот он и не оставил старика одного...

— Ладно, — Сартский милостиво махнул в сторону парня, — твое дело, Войтыла! Ты лучше дальше говори! Мне-то теперь чего делать? С Вертом как быть?

— А вот мы это сейчас и узнаем! — Колдун кивком подозвал парня. — Пшемишек, помоги, глянь-ка, как там кости легли!

Пшемишек, осторожно поддерживая Войтылу, довел его к тому месту, куда упали кости.

— Ну, так я вот что скажу: ничего страшного пока я не вижу! — Он с трудом наклонился, чтобы собрать кости. — Пшемишек! — Парень подал руку, помогая подняться.

— Твой Верт сам боится больше тебя, пан, не знает он ничего, ничейный он в нашем мире, как заяц-беляк, не поменявший шкуру весной, каждого куста да шороха сторожится! — Войтыла почесал лоб под кожаным шнурком, стягивающим косматую, пепельного цвета гриву волос. — Помогу я тебе, пане, но и ты в долгу не останься...

— Ты скажи спасибо, что я тебя не сжег, Войтыла! Торгуешься со мной еще! — Сартский схватил старика за грудки, потрянул изо всех сил. У колдуна лязгнули зубы. — Если Верт меня убьет, то сюда придут монахи, и моя дыба тебе сказкой покажется!

Выдохнувшись, он отпустил Войтылу. Тот попятился, но не упал, поддерживаемый молчаливым Пшемишеком.

— Пан не понял меня, — колдун заговорил дрожащим голосом, — мне ничего не нужно, только когда сам что узнаешь о Верте, то и мне весточку отправляй. Вон, Пшемишеку разреши в Старице бывать, да больше мне ничего и не нужно!

— Ох, что-то ты темнишь, Войтыла, — покачал головой Сартский, — ох, темнишь! Говори как на духу, что задумал?

Войтыла помялся, помолчал и тихо заговорил:

— Пан Конрад, с голоду помру скоро! Смерды раньше по панской милости хоть хлебца да маслица приносили в благодарность за травы да настои, а сейчас...

Сартский усмехнулся:

— Если только так... А чего ты хотел? Волки в лесу хозяйничают! Почто не спрашиваешь, почему я, как смерд лядащий, неконный к тебе пожаловал? Кобылу мою волки, поди уж, доедают, а сам я еле ушел от них! — Он хотел потереть ушибленное плечо да не стал, не гоже господину перед рабом унижаться. — Погоди... Или это тоже твоих рук дело? Чего твой холоп

так зыркает? Не нравится он мне, Войтыла! Пшел вон!

— Что ты, что ты! — Войтыла замахал здоровой рукой. — Иди, Пшемишек, иди! Волки, они твари неразумные, что с них взять! — Он просительно протянул: — Пан Конрад, благодетельствуйте...

Сартский отстегнул кошель с пояса и кинул Войтыле под ноги:

— Вот! Хватит?

Колдун подобрал и спрятал за пазуху расшитый кожаный мешочек.

— Благодарствую, пан Конрад! — Он торопливо поклонился. — А командора, пан, сейчас лучше не трогать! Подождать, может, он и сам как на тонком льду или зыбуне плывучем себя и утопит! Все равно ему не удастся провести старого рыцаря, что отшельником живет, пан его знает, а глядишь, его орденцы и сами прикончат, как самозванца...

— Ты прав, — Сартский на мгновение задумался, словно что-то просчитывая, — про старика, что занозой все эти годы сидит, я и забыл! Тот-то его сразу раскусит, он ведь настоящего Верта почти с отрочества знал, и этому его обмануть не удастся... А если старик его примет? Ведь Верт, неважно — настоящий или самозванец, — сейчас для ордена единственная надежда?

— Так и я о том говорю! — Войтыла развел руками. — Не трогайте его сейчас! Нужно, наоборот, с ним помириться, признать прежние земли за орденом...

— Нет! — Сартский яростно топнул ногой. — Не бывать этому! Я никогда не отдам Ордену земли! Они мои!

— Пан разве ни разу зверя не приваживал? Пусть командор думает, что пан не хочет вражды с ним, и успокоится! — Войтыла потер руки. — Отдаритесь дорогим подарком... Цепь магистерская, что пан хранит у себя, — самый лучший дар! А я, — он захромал к землянке, — помогу пану...

Порылся в углу, раскидывая тряпье, спустя пару минут вернулся, держа в руке небольшой сверток.

— Вот! — Он протянул его Сартскому. — Это звездная руда! Пусть кузнец пана заклепает маленький кусочек в одно из звеньев цепи, а остаток верните мне — я буду тогда всегда знать, где Верт! Он же цепь будет постоянно носить? Так? И пан, закинув такую приманку, будет, словно в засаде, ждать подходящего момента!

Сартский опасливо взял маленький сверток, покрутил его в ладонях, словно примеряясь:

— А если не будет носить? Или старик-рыцарь заберет? Нет, колдун, ты мне еще и яд добрый дай! Но такой, чтобы наверняка... Я уж найду того, кто сможет подсыпать! — Он решительно рубанул ладонью. — А еще лучше — кинжал или болт арбалетный в спину... Уже не умерший, говоришь? — Он ощерился. — Будет умерший!

— Как пану угодно! — Войтыла поклонился, на этот раз не так низко. — Будет пану яд! Только я приготовлю его как раз к сроку, как пан привезет мне назад камень небесный!

Словно дожидаясь конца разговора, из леса раздалось конское ржание.

— А, — колдун оживился, — зря пан ругал Пшемишека! Он кобылку панскую нашел! Не тронули ее волки!

Сартский несказанно обрадовался этому: возвращаться одному в сумерках ему очень не хотелось.

— Приблизься, холоп! — Он кивнул Пшемишеку, и тот подошел. — Вот! — Он похлопал по поясу, но кошель уже был отдан Войтыле, а второго кошель у него с собой не было. С раздражением взглянув на ожидающего парня, Сартский был вынужден снять с мизинца самый маленький серебряный перстень с аметистом. — Возьми за работу!

Пшемишек отвел глаза в сторону и чуть склонился в поклоне.

— Ну же! На! — Сартский протянул руку с перстнем для поцелуя.

Парень словно окаменел. Кряхтя и охая, Войтыла поспешил к Сартскому, грубо оттолкнул в сторону Пшемишека, выхватил перстень и облобызал руку:

— Деревенщина, пан Конрад! Не гневайтесь! Деревенщина!

Он, проявляя для своих ран и страданий удивительную резвость, доковылял до лошади и подвел ее к Сартскому:

— Вот, пан! Я подержу стремя!

Лошадь, увидев Пшемишека, взвилась на дыбы, опрокинув несчастного Войтылу. Парень поспешно скрылся за землянкой.

— Тише! Тише! — Сартский едва успел поймать за повод гнедую. — Чего ты испугалась, глупая? — Ноздри лошади трепетали, словно почуяли дикого зверя. — Войтыла! — Конрад взлетел в седло, с трудом удерживая поводьями разгоряченную кобылу. — Я и так узнаю, где Верт! — Он швырнул на землю под ноги старику завернутую в тряпицу руду. — Твоя ворожба годна только коров хворых лечить да девок присушивать! Сделай мне яд, и чтоб наверняка! Сроку тебе — седмица! Пусть твой холоп будет в Старице вовремя! — Он уже выкрикнул на скаку: — Иначе поплатишься...

— Хозяин, — глядя вслед уехавшему Сартскому, Пшемишек заговорил медленно, словно боясь, что его одернут, — твои замыслы мне не ведомы... Но этот смертный... Как он смеет с тобой так говорить? Он такой... Почему ты не позволил перервать ему глотку, когда я встретил его по дороге сюда? Зачем ты позволяешь вытирать о себя ноги?

— Какой? Он господин и большой магнат, все земли вокруг — его! Он глуп и тщеславен, думает, что я его боюсь! Я бы мог известить его, наслать хворь или порчу, чтобы он сам ко мне приполз... Но зачем? Пшемишек, он пока мои руки! — Войтыла не столько улыбнулся, сколько оскалился. — Если мне удастся заполучить власть над командором, то Конрад Сартский мне уже не понадобится! Верт, вернее тот, кто сейчас носит его имя, нужен мне. Необходимо добраться до него любыми способами: только он может быть одновременно в двух мирах...

— Так и мы можем уходить *туда*! — Пшемишек нахмурился. — Хозяин, он что, тоже оборотник?

— Он не оборотник, он перехудник... — Войтыла устало сел на большой валун около землянки, Пшемишек встал на одно колено перед ним. — Мы можем только оборотиться в кого-то, чтобы попасть в Иной мир, а он... В своем мире он умер, только так смог попасть сюда... Та, прежняя, жизнь еще пока сильно держит его, поэтому, сам того не ведая, может окунаться в тот мир. Этот человек предназначен для исполнения Пророчества. Но нужно торопиться, нить, что связывает его с Далью, ослабевает, скоро он, если захочет, навсегда останется здесь и не сможет попасть туда, откуда пришел!

— А что это за Пророчество?

— Сам текст утерян... Есть только обрывки... — Войтыла невидящим взором смотрел поверх головы Пшемишека. — Когда свет войдет в дом... Явится уже не умерший, но еще не рожденный... Две ладони развеют тьму... И придет Меч Божий... Никто не знает, что это означает!

— Так, а что он должен исполнить? — Пшемишек недоуменно пожал плечами. — Зачем ему тот, *другой*, мир?

— А этого, волчонок, — Войтыла потрепал его по голове, — я сам еще пока не знаю...

— Ты с ума сошел, брат-командор! На хрена нам этот тис! — Священник еле сдерживал раздражение, Андрей же удивленно выгнул брови — и здесь, оказывается, выражения и поговорки про этот горький овощ в ходу!

— Мы и сотню этих тисовых палок белогорцам не продадим, а ты еще больше заказал? К тому же непонятно — что ты из них собрался городить? А эти шесть тысяч стрел?! Да здесь и двух десятков боевых луков не собрать, и у нас, и у селян! К чему эти траты?!

— Вот и хорошо, — радостно осклабился Андрей. — Раз ты вопросом задался, значит, и другие задумаются. Да тот же пан Сартский. К чему это орденам столько стрел на сотню лучников? Как раз по три десятка стрел на тул и выходит. Ведь так?

— Так-то оно, может, так, — пробурчал в ответ старый рыцарь, — вот только ни стрелков, ни мощных луков у нас нет, и взять их негде...

— Вот здесь ты заблуждаешься — у нас есть и луки, и две сотни умелых воинов, что из них рыцарскую конницу распотрошат.

Широко открытые глаза отца Павла возопили немым вопросом, но глас старик не подавал, пребывая в некотором шоке от услышанного. И Андрей тут же зачастил словами, дабы священник не заподозрил его в умопомешательстве. А то такой вариант был еще как возможен!

— Смотри, брат, какой интересный расклад выходит. Белогорцы уже несколько лет не платят нам орденской десятины и, судя по всему, платить ее не собираются. А у нас нет ни сил, ни возможностей заставить их это делать. А мужики еще те — нам не платят, но и церкви также ничего от них не перепадает. На часовенку лишь сподобились, ухари...

— В игрищах языческих души свои губят, — глухо отозвался священник.

— Вот-вот, страх забыли. Пора им и напомнить!

— Брат-командор, их много, а нас мало...

— Тю на тебя. Мы должны остаться в белом, пушистые все из себя. А вот пана Сартского они до дрожи боятся. На этом и надо сыграть. Как ты думаешь — сей магнат оставит свои планы на Бялу Гуру али нет?

— Ни в коем случае! Особенно теперь, когда ты его воинов перестрелял и в Притуле побил людей Завойского!

— Вот и чудненько! А чтоб белогорцев до самого копчика пробрало, сегодня же слух там пустим, что мы немедленно уходим в Словакию. Все идем и наш замок очищаем...

— Я остаюсь! — глухо отозвался старик. — Я слово дал!

— Да тю на тебя еще раз. Мы слух пускаем и суету устраиваем, но уходить-то не будем, не дурень же я совсем. Зато белогорцы враз засуетятся, ибо привыкли за нашей широкой спиной в покое жить. Напугаются они жутко, я так думаю, и с утречка к нам в гости припожалуют челом бить.

— И что?

— А ничего! Людям всегда надо давать выбор! Один вариант должен быть неприемлем для них категорически. Это уход орденцев и оставление их на растерзание разъяренных панов. Ведь так?

— Хм, похоже, — отозвался старый рыцарь, задумчиво почесывая узловатым пальцем кончик носа. — А второй вариант?

— Он должен быть выгоден нам, и только нам. Но и им, конечно, но в меньшей мере.

— И какой же он?

— Простой, как три копейки, то есть мелких медных монетки. Не хотят нам платить

деньгами, ибо люди скупы, то пусть платят натурой. Четыре недели службы под знаменами нашего ордена в течение 12 лет местных селян устроят?! Вместо десятины? И потом, после службы, платить ее также не будут. И как тебе такое предложение?

— Многие согласятся, — после долгого раздумья согласился отец Павел и с интересом посмотрел на Андрея. — Особенно сейчас, если выбор идет только в сторону Сартского. Да... Согласятся. Не все, конечно, но сотни полторы народа будет, а то и вдвое больше, тех, кто побоевитей и позадорней.

— Вот видишь...

— А прок-то от таких воинов какой? Оружия у них хорошего днем с огнем не сыщешь. Луки короткие, охотничьи — хороших боевых, клееных, десятка два на все села, уж больно дорогие они. Редко кто их может здесь прикупить, да и зачем такие мощные на охоте в густом лесу, когда самым простым обойтись можно, за пару грошей купив. Кожаные доспехи не у всех, хорошо, если на половину народа наберется. Топоры и рогатины, щитов и тех мало, да и худо сделаны.

— Прок, говоришь?! — Андрей усмехнулся и показал пальцем на тисовые бруски, что вытянулись небольшой горкой: — Вот он, прок тот самый, лежит перед самыми глазами. С таким длинным луком в лесу не поохотишься, но ведь кроме пернатой и четвероногой дичи есть еще и та, что о двух ногах. Вот с таких луков в моей истории английские лучники в Столетнюю войну французских рыцарей истребляли, причем в самом буквальном смысле.

— Ах, вот что ты задумал?! — Глаза старика сверкнули, и он впился пронзительным взглядом в заготовки для луков, словно впервые увидел их в жизни. — Никогда бы и не подумал!

— Это от практичности нашего мышления. Но не все, что годится для охоты, пригодно для войны, так и наоборот. Обычным селянам это без надобности...

— А кому надобно? Кто позволит крестьянам специально вооружаться?

— У нас были такие — казаки назывались, — они и земледельцы и воины. Выходили на службу с собственным оружием, когда начиналась война, а после нее возвращались к мирным занятиям. А потому не платили налогов — он у них был один, и брали его кровью. И воевали на совесть, ничем не хуже профессиональных воинов, ибо в домашней жизни тренировались воинскому делу на совесть, от этого же жизнь зависит.

— И ты хочешь? — Старик задохнулся от догадки, его глаза блеснули такой радостью, что Андрей непроизвольно усмехнулся.

— Я хочу сделать так же! Создать такую прослойку из самых боевитых. Всех не удастся, да и трусоватые и неумехи нам не нужны — зазябнут в первом же бою. А оно нам надо? А потому они будут платить десятину. Будут, уже не отвертятся, как сейчас — их же односельчане и заставят. И проследят, чтоб ничего не утаили. И сговора между селянами больше не будет, и две сотни воинов под рукой у ордена, и землепашцы с торговцами послушные. Разделяй и властвуй, так еще древние римляне говорили!

— Не ошибся я в тебе, — в голосе священника прорвалась гордость, — благо великое принесешь ордену...

— Дифирамбы мне не пой, я в них совершенно не нуждаюсь. Да и дело еще не то чтобы закончено, оно еще и не начато. Нужно взять крестьян в оборот — это раз. Пусть напугаются от известия, и тогда сюда придут старейшины для переговоров.

— Сделаем сегодня же!

— Я их буду гнать к такой-то матери со всеми просьбами. Ибо злой я до ужаса, сатрап персидский! А ты добрый! К тебе с уговорами приставать будут, а ты меня «просить» станешь.

— Так будет лучше, — священник лукаво ухмыльнулся в бороду. — А потому, думаю, уже

сегодня сговоримся.

— Надо сладить. Условия такие — пусть выставляют два десятка «синих» на прежних условиях...

— Они один только десяток раньше выставляли, — попытался внести поправку старый рыцарь, но Андрей его перебил:

— Населения вдвое больше стало, если не втрое, так что пусть выставляют. И нам слабину показывать нельзя! И пеших лучников в воинской оснастке две сотни. С остальных орденская десятина, как и прежде. И только с них взыскать задолженность по прежним годам.

— От охотников в стрелки записаться отбоя не будет, — засмеялся старик — морщины на лице разгладились. — Это ты хорошо придумал! Один вариант не нужен им, а другой... ха-ха... выгоден нам.

— А мы будем выбирать лучших из них и четыре недели испытательного срока установим. Пусть из луков по мишеням садят да воинскую сноровку приобретают. И все двенадцать лет не только хозяйством заниматься будут, но и себя в тонусе держать да для тренировки стрелять почаще. Вот так-то! А нам работать нужно.

— Что делать в первую очередь будем? — судя по голосу старика, Андрей почувствовал, что его командование в будущем будет приниматься отцом Павлом без возражений.

— И в первую! И во вторую, и в третью. Сколько лучных мастеров в Бялу Гуре имеется?

— Двое, довольно умело простые луки мастерят. И еще один старик так себе, делает плохенькие — глазами и руками ослаб.

— Пусть дальше и делает — конкурентов у него не будет. Тем двум весь тис отдать — луки должны быть в сажень, толщина в середине, у основания, в семь санти... вот так короче, — Андрей как можно шире раздвинул указательный и средний пальцы, показывая требуемое расстояние. — Стрелы длинные, больше шага. До середины лука. Тулы нужны, по две на лучника, это шестьдесят стрел боезапаса. И главное — и луки, и стрелы должны быть одинаковые. Абсолютно! Такой лук в умелых руках — страшное оружие, стрелы пускает на четыреста шагов и больше. С сотни шагов любой рыцарский доспех продырявит насквозь. Боевому луку уступает, конечно, но ненамного. А скорострельность всяко лучше, чем у арбалета. Тис самый лучший материал для изготовления — ясень и вяз ему уступают. У нас, я имел в виду свой прошлый мир, англичане даже специальную пошлину ввели для испанских виноторговцев — те должны были прилагать к каждому бочонку вина две тисовые заготовки для лука. Вот так-то!

Андрей высыпал всю информацию, что знал об английских луках, и почувствовал себя пустым кувшином. А главное, чего он не знал, — это как такой брусок в лук превращать, сам бы он не смог. Но на то есть умельцы и деньги, которых благодаря трактирщику было не так уж и мало. Но тут он вспомнил о главном и распорядился веским голосом:

— И основное — луки и стрелы должны быть одинаковые. Абсолютно! Унификация облегчит и изготовление оружия, и подготовку стрелков. В единообразии великая сила заключена. Так что направо гонца в Белогорье немедленно, и пусть лучные мастера работают только на нас. И никаких других заказов больше не берут! Заплатить им довольно, но не шикуюя...

— Щедрость пока не уместна, если я правильно понял твое последнее слово, брат-командор!

— Совершенно верно! Тисовый лук хороший мастер за день делает. Но этого мало. За этот месяц они полсотни луков должны сделать — пусть сообща работают — так отсебятины не будет и руку набьют. А если плохо набьют, то мы им в морду! И подмастерьев себе побольше набирают — через месяц полторы сотни заготовок будет, их нужно сделать быстро. И стрелы

делают елико возможно больше.

— Оружие от ордена дадим?

— Еще чего! За лук десять грошей, и за два тула стрел еще тридцать. Кожаный доспех с топором за двадцать. Три злотых...

— У многих таких денег нет!

— Таким бесплатно. Особенно молодежи, у них денег вообще нет, я понимаю. Но срок службы увеличивается в полтора раза, на две недели каждый год. Отрабатывать будут, и там, где орден прикажет.

— Ты хочешь...

Старик прямо задохнулся от догадки, пальцы ухватились за суровую ткань сутаны. Он кое-как сглотнул, будто комок встал в горле.

— Ты верно думаешь, отче. Сотня лучников будет постоянно в Белогорье, а другая пойдет в поход. Я считаю, что разборки с паном Сартским важны, но подумать о Словакии тоже нужно. Не нравится мне, что нас оттуда выдавливают. А потому земледельцев-воинов, казаков, как я тебе уже говорил, там создавать нужно. Вот тогда и мы хорошо там укрепимся.

— Я сделаю все для того!

— Пока нужно Иржи с заготовками для луков немедленно отправить в село, терять время нельзя, — Андрей устало пошевелился — тяжелый доспех давил на тело.

— Я распоряжусь. — Священник легко встал, спустился вниз и стал что-то втолковывать орденцу. Не прошло и пяти минут, как тис был разложен на кучки, связан и приторочен на лошадей.

— Умеют работать, — пробормотал Андрей и смежил веки — теплое солнышко его порядочно разморило, и он потихоньку стал клевать носом, ощущая себя улиткой в прогретой раковине. Однако задремать не успел — внезапное оживление и ликующий гул голосов быстро привели его в чувство, смахнув сон как рукой.

Орденцы столпились на дороге, но вот за оружие не хватались, а наоборот, радостно переговаривались. Андрей приподнялся с камня, посмотрел вдаль тракта и понял причину всеобщего переполоха — десяток всадников в красных плащах показались из-за поворота и неспешной рысью двигались к ним, подняв к небу копыта с узнаваемыми вымпелами.

Стефан Заремба оказался совсем еще молодым парнем, лет двадцати, такому еще в оруженосцах служить и служить, как медному котелку. Вот только времена здесь иные — взрослыми и самостоятельными рано становятся. А потому золотые шпоры с поясом на юношах никого не удивляют.

Заремба поцеловал руку священника, тот что-то быстро прошептал ему на ухо, хлопнул по плечу, как бы подталкивая склонившего голову рыцаря к медленно приближающемуся командору.

Андрей хорошо рассмотрел прибывших крестоносцев. Восемь всадников имели землистые лица, чуть тронутые осенним загаром. Понятное дело — в тюрьме пана Сартского, в которую и сам Андрей чуть не угодил, не плюшками баловали.

Однако плащи были новые, оружие сверкало на солнце, хорошо начищенное. Рыцарь и еще пятеро воинов молодые, совсем юнцы безусые, двое постарше — широкоплечий оруженосец лет тридцати и коренастый сорокалетний мечник, чем-то смахивающий на гнома, с проседью в черной голове. Старый орденец, как машинально отметил Андрей, углядев, что Арни махнул приветственно тому рукой.

Десяток коней, два из которых были навьючены баулами и оружием, выглядели крепкими и свежими, не то что сами воины. Да оно и понятно — месяц вынужденного поста за панский счет копытным, в отличие от их хозяев, пошел явно на пользу. Округлились лошадки, раздобрели, застоялись — не в темнице ведь баланду хлебали.

— Командор ордена Святого Креста брат Андреас! Единственный «хранитель» капитула! — громко возвестил священник, и словно волна прошла по прибывшим орденцам — они дружно опустили на одно колено. Молодой рыцарь удивил Андрея — он не раскрыл объятия, как полагалось бы, а, подойдя вплотную, медленно встал на колено и, взяв руку командора, прикоснулся губами к ладони. Тот от удивления ее даже не отдернул.

— Моя жизнь принадлежит ордену и вам, ваша светлость! — звучным голосом произнес Заремба. — И счастьем будет тот день, когда вы прикажете мне ее отдать!

Рыцарь склонил голову, и следом за ним то же самое сделали и воины. Причем все — и прибывшие с Зарембой, и с самим Никитиным, и из «копья» отца Павла. Причем, к изумлению Андрея, священник тоже встал на колени и застыл. Прошло секунд пять, но крестоносцы так и стояли, чего-то ожидая от него. А он превратился в столб, не в силах понять, чего же от него хотят.

И чуть ли не с испугом посмотрел на отца Павла — тот сделал характерный жест рукою, как бы подсказывая незадачливому и незнакомому с принятыми традициями командору, что нужно ему немедленно сделать. Пришлось Андрею сжать губы и с самым торжественным выражением лица копировать священника, давая всем пастырское благословение.

И облегченно, но незаметно вздохнул — этого от него и требовалось. Все тут же поднялись с колен, и только сейчас Заремба кинулся в объятия. Но обнимал бережно, почтительно, словно драгоценную фарфоровую вазу, чрезвычайно редкостную.

— Благодарю, ваша светлость, что вырвали нас всех из неволи, в которую мы попали благодаря предательству и нашей беспечности. — Лицо рыцаря залилось стыдливой краской, и Андрей еле сдержался, чтобы не хмыкнуть.

Брат Стефан мог воспринять ее как оценку того, что он провалил свое первое поручение. А то было бы неправильным, ибо от таких случаев, когда в ход пускают не меч, а коварство, никто не застрахован. И тут же перевел разговор к практическим нуждам.

— Я вижу, твое «копье» великолепно экипировано, брат Стефан!

Андрей с удовольствием посмотрел на прибывших крестоносцев. Кожаных курток не было и в помине — их тела облегали дорогие кольчуги, усиленные металлической «чешуей» и выпуклыми железными пластинами. Яркая ткань плащей, на вид только что пошитая обновка. Шлемы простых воинов, вытянутые, с острым еловцом и кольчужной бармицей, сверкают.

А уж оружия на любой выбор и вкус — три дорогуших арабских лука, мечи, пара изогнутых сабель и прочий арсенал, включая длинные рыцарские копья и притороченные к трем седлам арбалеты.

— Многое даровал нам пан Сартский! Завел всех в оружейную и показал нам ее. Она у него богатейшая, — последнее слово рыцарь произнес с таким придыханием, словно говорил о прекраснейшей из женщин, в которую влюбился навек с первого взгляда. — Затем в комнатку малую моих воинов отвели, там оружие и доспехи были попроще, и приказал выбирать, что душе угодно. Ну, парни и выбрали, хотя свое при себе оставили.

— Что?! Он это подарил?!

Священник вытаращил глаза, да и Андрею стало не по себе — о скупости пана Сартского разговоры ходили везде, а вот о щедрости раза два всего проскальзывало, и то мимоходом.

Но не о расточительности же ведь?!

— Пан Сартский просил тебя, ваша светлость, забыть о прежних неприязнях, сказал, что он послушный сын церкви. И обещал прибыть через неделю с немногими своими людьми в Белогорье, дабы в личной встрече решить все возникшие недоразумения. И приносит извинения, которые выскажет тебе лично, ваша милость!

И Андрей, и еще больше священник оторопели самым настоящим образом. Но оправились быстро и подумали об одном и том же, а потому воскликнули одновременно:

— Твои воины знают об этом?!

— Ты никому не говорил о том?!

— Как можно, — рыцарь отвесил поклон, — говорить о послании, которое адресовано только тебе, ваша светлость.

— Никому ничего не говори, иначе ты нам все испортишь! Мы тут белогорцев «развести» надумали, но от такого известия, если о нем там узнают, наши планы накроются медным тазом! — Андрей снизил голос до шепота, но тот был такой выразительный, что напоминал змеиное шипение.

— Наоборот, ваша светлость, — рассудочно заговорил священник. — Брат Стефан должен всем сказать правду.

— То есть... Как это сказать правду?! Зачем?! — Андрей аж поперхнулся от изумления.

— Но не всю, ваша светлость. — Священник улыбнулся. — И сегодня же в Бяло Гуру будет известно, что пан Сартский отпустил рыцаря ордена Зарембу с богатыми дарами, дабы орденцы смогли спокойно отправиться в поход, а пан Сартский взамен возьмет Белогорье под свое покровительство. И все смогут на эти дары полюбоваться собственными глазами!

— Ах, вон ты что предлагаешь?! Хм... Еще лучше получится. Это селян точно проберет до самого копчика! — Андрей восхитился предложенным и повернулся к Зарембе: — Брат Стефан! Сегодня же поедешь со своими людьми в Бялу Гуру, пусть там полюбуются. И скажи воинам нашим сейчас то же самое, о чем мы с отцом Павлом толковали.

— Будто пан Сартский отпустил тебя с богатыми подарками в обмен на Белогорский замок. Но его светлость еще ничего не решил и будет думать, вечер у него еще есть для ответа. Иди, сын мой, — и священник протянул молодому рыцарю руку, которую тот почтительно поцеловал и, поклонившись командору, быстро пошел к собравшимся на дороге крестоносцам.

— Щедрый пан, на двести злотых, никак не меньше, оружия отвалил. Одни луки чего

стоят!

— Нет, брат Андрей, луки наши! Я брата Стефана в дорогу снаряжал, так что все помню. Три кольчуги взамен кожи дал, не спорю. Арбалеты, копье второе для рыцаря, плащи всем пошил новые. Лошадей трех дал взамен одной нашей — та, видно, сгинула. Хорошие кони, как раз для простых воинов. Щедро одарил, злотых на полсотни, но никак не больше.

— Так я не знал, что луки наши, вот и считал их по сорок злотых, — попытался оправдаться Андрей, но священник словно его и не слушал.

— Тебе о других делах нужно подумать, ваша светлость!

— О каких же?! И отчего это я «светлостью» стал, и как пастырь, должен раздавать благословения?

— Это моя ошибка, сын мой! Оговорился случайно и назвал единственным «хранителем». А брат Заремба, первый же встреченный тобой рыцарь ордена, поступил так, как предписывает наш устав при обращении к главе ордена Святого Креста! Теперь так же будут впредь поступать все наши братья и простые служители.

— Это что ж такое выходит? Я стал великим магистром?!

— Нет, ты остался командором, но сейчас ты единственный «хранитель», являешься главой нашего ордена, а потому имеешь его права и выполняешь все обязанности.

— Типа «ио»?

— Что это такое?

— Исполняющий обязанности. Так у нас говорят.

— Да, это так. Ты исполняешь все обязанности великого магистра до созыва орденского капитула, который ты сам и обязан собрать в не столь отдаленном будущем! И лишь там двенадцать самых достойных братьев-рыцарей выберут четырех магистров.

— А сами что?

— Будут новыми командорами ордена. Если не пожелаешь остаться, как ты говоришь — «ио» магистра, то командором будешь пожизненно, пока в силах будешь держать в руках оружие. Ну а пока тебе надлежит выполнять все обязанности, как того требует устав...

— Это какие же?

— Ты признался мне в прелюбодеянии со служанкой. То не грех — ведь ты тогда не был командором ордена. Но сейчас ты не имеешь права нарушать целибат, с тобой денно и ночью будут четыре лучших крестоносца, что отдадут с радостью свои жизни, чтобы уберечь твою. А в делах я тебе и братья будем помогать всеми силами, не щадя себя.

«Так это же подстава! Он не случайно так оговорился, — немым воплем взвыла душа, и перед глазами само собой всплыло молочное тело Ядвиги, а губы разом припомнили жгучие поцелуи девушки. Лишиться такого удовольствия?! Нет и еще раз нет! Тут же мысль лихорадочно заработала. — Мне что, придется евнухом двенадцать лет прожить, пока еще рыцарей, что такой срок отслужат, набрать удастся. Кошмар — не думал, что узелок завязывать придется на этом самом инструменте!»

— Так Велемир же...

— Командор Андреас зачал его во грехе, это так. Церковь понимает, что слаба плоть человека и закрывает глаза на подобное. Ибо жизнь командора коротка, они лучшие мечи ордена, и смерть их везде поджидает. Да, они не дают обет целибата, но они стараются его выполнять. Но магистры рукополагаются папой, они могут исповедовать и причащать любого воина ордена, дать ему последнее напутствие и отпустить грехи.

— Как? — только смог проблеять Андрей и получил в ответ от священника жесткий ответ:

— А вот так! Как ты сегодня благословил коленопреклоненных крестоносцев. И тем самым добровольно взял на себя права главы ордена. Но и его обязанности тоже, в том числе и целибат.

А теперь тебе нужно отдохнуть, ваша светлость! И снять доспехи. Сейчас тебе помогут!

Священник не стал дискутировать дальше и, оставив огорошенного командора, пошел к орденцам, что стали затевать небольшой праздник, ведь случай был более чем подходящий. Андрей с тоскою посмотрел на них и непритворно взвыл:

— Надо же такому случиться?! Сам, добровольно себя евнухом сделал! Анне бы сказал — ни за что бы баба не поверила. Да еще бы кастрюлю женушка на голову бы надела, если не ведро помоев!

Представив себе такую картину и как бы наяву ощутив омерзительный запах, Андрей невесело рассмеялся...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**«В ЗНОЙ МАХНЕМ, НЕ ГЛЯДЯ МЫ, НА ПУРГУ-
МЕТЕЛЬ»**

— Хотел как лучше, а получилось, ва-ще, все путем! А форма-то какая вышла — прямо настоящий «фельдграу»!

Андрей с нескрываемым удовольствием смотрел, как на просторном лугу занимается добрая сотня лучников в серых домотканых плащах. И работали молодые парни с огоньком, без усталости метая стрелы в мишени из спешно сколоченных добротных досок, желтеющих оструганной поверхностью. Доставалось и чучелам. Большие мешки, туго набитые соломой и подвешенные на шестах, только вздрагивали от попаданий длинных стрел. Сажали по этим мишеням из двух десятков длинных тисовых луков, которые переходили из рук в руки по очереди.

Вот уже три недели, как первая полусотня занималась стрельбой, а вторая под неусыпным надзором орденских ветеранов энергично проходила тактическую подготовку, то рассыпаясь за кустами, то совершая различные перестроения.

На дальней стороне поля занимались три десятка «синих» — для подготовки конных стрелков требовалось больше места для занятий. Да и для «серых» лучше, иначе бы в них давно полетели остроты и насмешки со стороны «профессионалов» — там все воины в той или иной мере прочувствовали запах «пороха», отслужив в свое время или в ордене, или на местных панов с купцами. В общем, зрелые тридцатилетние мужики, не выюноши какие, они хорошо знали, с какой стороны меч держать и как на коне верхом лук натягивать да метко в цель попадать...

«Разводка лохов», так Никитин назвал сию незамысловатую операцию, прошла как нельзя лучше. Ни Андрей, ни отец Павел такого благоприятного для ордена исхода даже не ожидали. Белогорцы, вставшие перед перспективой остаться один на один с местными панами, давно положившими глаз на их богатые селения, дрогнули и «купились», тем паче видя собственными глазами веские доказательства «коварства» Сартского в лице рыцаря Зарембы и его заново экипированных воинов.

И живо, хоть и не без труда и коротких споров с криками и мордобитием, пошли на такие уступки, о которых Андрей вначале и не помышлял. И теперь здесь задолго до появления в его истории казачества была фактически введена воинская повинность, пусть и не поголовная, но распространенная на добрую половину населения.

Три сотни дворов с лишком, без малого четыре тысячи народа, проживающего в двух селах и нескольких выселках, с кряхтением выставили на орденскую службу «синих». Из расчета один конный воин в простом доспехе, с мечом, небольшим овальным щитом и луком с десятка крепких и многолюдных хозяйств. Собирали на шестилетний срок всем крестьянским «миром», выгребя почти все настоящее оружие, что имелось в селах.

И второй расчет Андрея полностью оправдался — местные крестьяне, люди весьма практичные, тратить собственные гроши на бесполезное в хозяйстве воинское снаряжение не пожелали категорически, зато здраво рассудили, что три месяца военной службы под знаменами ордена пойдут их сыновьям только на пользу. Тем более что большую часть года, девять месяцев, молодые парни будут трудиться на своих, и при том шесть лет не будет налогового бремени на семью в виде десятины. Лепота, да и только!

А траты в виде поставки продовольствия для кормежки собственных сыновей или их обмундирования в домотканые плащи столь незначительны, что их можно и перетерпеть, не вздохнув — ущерб мизерный, зато другие выгоды намного серьезнее.

— Хорошие будут воины!

Рядом с Андреем встал священник. Отец Павел взглядом бывалого рыцаря оценил новобранцев исключительно позитивно. Да и Никитин был ими доволен. В сравнении с призывниками из его времени, всеми правдами и неправдами старавшимися «закосить» от службы, эти здоровые крестьянские парни предстали в самом выигрышном свете.

«Залеты» и иные нарушения дисциплины типа пререканий или отлынивания были невозможны по определению. Потому что такой вояка автоматически вылетал со службы со всеми вытекающими для него тяжкими последствиями. В семье вряд ли его по головке погладят за уплату десятины, а ровесники и, что намного страшнее, потенциальные невесты ехидными насмешками осыпать будут. И замена мигом найдется, вступить во вторую сотню желающих хватало с избытком.

Андрею пришлось даже под пустячными предлогами отказать в приеме на службу сыновьям кузнецов и оружейников. Пусть родителям лучше помогают — оружия и снаряжения потребовалось в невероятном количестве.

Одно угнетало не понарошку — ведь Заволя привезет еще тиса и стрел, как раз на вооружения двух сотен и хватит. Вот только орденская казна хотя и позволит этому купцу выплатить за «товар», но после такого «кровопускания» останется пустой, как кувшин с вином в трактире. И пополнить «бюджет» скоро не удастся — десятина будет выплачиваться натурой, а где ее реализовывать прикажете?

В Плонск селяне давно не гоняли возы — нарваться на воинов Завойского им совсем не улыбалось, бывали уже прецеденты. Первое время выручали беженцы из Словакии, подметавшие продовольствие, как саранча, отдавая за него последнюю рубашку. На этом село и богатело, но с прошлого года поток переселенцев оскудел, а с нынешней весны и вовсе иссяк.

— Конвои, что ли, отправлять, да сотню лучников в охранение ставить? — задумчиво пробормотал Андрей и посмотрел на священника. Тот подумал минуту и согласно кивнул головой.

— Не станет Завойский битву за наш обоз у стен самого Плонска устраивать. Себе дорожке выйдет. Да и чехи к сему неодобрительно отнесутся, если орденцы сопровождать его станут. Пропустит возы, вот только вряд ли большую цену дадут сейчас, нужно до весны ждать.

— Деньги-то сейчас нужны, — вздохнул Андрей и с надеждой посмотрел на отца Павла. Старик промолчал — и вопрос чисто риторический был, и ответа на него у них не находилось.

Так они и стояли на стене Белогорского замка, что напоминал перевернутую букву «А» на очень коротких и тонких ножках. Или треугольник на больших колесиках, роль которых выполняли две массивные, вынесенные чуточку вперед, башни, сложенные из плитняка.

Но сам замок был небольшим, площадью едва на шесть соток, а стены не достигали и четырех метров в высоту, хотя в толщину были лишь вполовину меньше.

Такую твердыню с наскока не взять, долгонько у стен повозиться придется, если гарнизон большой. А сейчас он представлял не прежнее «копье», и то неполное, а весьма значительную силу, включая два десятка арбалетчиков, набранных из беглых смердов и холопов.

— Все же пан Сартский допустил большую ошибку, что этим летом на Бяло Гуру не пошел, время упустил.

— Ты так думаешь, брат-командор? Мост прямо в замок упирается, река, хоть и узкая, но быстрая и полноводная, бродов, что вверх, что вниз по течению, на ней нет. Только дальше, но там и берега обрывисты, и белогорцы засеки на них соорудили. Нет, пан не дурак своих кметей терять. Ведь при переправе селяне даже из своих простеньких луков воинов перещелкают...

— Ты слишком самонадеянным стал, брат Павел! Слишком полагаешься на естественные препятствия и этот замок, — Андрей усмехнулся. — А ведь захватить Бяло Гуру весной или летом проще простого было.

— И как же?! — с ехидцей осведомился старый рыцарь. — Уж растолкуй мне, а то непонятно даже стало, а ведь я в боях и походах состарился.

— Ты меня на «слабо» не бери, я тоже многие годы не в харчевне подвизался, ряшку наедаю. Смотри на ту сторону, метров семьсот ниже моста, где навесы стоят для торговцев. Берег пологий, удобный, лагерь разбить можно. С замка туда не стрельнешь, далековато будет. Я бы поступил так, будь на месте Сартского...

— Интересно было бы узнать, — священник прищурил один глаз и хитро посмотрел на Андрея. Но тот на это не обратил внимания, негромко рассуждая, будто сам с собой.

— А дальше все просто — с той стороны ставим десятков пять арбалетчиков, у пана их с сотню наберется, и те местных лучников от реки махом отгонят. И без ущерба для себя — лук на сотню шагов слабее бьет. Скоренько перебрасываю вплавь или на лодках саперов... Умельцев, короче. И через реку пару канатов натягиваем. Плоты заранее изготовим — и вот тебе паромная переправа. Первым делом высаживаем арбалетчиков, они быстренько бездоспешных крестьян выстреливают или отгоняют. Потом пару рыцарских «копий» переправляем и...

— Ничего не получится. Я телег с деревянными щитами поближе к берегу пригоню, вот для моих лучников и укрытие будет. А коней при переправе стрелами побьем!

— Тогда славненько. Вот тут-то ты и попадешься, потому что переправ будет три. Или на «обманку» попадешься. Или на нужном месте твоих лучников слишком мало окажется. Ты ведь по берегу стрелков размажешь для наблюдения и большую часть к замку перебросишь. Ибо здесь тебе все силы держать надо, — Андрей еще раз показал на тот берег, потом ткнул пальцем в сторону двух горюшек, что замыкали широкую долину. — А сразу ты три направления никак не перекроешь пятью сотнями необученных толком селян, если я разом начну. Далековато придется твоим парням на своих двоих бегать от фланга к флангу. Не успеют все места перекрыть. На одном я все же рыцарские «копья» на твой берег и перевезу...

Андрей возбужденно мерил шагами небольшую площадку на крепостной стене. словно вернувшись в ту, прошлую жизнь, он разрабатывал план операции. Особых размышлений он и не делал, просто навскидку оценивал замковые укрепления и прикидывал силы и возможности и нападающих, и обороняющихся.

— Дальше просто — они твоих мужиков с палками, что по недоразумению луками называются, в коровью лепешку размажут. И тебя вместе с ними заодно, и замок без проблем возьмут, ибо гарнизона тогда практически и не было. Вот так-то, а ты мне тень на плетень больше не заводи. Самая большая ошибка командира — быть слишком самонадеянным, особенно когда оборону держишь. Враг ведь не дурак, он тоже к тебе подходы ищет.

— А говорил, что не разбираешься...

— Я сказал, что не умею владеть холодным оружием на том уровне, что здесь обыденным считается. Но тут дело другое. Тактика еще от древних греков пошла. Ее конкретные приемы зависят от состояния военно-технического, то есть оружейного, производства и вооруженной силы. И подготовки воинов, конечно.

— А если пан Сартский через пару месяцев на нас пойдет?

— Ничего у него не выйдет. Луки не дадут через реку переправиться, арбалетчиков положим — у нас вдвое больше стрелков. И спокойной жизни ему на том берегу не дадим, партизанить будем. Я тебе о таком способе малой войны говорил, помнишь?

— Яко тати, только с луками и арбалетами?! Панам, я думаю, придется не по вкусу.

— Нам только время нужно, месяца два. И бойцов подготовить, и тисовых луков понаделать со стрелами. Последних нужно очень много — под массированным обстрелом даже рыцари не продержатся.

— Хорошо бы...

— Работать много надо, брат Павел, тогда и будет хороший результат. А не на стене ляссы точить. Одно скажу — за мостом и воротами в замок нужно смотреть в оба. Если боевое охранение прошляпит и не успеет известить, то внезапность нападения может сыграть с нами злую шутку.

— Я сам за этим смотреть буду. — Священник поклонился и собрался было спускаться вниз по лестнице, но был остановлен вопросом.

— Слушай! У меня тут вопрос о созыве капитулы.

— Это произойдет очень не скоро, ваша светлость! Если меня и тебя считать, то у нас всего шесть рыцарей, что полный срок под знаменами ордена отслужили. Нужно еще семеро, но где их взять?

— Да понимаю! Меня другое интересует — как в уставе говорится о таких случаях созыва капитулы? Дословно?!

— В них участвуют только те братья, что двенадцать лет верны честью своей кресту и знамени и на которых сразу укажут другие их братья как на лучших и достойных.

— Ага, понятно... — Андрей напрягся. Как он и ожидал, формулировка была несколько расплывчатой. А потому задал осторожный вопрос: — Там прямо сказано, что брат должен отслужить все двенадцать лет ордену исключительно рыцарем или просто отслужить? В тексте, я имею в виду?

Старик задумался, надолго и всерьез, собрав морщинами лоб, припоминая строки пергаментного текста, который Андрей так и не смог одолеть. Старинное готическое письмо оказалось ему не по зубам, пусть с хорошим знанием, но современного немецкого языка.

— Да нет там про рыцарей, — после долгой и мучительной паузы произнес, наконец, священник, — а токмо про братьев говорится. Ведь мы, хоть и носим золотые пояса и шпоры, мы — братья в первую очередь и лишь потом рыцари. Вот так и записано!

— Это просто великолепно!

Андрей прищурился, как довольный кот. Теперь он знал, как ему избавиться от добровольно-принудительного celibата. И довольно скоро...

— Его преосвященство надеется, что вы, ваша светлость, выполните свой христианский долг и окажете несчастным единоверцам за горами требуемую помощь, — тщедушный монашек сверкнул глазами. Его голос, хоть и тихий, но повелительный, превращал эту просьбу в приказ.

«Твою мать, что же делать?! Отказать ему нельзя, это точно. Послать подальше — тем паче. Папский нунций в Кракове слишком серьезная величина, чтобы не брать ее в расчет. Да и чехи за его спиной стоят. Вот падло! Ведь за глотку взяли и ясно намекнули — не пойдешь, орден потеряет все замки в Богемии и Моравии. И что делать?! — Андрей лихорадочно соображал, но старался держать лицо непроницаемым. — Ох, не вовремя они здесь появились, не вовремя!»

О прибытии небольшого обоза из дюжины тяжело нагруженных повозок, сопровождаемых двумя рыцарями и монахом, посланником от самого краковского нунция, в Бяло Гуру узнали от нарочного, что отправил Заремба, «копье» которого охраняло тракт и подходы к селу, и потому успели подготовиться к встрече.

А заодно отец Павел обстоятельно просветил Андрея, каким влиятельным лицом является в вислянском крае нунций Бонифаций и что ссориться с ним себе дороже выйдет.

Так и получилось — стоило монашку очутиться в замке, как он с ходу взял быка за рога и передал послание, даже отказавшись от стакана вина. За потоком славословия слышалась просьба помочь словакам зерном и другим продовольствием, ибо их ждет суровая и голодная зима.

Да оно и понятно — в горах, где укрылись в укреплениях и замках оставшиеся там христиане, пахать и сеять невозможно за отсутствием пригодной для того земли.

Из трех дорог, что вели через карпатские перевалы, одна шла через Белогорье, другая начиналась от Запретных земель, а третья проходила через владения пана Сартского, что был с чехами если не на ножах, то в очень близком к этому состоянии.

Потому нунций выбрал первый вариант и обратился к командору фон Верту с покорнейшей просьбой закупить в Бяло Гуру две сотни возов продовольствия и фуража и доставить его через горы. Вот такая была немудреная просьбишка, весьма незатейливая.

Но вот последствий от нее будет много — такие вещи Андрей сразу ощущал всей своей многократно избитой пятой точкой, на которую обычно русские ищут приключения...

— Брат мой, — тихо произнес отец Павел, обращаясь к монашку. — Мы еще не собирали десятину. И у нас нет денег, чтобы купить продовольствие.

— Краковский князь выделил для того двести злотых, и еще столько же пожертвовал на нужды ордена Святого Креста.

Отец Павел непроизвольно сглотнул от такой любезной предупредительности. Андрей видел, что священнику очень не хочется отправлять его в дальнюю дорогу и он лихорадочно соображает, как бы половчее отказать хотя бы в этом — пусть караван возглавит кто угодно из рыцарей ордена. Но не последний командор!

— Наместник короля приказал доставить оружие, — тихо произнес монашек, и Андрей чуть не подавился — он хотел сослаться именно на нехватку вооружения, а тот, будто ясновидящий, прочитал его мысли.

— Пять возов нужно перевезти за перевалы, а еще семь отдаются в дар крестоносцам. Перечень всего у купца, он немедленно выдаст вам то, что предназначается. И еще одно — этот поход будет трудным, но словаки должны знать, что церковь не оставит их в беде. И наиболее ярким подтверждением этого будет приход крестоносцев во главе с командором ордена. С этой покорнейшей просьбой его преосвященство нижайше обращается к вам, ваша светлость. Это

нужно для блага веры и процветания церкви!

— У нас здесь мало воинов для такого похода. Нужно призвать других крестоносцев. А из крестьян лучников быстро не сделаешь. — Отец Павел предпринял еще одну попытку, но Андрей чувствовал всю безнадежность, ибо монашек от заданного ему вопроса не выглядел удрученным, даже улыбнулся, стянув пергаментную кожу на лице.

— Со мной два рыцаря со своими людьми. Они в Кракове пожелали вступить на службу церкви, и его преосвященство дал им благословение на крестоносное братство. С обозом пришли и два десятка беглых, коим дано разрешение вступить под знамена ордена. Несколько человек из них довольно умелые ратники, потерявшие свои семьи...

— Но нужно время, — теперь и Андрей выступил с последней попыткой если не отменить, то хотя бы оттянуть для себя выход.

— Двух недель более чем достаточно. Вам не стоит утруждаться. Я сам прослежу, чтобы возы были подготовлены как можно быстрее.

«Они меня хотят выставить отсюда любым макаром. К чему бы такое? Заговор? Похоже на то. Ох, и хреново выходит! Значит, и церковь и чехи нас просто сдают. Мы в Словакию пойдем, а пан Сартский нас в спину ударит. Ох, как плохо выходит!»

— И еще одно, — монах снизил свой голос до шепота, — вот послание его святейшества. Те словацкие селения, что остались без сюзеренов, переходят под покровительство нашей матери-церкви. А потому опеку над ними должен принять орден Святого Креста, ибо там идет многолетняя и изнурительная война с уграми, принявшими ислам. Это война за веру, и вести ее должен меч церкви — вы, братья-рыцари!

Андрею сразу поплохело от таких слов — теперь он полностью уверился, что орден действительно стал разменной монетой в чьих-то руках, заложником политических игр.

Взглянув на отца Павла, он уверился в правильности своих мыслей — в глазах священника плескалась безысходная тоска. Старый рыцарь все понял правильно и тихо произнес:

— Надеюсь, его преосвященство позволит мне пойти в этот поход! Я все же рыцарь ордена и лишь потом священник.

— Я сам хотел тебе это предложить, брат мой. Наша паства за горами осталась без духовных поводырей, и мы сами толком не знаем, что там сейчас происходит. Конечно, брат Павел, тебе следует отправиться в этот поход с его светостью. Тем паче его преосвященство назначил тебя духовником главы ордена Святого Креста.

Монашек им подчеркнуто низко поклонился и, сославшись на необходимость ознакомиться с сельской церквушкой и местными селянами, испросил разрешения, которое Андрей ему сразу же и дал — попробовал бы он отказать! И остались они со старым рыцарем вдвоем в трапезной, пасмурно глядя друг на друга.

— Это «подстава», брат-командор, как ты иногда любишь выражаться! — хмуро произнес отец Павел. — Теперь я полностью уверен в этом, как и в том, что Белогорье решено отдать панам, а нас погубить.

— Думаю, свои богемские и моравские замки мы недолго будем держать в своих руках, — уныло сказал Андрей. — Ясно, что папский престол не выдержал давления. Вот только кого?

— «Братства Святой Марии»?

— Их тоже, но это не главное. Тевтонам не терпится убрать конкурентов вроде нас. Но их земли между Рейном и Эльбой, а там наших замков давно нет. Будут ли они вот так добивать? Ведь это же к ним и вернется со временем?! Вряд ли... Тут что-то другое...

— Чешский король Вацлав?

— Столько лет нас прикрывать и на такое пойти?! Сомнительно. Да и зачем — орден наш в большинстве своем из славянских рыцарей, а его величество к тевтонам враждебен, что

германцам, что австрийцам. Если только не встал перед выбором отдать польские земли... И вместо Кракова решил пожертвовать орденом достоянием...

— То есть за этим делом, если я понял тебя правильно, стоит гнездинский князь Болеслав?

— А ему какая корысть южных своевольных магнатов усиливать? Они и так на его власть плевать хотели, с гонором все, и вот так укрепить их могущество?! За счет церковных владений?! И сейчас, когда христианство еще непрочно?! — Андрей пожал плечами. — С паном Сартским понятно, его желания и возможности на поверхности, он — враг открытый. Но князь Болеслав? Не думаю! Ведь как ни крути, мы ему в большей мере союзники, чем враги. Так что не он это! А вот то, что враги наши люди очень серьезные, так это ясно. За три недели такие меры предприняли, на это надо нешуточное влияние или власть иметь. Но, сдается мне, и они не настроены орден окончательно добивать...

— С чего ты сделал такой вывод, брат-командор?! — Отец Павел наклонился, Андрей ощутил всем лицом его жаркое прерывистое дыхание, видел лихорадочный блеск глаз.

— Смотри, что получается, если рассуждать без гнева и пристрастия. Орден на Католаун завели, но не весь, кое-что осталось. Вот оставшихся и принялись добивать со всем усердием — два последних командора у кого-то вызывали если не страх, то определенное беспокойство. А потом как обрезало — целенаправленных усилий не было. Орден не стали добивать! Да, он влачил существование, но его сознательно не убивали окончательно. Будто решили оставить про запас. Типа пусть себе вошкаются крестоносцы, придет время — поддержим или уничтожим, как нам заблагорассудится.

— Ты хочешь сказать, что наши враги сейчас приняли эти меры?

— Да. Вот только неясно — или они хотят вернуть статус-кво, а значит, убьют меня и успокоятся, или, может, полностью уничтожат орден. Довершат, так сказать, начатое пятнадцать лет назад. Или...

— Что или?! Да говори ты, не тяни! — Голос отца Павла задрожал. Старику была тягостна эта терзавшая душу нарочитая пауза.

— Или нам дадут возможность проявить себя, выталкивая, другого слова и подобрать нельзя, в Словакию. А там как карта ляжет — сумеете, так закрепите за собой территорию целого княжества, захваченного более чем на три четверти уграми, не сумеете... Ну последний вариант перед глазами — если не погибнем, то будем владеть дальше свое незавидное существование. Только предгорье на загорье сменится, и хлеба не станет. Хорошо, если церковь уговорит пана Сартского такой же обоз снарядить.

— Да уж! — только произнес священник, и Андрей поневоле улыбнулся, так отец Павел этим восклицанием походил на незабвенного Ипполита Матвеевича Воробьянинова.

— Пан, а он захватит Белогорье при таком раскладе, нам пару обозов pošлет, а там горло и передавит. Вот такие невеселые перспективы. И ты знаешь, я все же к последнему варианту склоняюсь...

— К какому?

— Меня хотят прибить! И монашек на это намекает!

— Он?! — изумился отец Павел. — Да он ни слова про то не сказал!

— Вот-вот! Зато слишком выразительно в Словакию выпирает, типа там хоть и угры, зато целее за горами будешь. Меня другое беспокоит, а не собственная судьба. Видишь ли — мы перебрали разные варианты, но так и не можем ткнуть пальцем и воскликнуть — вот он, вражина! Когда недругов слишком много, но они настолько бесцветны и бесплотны, аки призраки, я о пане Сартском не говорю, вот это больше всего и настораживает. Неизвестно, от кого из них плюха прилетит. Так что на измене весь сижу и остерегаюсь неизвестно кого!

— Не только ты, брат! И я, признаюсь честно, не ожидал, что так скоро войдешь в курс

наших дел.

— Да тут и входить не нужно, подумать только над тем — кому это выгодно?! Ну ладно, мы сейчас все равно не найдем наших неизвестных «друзей», а потому давай лучше пойдем, посмотрим, помацаем, что нам на семи возах привезли. Надеюсь, стоящее... Хотя дареной лошади в зубы не смотрят... Если только это не «троянский конь»...

Путник, закрывшись от осеннего дождика в длинном плаще, остановился перед купеческой лавкой, которых в торговом и богатом Кракове было превеликое множество, даже магометанских, где продавались товары на любой вкус. Но то — дело насквозь обыденное, религия религией, а товары товарами, их продавать нужно, и война этому делу не помеха.

Лавка была довольно богатой, не какой-нибудь лоток, а добротный каменный дом. Пусть не в центре города, куда магометанам ходу нет, но и не за крепостными стенами, где ютятся бедные ремесленники и торговцы, продающие свои товары с лотков.

Путник остановился у дверей, незаметно оглянулся по сторонам. Несмотря на дождик, жизнь на грязной улочке бурлила. Среди помоев, иногда выливаемых из окон прямо на мостовую, хоть и боролись с этим городские власти, сидел нищий, выпрашивая милостыню, а рядом грызлись собаки, вырывая друг у друга обглоданную до блеска кость.

Мимо проехал всадник в грязном до омерзения дорожном плаще, понукая измученную лошадь. Та еще кое-как шла на дрожащих ногах, еле переставляя копыта. Но слезть с измученного животного седок не желал — хоть и нищета полная, штаны в заплатах, но шляхтич, целый пан, коему своими дырявыми сапогами месить грязь на улицах неуместно.

Усмехнувшись краешками губ, путник открыл дверь и зашел внутрь. В лицо сразу резко пахло восточными пряностями, не столь редкими, сколь дорогими, и благовониями, что продавались по совершенно умопомрачительной цене.

Но они и покупались нарасхват местными женками — мало кто из купцов, зрелых годами и достойных тугой мошной и седой бородой, будет терпеть постоянное нытье молоденькой супруги и не предпочтет заткнуть ей рот дорогой покупкой, пусть и по слишком большой цене.

Деньги на то и есть — одни уходят, а другие приходят. Главное, чтоб первых было меньше, чем вторых, — на чем и зиждется купеческое благополучие.

— Что желает купить почтеннейший гость? — юркий приказчик восточной внешности, но с крестом на груди — в Леванте много христиан с седых времен проживает — с низким поклоном поприветствовал позднего гостя.

Он затараторил, расхваливая развешанный по стенам и щедро высыпанный на полки товар на любой цвет и вкус, удовлетворивший бы самого взыскательного покупателя.

— Есть шелк, прекрасный, достойный самых красивейших женщин... А наши благовония известны...

— Я знаю ваши товары! — лающим голосом, что выдавало германца с головой, перебил гость, властно поведя рукою. — Мне нужен только один товар, что есть у твоего хозяина Юсуфа! Имбирь из Яффы!

— О да, благородный рыцарь, такой имбирь у нас есть! — приказчик снова низко поклонился и отдернул полог. — Проходите сюда, ваша милость, почтеннейший Юсуф там.

Немец усмехнулся и, положив ладонь на рукоять меча, что как бы случайно вынырнул из складок плаща, вошел за порог. Эта комнатка была совсем маленькой и освещалась не узкими окнами, а коптящим масляным светильником. Огляделся.

Не прошло и четверти минуты, как резная дверь напротив отворилась, и вошел дородный купец, одетый с восточной пышностью, гладивший ладонью окладистую, крашенную хной бороду, поприветствовал гостя. Вот только поклон его был не подобострастный, как у служки, а достойный, с каким знатный воин может приветствовать только равного себе по статусу.

— Я счастлив вас видеть, Густав фон Шендеман, — он жестом пригласил гостя сесть на большой низкий диван, застеленный дорогим шелковым ковром, — самый доблестный меч

«братства»!

Юсуф с улыбкой отвесил еще один поклон, по-восточному учтивый, но полный достоинства, и положил свою ладонь на украшенную драгоценностями рукоять ханджара — большого боевого кинжала, который мусульманские военачальники носили в дополнение к изогнутому мечу из дамасского булата.

— И я рад вас увидеть, сотник гулямов, хотя и в непривычном обличье! — Вот только в голосе тевтонского рыцаря совсем не слышались приветственные нотки, он был холоден как лед.

— Не извольте беспокоиться, мой добрый и старинный друг, — здесь нас никто не подслушает!

В длинной фразе на отличном немецком языке твердо прозвучало только одно слово — «старинный».

— Это правда, — хмыкнул командор, — куда ж еще старинней, ведь пятнадцать лет прошло, когда мы с вами встретились и совершили общее дело. С Каталаунского поля...

— На котором мы истребили заведенных туда вами злейших врагов. И наших, и ваших — крестоносцев!

— Я пришел по этому делу к вам, сотник...

Шелестящие шаги заставили тевтона замолчать и резко обернуться. Бархатный полог отдернулся, и в комнатку, низко склонившись, вошел слуга, несущий поднос со сладостями. Следом был внесен серебряный изогнутый кувшин дорогой чеканки с вином. Расставив все на низком столике, слуга бесшумно вышел.

— Только простой купец, мой командор! — Юсуф налил густое темно-красное вино в два золотых кубка. — Будем так считать.

— Хорошо.

Рыцарь принял кубок, но отпить от него помедлил и поставил на столик рядом с собой. Юсуф с широчайшей, доброжелательной улыбкой отпил из своего кубка, затем отлил часть вина из второго кубка в свой и снова пригубил.

— Мы же старинные друзья! — Он отер шелковым платочком драгоценные рубиновые капли с бороды и громко рассмеялся. — Неужели вы ждете от меня подвоха?

— Слишком старинные! — Тевтон сделал попытку улыбнуться, но улыбка вышла более похожей на хищный оскал. — Слишком!

— Надо доверять людям! — Юсуф воздел руки, закатив глаза. — Друзья на то и друзья...

— Вот о друзьях я и пришел поговорить! — довольно бесцеремонно перебил его немец, раздраженно поморщившись. — Не надо играть передо мной, сотник гулямов, ты не продавец, я не покупатель, которому ты пытаешься всунуть гнилой товар!

— Аллах! Аллах! — Юсуф обескураженно покачал головой. — Вы не изменились, Густав фон Шендеман! — Голос резанул со звоном вынимаемой из ножен сабли. — И я этому рад! Говорите, я весь внимание!

— Новость не очень приятная, мы ее недавно получили, — рыцарь склонил голову, — командора Андреаса фон Верта вы не убили в той западне. Он воскрес, хоть в это трудно поверить, после многих лет небытия!

— Я знаю! — Глаза купца сверкнули грозовой молнией. — Мы тогда обшарили все поле, но не нашли его тела. И это было для меня горем! Я мог бы стать тысячником гулямов, личной гвардии халифа, но это несчастье...

— Ты не хотел его убивать?! — командор отшатнулся в изумлении.

— Убить его очень жаждали вы, «братья» по вере. — В голосе купца проскользнул еле слышимый смешок, которого немец не сумел уловить. — А нам он был нужен...

— Зачем?!

— Я отвечу тебе на этот вопрос, доблестный фон Шендеман, но хочу попросить об одной услуге.

— Взаимообразно, как прошлый раз?!

— Да. У вас есть среди крестоносцев свои осведомители. Я не спрашиваю, я это знаю. А потому настоятельно прошу не убивать фон Верта!

— Даже так?! Оставить в живых нашего злейшего врага и не довести дело до конца? — Немец сжал до хруста кулаки. — Ты слишком много просишь, сотник Юсуф!

— Но я много и дам в ответ «братству». Услуга за услугу?

— Хорошо. — Шендеман постукивал пальцами по полированной столешнице красного дерева. — У грассмейстера к вашему галлийскому эмиру есть просьба. Я понимаю — прекратить войну между нашими народами мы не можем, но сейчас силы нашего «братства» должны быть не на Рейне, а на берегах Эльбы, и как можно скорее.

— Хотите приобщить к своей вере полабских славян-язычников мечом и крестом? — Юсуф взял с серебряного блюда сушеный финик, покрутил его, разглядывая, отправил в рот, пожевал, прищурившись, и пристально взглянул на немца. — Дранг нах остен? Вместо запада?

— Да. Война против вас на западе нам надоела, большие потери, и только, и никаких приобретений. А там...

— Новые неофиты, новые приобретения... Да и поляки живо смиряют свою строптивость... — Юсуф поглаживал в такт словам свою бороду, покачиваясь взад-вперед при этом. — Да и нам большого ущерба не будет...

— Хм. Насчет ущерба не знаю, а вот выгода будет огромная. Мы нависнем рано или поздно над Русью и тем поможем вам. — Рыцарь откинулся на спинку дивана, сложив руки на груди и откинув голову. — Как мне известно, в прошлом году новгородский князь Святослав уничтожил войско вашего эмира на Десне. Так, глядишь, вскоре Куйяба Киевом снова станет!

— Не думаю. — Голос Юсуфа прозвучал глухо. Халифскому лазутчику напоминание о Киеве пришлось явно не по вкусу. — Но обещаю — в следующем году вы можете идти от Лабы к Одре.

— От Эльбы к Одру, так лучше. — Немец раздраженно поправил Юсуфа на свой германский лад. — Но ты не ответил на мой вопрос!

— Какой? Разве ты спрашивал? — сделал наивные глаза бывший сотник личной халифской охраны.

— Зачем тебе нужен живой фон Верт? Не хочешь отвечать? Тогда...

Голос немца прозвучал угрожающе, и араб поднял ладони — заходить в этом деле далеко было не в его планах.

— Он знал одну тайну. Теперь мы в этом уверились, потому что все эти годы он провел у ромеев. Но не задавай мне вопросов, я и сам толком не знаю, о чем идет речь.

— У византийцев? Ты уверен?

Шендеман задал вопросы таким тоном, что там легко слышалось сквозь слова: «Только мне не ври насчет своего незнакомства с тайной, я тебя хорошо знаю!»

— Да. Он крестится по-гречески, на груди крестик тонкой восточной работы! — Юсуф загибал пальцы, отнюдь не пухлые, как у многих купцов, а сбитые, крепкие, натруженные постоянным обращением с оружием. — И часто употребляет славянские слова, похожие на болгарские. И более того — мне известно, что папский нунций отправляет его самого в поход за горы, в Словакию. Тамошний народец сильно голодает, и крестоносцам приказано оказать помощь. У него будет небольшой отряд — несколько рыцарей и едва полусотня воинов.

— Хм. Да вы сами его туда и направили...

— При чем здесь мы?! — изумился Юсуф, и слишком искренне, так, что немец снова хмыкнул. — Это дело церкви, доблестный командор. Их отправил папский нунций, а мы просто вовремя узнали и приняли нужные нам меры. Но в Белогорье у нас нет людей. Кто ж предполагал, что крестоносцы заполучат своего командора, иначе...

— Вот сейчас ты говоришь правду, Юсуф, — улыбка чуть тронула уголки губ Шендемана. — Хорошо, наши люди не тронут его. Но там и без них найдутся желающие убить фон Верта. Кроме нашего «братства» слишком многие будут стремиться к этому.

— Что будет, то пусть и будет. — Юсуф поцокал языком. — От судьбы не уйдешь — кысмет, как говорят сельджуки! Надеюсь только на то, что когда несколько людей попытаются сделать одно и то же, то зачастую ничего у них не получается.

— Это почему?

— Мешают друг другу, — араб поджал надменно губы, — локтями отпихивают.

— Вы его точно возьмете?! Не выпустите?! — В голосе командора прорезалась тщательно скрываемая угроза. И затаенный страх...

— Нет! — в ответе лязгнул булат. — Его ждет сам эмир в Пеште, а потому в разные места будет отправлена полутысяча гулямов.

— Хм. — Шендеман поднял изумленно брови. — Более чем серьезно! Более чем! Если раньше на весь орден вы бросили только две тысячи лучших рыцарей халифа...

— Так и выигрыш, — араб помедлил, растягивая паузу, — для меня будет тот же!

— Тысяцким гулямов? — Шендеман покрутил головой, хмыкнув на этот раз с удивлением: «А ты не прост, Юсуф, как кажешься! Обычным купцом хочешь прикинуться? Если по твоей просьбе пять сотен гулямов на ловлю одного командора с полусотней воинов бросают!»

В продолжение немного диалога Юсуф низко склонил голову, как бы отдавая должное собеседнику в проникательности: «Не задавайте неудобных вопросов, уважаемый командор, на которые никогда не получите ответов!»

— А если фон Верт постарается ускользнуть из западни?

Шендеман прищурился. Его серые глаза сузились и резанули металлическим блеском.

— Вот здесь нам нужна помощь ваших людей, командор! В походе будет масса случайных встреч, и им нужно их не избегать. Вот это, я думаю, поможет!

Юсуф быстро засунул руку под диванную подушку и извлек оттуда два длинных искривленных кинжала в самых обычных, неукрашенных ножнах, на первый взгляд никак не бросающихся в глаза.

— Это бевут, кривой персидский кинжал. Передайте это своим людям, доблестный командор. Пусть их носят на поясе постоянно. И оберегают фон Верта...

— Прикажете рисковать им собственной шкурой за злейшего врага?

— Зачем рисковать понапрасну?

Юсуф расплылся в притворной улыбке и извлек из халата объемный и довольно тяжелый даже на вид кожаный мешочек. Ловко положил его в руку командора. Тот без алчного блеска в глазах посмотрел на купца, вроде с недоумением и пренебрежением.

— Они хоть и простые воины, но за десяток золотых...

— Не судите опрометчиво, доблестный рыцарь, сразивший не один десяток врагов. Там отнюдь не принятое здесь серебро, а настоящие византийские солиды!

— Хм, — Шендеман поморщился. — Вы мне испортите их — получить по сотне золотых за такое. Вы совсем потеряли голову!

— Наоборот, я хочу получить ее не отрубленной, а при живом теле. А потому считаю, смог пожертвовать «братству» на такое угодное дело и две тысячи полновесных динаров!

— Орден примет твой щедрый вклад! — Тевтонский рыцарь усмехнулся и медленно снял

ладонь с рукояти меча.

— Ах да! — Юсуф всплеснул руками. — Благороднейший командор, вы совсем не отведали ничего! Вот сладчайший лукум, вот тахинная халва, вот пахлава с фисташками! А хивинский урючный киём! — Он закатил глаза. — Такого вы нигде не попробуете...

— Сотник! — Шендеман порывисто встал. — Если тебя эмир погонит взашей и тебе при этом удастся сохранить голову, ты точно не пропадешь! На базаре шербетом торговать будешь, отбоя от покупателей не будет!

— Ассабру мифтахуль фарадж! — Юсуф проводил взглядом рыцаря. — Терпение — ключ к успеху, командор! Если я и буду торговать шербетом на базаре, то ты, как пес, будешь охранять мой лоток...

— Кароль Навотны, ваша светлость! — Молодой рыцарь, ровесник Зарембы, с еле пробившимися пшеничными усиками, встал перед Андреем на одно колено. — Жажду пролить кровь и принять смерть за веру под знаменами ордена Святого Креста!

— Умирать не торопись, рыцарь! — с улыбкой произнес Андрей и вздохнул искренне: юноша понравился ему своей горячностью — давно ли сам такой же был... Дурак...

— Пусть лучше угры умирают за свою веру! — добавил Никитин и посмотрел на второго прибывшего рыцаря, что уже встал перед ним на колено и склонил голову.

Широкоплечий, уже заматеревший мужик, чуть постарше, буквально на пару лет, правую щеку пробороздил глубокий шрам. Матерый воин. Вот только глаза у него были какие-то совсем детские, пронзительно-голубые, словно небо его, Никитина, прежней молодости.

— Зигмунд фон Райтенберг, ваша светлость! — хриплым голосом пролаял рыцарь, представляясь: сразу видно настоящего германца, с молоком матери впитавшего воинские традиции.

— Сочту за честь сражаться в рядах крестоносцев, покрывших себя славой в боях с врагами нашей Христовой веры!

«Тевтон он и есть тевтон, недаром говорят, что по-испански разговаривают с Богом, на французском с друзьями, по-итальянски с женщинами, а на немецком языке лаются исключительно с одними врагами. Хотя какая тут, беса лысого, Испания?! Нет ее, и вряд ли будет — там один сплошной эмират. И Франции тоже нет, только на севере Италии еще христиане кое-как держатся в горах — там мусульмане не сильно воевать любят.

Зато немцы — вояки добрые — вот уже два века насмерть с арабами сцепились и на диво крепки, выстояли. Да еще мочить их хотят дальше и крепче! Хотя, к слову сказать, какие на хрен арабы? Где их столько наберешь-то?! Те же франки, мать их за ногу, или галлы давно ислам приняли и своих бывших единоверцев от всей души метелят. Как сборная по футболу — там природных французов раз-два и обчелся. Выходцы из колоний играют, и арабов из Алжира много. Опять же — теперь мир никогда не узнает, что такое шампанское и коньяк. Хоть ради возрождения виноделия новый крестовый поход начинай. А то местную белогорскую жуть пить нельзя, даже кислятина пройдохи-трактирщика сладостной амброзией вспоминается».

Андрей чуть не засмеялся, припомнив, как вино пили. Доверенный посланец нунция с наслаждением, уставши от долгой дороги, отец Павел с удовольствием — старик часто пил воду, а потому вкус даже такого вина был для него приятен. Зато сам Андрей еле сдерживал гримасу, глотая омерзительную до отвращения жидкость.

И тут же опомнился от пакостного воспоминания, словно ощутив тот вкус на губах. Посмотрев на германца, задал ему самый подходящий для случая вопрос, зная, что тевтоны стараются обходить крестоносное воинство, куда вступают в основном славяне.

— А почему вы не пожелали вступить в «Братство Святой Марии»?

Неожиданно от вполне невинного вопроса Андрея на щеках рыцаря вспыхнули багровые пятна еле сдерживаемого гнева. Глаза сверкнули недобрым огнем, а рука легла на рукоять меча.

— По тем же причинам, что и вы, в миру граф Андреас фон Верт, ваша светлость! Мой род всегда служил австрийскому эрцгерцогу честно и верно, как и ваши предки! А потому дорога в тевтонское «братство» для нас закрыта! Нами самими закрыта!

«По-моему, я наступил на его самую больную мозоль — это раз! А во-вторых, он меня вроде знает?! Нет, точно знает! Но откуда? Ведь когда погиб настоящий фон Верт, этот Зигмунд еще мальчонкой по замку бегал и даже служанок за мягкие места не щипал», — Андрей молчал,

с улыбкой глядя на фон Райтенберга. Тот воспринял ее совсем иным образом.

— Я вижу, вы меня тоже узнали, ваша светлость! Да, вы меня крестили, ваш крестик всегда ношу на шее. — Рыцарь продемонстрировал Никитину серебряный крестик, вытащив его за надежный и прочный гайтан. Затем убрал обратно и заговорил быстрее, словно боялся, что его могут остановить, а потому глотая звуки.

— Таким же вас я запомнил много лет тому назад, когда из нашего замка вы отправлялись на Каталаунские поля! Потому скажу сразу честно и прямо — я получил благословение своего немощного отца, чтобы отдать старый долг за него! За неделю добрался сюда, чуть ли не загнав по пути своих лошадей. Нет, нет, ваша светлость — какой-либо поединок между нами невозможен, — сразиться против крестного, значит, совершить грех отцеубийства. Лучше убейте меня, если считаете моего отца виновным! — С каждым произнесенным словом молодой рыцарь распалялся все больше и больше. Лицо покраснелось, а глаза горели.

«Блин горелый! Везет же мне на кровников! Еще один со старыми счетами прибыл, как пан кастелян с переломанной ногой. А я, грешный, даже не знаю, в чем перед ними настоящий командор провинился. Ну, фон Верт, ну щучий сын, да сколько же я буду по твоим долгам платить?! Надоело уже», — с той же застывшей на лице улыбкой взирал Никитин на все еще преклонявшего перед ним колена рыцаря.

— Не знаю, смогу ли я принять у тебя присягу ордену Святого Креста, сын мой, коли ты говоришь такие слова его последнему «хранителю» и главе прямо в глаза!

Отец Павел сделал шаг вперед, прекратив быть безучастным свидетелем сцены. Рыцарь тут же повернул к нему лицо, на глазах выступили слезы.

— Прости великодушно, святой отец. Мой батюшка, барон Густав фон Райтенберг, и граф Андреас фон Верт, — Зигмунд поклонился Андрею, — тогда еще не надели орденские плащи. Это давно прошедшие дела, о которых знают только наши родные.

— Но не так, чтобы угрожать духовному лицу?! Граф Андреас фон Верт отсутствует уже тридцать лет. А ныне есть командор и глава ордена крестоносцев, его светлость брат Андреас, или брат Анджей, как принято иной раз произносить это имя.

— О нет, святой отец! Даже в мыслях такого не было — угрожать своему крестному отцу?! Тут совсем иное! Дела семейные! Я знаю, что перед присягой нам всем предстоит стоять ночь на бдении в церкви. Я исповедуюсь тебе, святой отец, и ты сразу поймешь и не осудишь мою некоторую горячность. Но она связана совсем с иным...

— Хорошо, сын мой, — кротким голосом остановил фон Райтенберга старый священник. И подняв руку, величаво благословил обоих молодых рыцарей и знаком велел подняться с колена. Посмотрел на них с отческим выражением и негромко спросил: — Все ли ваши воины согласились добровольно вступить в орден Святого Креста? Не поступил ли кто так, не по велению веры и чистого сердца, а только по выполнению долга перед вами, своими господами, и данной вам ими присяги. Так ли это, благородные рыцари?

— Да, так, совершенно верно, — хором отозвались оба молодых человека, и чех виновато добавил, разведя руки: — Одного своего мечника я освободил от данной мне вассальной присяги. Ему предстоит вскоре жениться, а ждать двенадцать лет невесты из простолюдинок не будут...

— А у вас, рыцари, нет ли у самих невест? Не обещали ли вы кому сами обручения или женитьбы? Не имеете ли вы, может, иных долгов, духовных али материальных?

— Нет, святой отец!

Дружное рывканье молодых и зычных голосов было отцу Павлу ответом. У простых ратников ордена такого никогда не спрашивали, да и у оруженосцев тоже — только полноправные «братья» обязаны были блюсти свою честь в celibate. Впрочем, отнюдь не

строгом, а так, с некоторыми, и весьма значительными, послаблениями.

«Лишь только одни орденские священники да магистры, как выяснилось, его обязаны строго соблюдать», — с огорчением подумал Андрей и непроизвольно скривился. Каждую ночь глава и единственный «хранитель» испытывал невероятные мучения.

Искушения, прямо как у святого Антония, начались — ему чуть ли не каждую ночь снились прекрасные нагие женщины и девушки, знакомые и незнакомые, что обещали дать ему отведать наслаждение во всех видах. И тут же от слов переходили к делу...

Но, просыпаясь утром в каменной каморке в холодном поту, он видел не положившую ему на плечо прелестную девичью головку, а бесстрастное лицо одного из своих постоянных телохранителей, что неподвижно и без сна сидели всю долгую ночь на лавке у противоположной стены с обнаженным мечом на коленях. Старые орденцы Арни, Иржи и Грумуж несли свою вахту поочередно, охраняя командора и бдя его, аки церберы...

У тяжело нагруженных возов, что привел посланник папского нунция, царило оживление — караванщик, судя по его командному рыку, всячески понукал усталых обозников с унылыми рожами вычистить от пыли лошадей и, кроме того, начинать сгружать у крепостных стен на подстеленные дерюги привезенное добро.

Внутри замка никого не пропустили — там был слишком мал двор, чтобы вместить весь пришедший сюда обоз. А потому после разгрузки повозки отгонят к селу, где распределят по дворам — обычная практика.

Да и нечего всяким посторонним изнутри укрепления рассматривать. Так и на вражеского соглядатая нарваться можно. А так все просто и без обид — крыша у вас над головой будет, а замок, вот он, смотрите на стены и любуйтесь, но только снаружи. Тут вы гости незваные!

Дабы взять процесс под свой контроль, хотя оруженосец Болеслав, вот уже пять с лишним лет бывший комендантом замка, дело знал хорошо, Андрей медленно пошел к возам, сопровождаемый с двух сторон, стиснутый плечами Иржи и Арни.

Обозники разом замерли, торговец засуетился еще резвее, ожидая скорый подход начальства и подчеркнуто показывая тому свое рвение. Однако эта суетливость была слишком наигранной — да и лицом прибывший караван-баши не походил на холуя. Те такой независимый вид не имеют. И знакомый, тут Андрей мог поклясться в чем угодно — где-то ему уже приходилось видеть этого купца, и он тут вспомнил трактир, где они с Велемиром так славно провели время.

Но стоило вспомнить миленькую служанку Ядвижку с которой у него была там небольшая дорожная интрижка, и тут же командор поневоле загрустил. Как-то ненормально здоровому мужику, у которого гормоны играют, вот так поневоле «поститься».

— Ба, знакомые все лица! — удивленно воскликнул Андрей, узнав Ноймана, «распекавшего» за какое-то упущение возниц. Купец, и в том полностью уверился сейчас Никитин, был самый натуральный папский соглядатай, словно имел вторую пару глаз на затылке. Он живенько так повернулся и, расплывшись в улыбке, склонился в поклоне.

— Рад видеть вашу светлость в добром здравии. Я искренне обращался к Всевышнему, чтобы...

— Твоими молитвами, — буркнул в ответ Андрей, прерывая славословия. — Показывай, что нам привез!

— Королевский наместник Иван Грабек — давний друг ордена, — торговец выдал добрый подзатыльник вознице, и тот шустро стал снимать с воза запыленную дерюгу, что скрывала под собой привезенное оружие. — Здесь кольчуги для ваших воинов. Малость потрепанные, но еще ничего себе. Новые дорого стоят, да и не было их у наместника. На тех двух повозках обычные воинские куртки для ратников с железными пластинами, что стрелу или удар мечом выдержат. Эти новые...

Андрей с Болеславом, отслужившим в ордене два срока и перешедшим на третий, что само по себе о многом говорило, подошли поближе и наклонились, рассматривая содержимое воза — оно того стоило. И тщательно перебрали руками тяжелые свертки из переплетенных колец.

Пусть далеко не новые достались им железные рубахи, на всех были видны кое-как заштопанные проволокой прорехи, оставшиеся от ударов копий и стрел. Но их было много, слишком много для немногочисленных белогорских крестоносцев.

— Зер гут! — только и выдавил из себя Андрей, сглотнув комок в горле и оторопело оглядывая привезенное богатство.

Да, если их и гнали в Словакию на убой, то, по крайней мере, снаряжают так качественно, что убить крестonosца будет трудновато. Кольчуга с прикрепленными пластинами и большим нагрудником — надежная защита, намного лучше кожаного доспеха, в который облачают здесь простых ратников. Двойную броню даже арбалетный болт не пробивает, если только его не выпускают с полсотни шагов, а дальше.

— Хватит всех «красных» и «синих» облачить, — тихо сказал Болеслав. — И несколько кольчуг про запас останется.

— Всех?! Тут от силы три десятка.

— Только конных я имел в виду, ваша светлость, — пояснил оруженосец и добавил с каким-то недоумением в голосе: — Пешему арбалетчику тяжело в таком облачении драться.

— Зато под ответным обстрелом устоят, — парировал Андрей и вопросительно посмотрел на Ноймана, как бы говоря тому: «Что там у тебя еще в заглашнике?» Тот взгляд понял правильно.

— Тут арбалеты и болты к ним, ваша светлость!

Андрей радостно заглянул в набитое добром нутро и испытал разочарование. Всего полдюжины железных рукотворных механизмов да несколько вязанок болтов — все остальное пространство занимали перевернутые глубокие «суповые миски» с прикрепленной кольчужной сеткой — бармицей.

Весьма дешевое защитное приспособление для головы, как и кожаная куртка для тела. Хотя на дне повозки нашелся и десяток вытянутых шлемов с острием — такие здесь носили профессиональные воины, подобный Андрей взял трофеем у кастеляна.

— Первую сотню лучников полностью облачим, — у Болеслава заиграли огоньки в глазах, — да и половину второй сотни. Луков только нет. И стрел к ним тоже.

— Пока нет! — отрезал Андрей.

Мастера все тисовые заготовки переработали в отличные луки. Довольно дешево взяли — всего по пятку грошей. Теперь свободные от работ селяне, а таких было много, и масса ребятишек занимались резкой подходящих для стрел прутьев — запасы заготовок были уже полностью израсходованы, и пришлось переходить к паллиативу, потому что осень не самое удобное для того время года.

— Но Заволя будет, обязательно прибудет на днях! — уверенно произнес Андрей. Он рассчитывал на алчность торговца — выигрыш даже шести дней сулил тому три злотых премии. Редчайшие крестьянские дворы, что усадьбами впору называть, могли платить пану в год столько же.

А тут дополнительное поощрение спешки, которая и сама была нужна купцу. Здешние торговцы хорошо знали ту современную аксиому, что деньги — время. И если не успеешь ты, то найдется другой, более предприимчивый и расторопный. Оружейный бизнес во все времена был самой жестокой аренной конкурентной борьбы.

— Здесь у нас, ваша светлость, разное оружие, дешевое, но нужное, и его много. Как раз для орденовских лучников пойдет. — Купец непроизвольно посмотрел на поле, где пообтесавшиеся на почти месячной службе новобранцы с увлечением метали стрелы в мишени.

Выходило у многих парней очень даже прилично — так ведь в Белогорье сызмальства приручали из луков дичь по лесам бить: добрая треть населения охотой пропитание добывали — пашенной земли не так уж и много.

Сады и огороды в усадьбах обширные, виноградники на теплом склоне невысокой горы, с известковой стенкой — отсюда и название села, по этим белым, видным издали скалам. Они другую треть населения села кормили раньше — известь полсела жгла, да возами гнали в Плонск и Краков, неплохой доход получая, пока паны Сартский с Завойским блокаду не

установили, надеясь измором взять свободолюбивых крестьян.

Да еще не очень обширные пашни, пастбища и сенокосы — кожевенным делом и ремеслами местные крестьяне очень даже славились, и на том последняя треть селян пропитание имела.

Хотя с изделиями тех же плонских, не говоря о краковских, мастеров с местными совсем не сравнить. Все же город есть город, и тамошний люд только работой своею кормится, уже начало профессионального разделения труда — первые артели и цеха мастеровых появляются.

— Зато «госзаказ» многих обеспечил, и с него десятину мне выплатят, — пробурчал довольным котом Андрей, разглядывая привезенное оружие.

Дешевенькое, но местные кузнецы такого не ковали, железа мало, все привозное. Мечишки худые, зато секиры хорошие, кинжалы тоже неплохие, боевые топоры есть, только на длинные топорщица насадить нужно.

— На шестом возу железо для кузниц, — тихо сказал купец, а Никитин на него задумчиво посмотрел. Как ни крути, но кто-то очень знающий о нуждах ордена мог такой обоз подготовить. И потратиться щедро — двести злотых так дать, и еще на столько же всякого добра.

Купец взгляд выдержал, стойко и прямо. Слишком честно, чтобы в это можно было поверить. Знал хорошо Нойман положение дел, хоть с дальней поездки вернулся. Нет, не купец он, а тайный соглядатай. Недаром и обоз поведет в Словакию, тут к бабке не ходи гадать — тертый мужик, в семи кипятках вываренный, в соли вывалянный.

— В седьмом возу пять боевых попон с конскими личинами, — тихо произнес купец и показал на воз, что охранялся скупающим воином в полном боевом облачении. И добавил еще тише:

— Там еще два мешка серебра на сто злотых в каждом. И одно мне нужно вам поведать от себя: плонские горожане просят орден не забывать их и доставлять в город известь. Ведь взять ее негде. И просят принять в дар от них пятьдесят золотых. Арабскими динарами...

Купец засунул руку за пазуху и извлек маленький кожаный мешочек на коротком шнурке. Тот тихо, но впечатляюще звякнул — весомый вклад. Фарт, как говорится, попер. За день получил от доброхотов чуть ли не на полтысячи злотых деньгами и всяким добром. Вот только собственную жизнь ему в заклад проставить пришлось. Но то будет понятно любому, даже последнему идиоту — бесплатный и вкусный сыр только в мышеловках...

— Ваша светлость! Вам послание от пана Сартского. Нарочный доставил на нашу заставу и вручил его брату Стефану.

Запыхавшийся отец Павел держал в руках свиток, перетянутый шнурком с печатью. Нойман понятливо наклонил голову и направился к своим возницам. Быстро так пошел, словно не имел ни малейшего интереса узнать содержимое послания.

В другое время Андрей бы и не заметил, но сейчас сделал в памяти зарубку: «Ох, и не прост купец, как пытается казаться!»

— Пан Сартский соизволит прибыть сюда через две недели, чтобы в личной встрече принести извинения и...

— Наметить перспективы дальнейшего взаимодействия. А заодно прибудет и его подручный, пан Завойский, дабы принести извинения по поводу инцидента в Притуле и соответствующие дары, чтобы между нами царили добрососедские отношения, мир и согласие.

— Цветасто ты говоришь, ваша светлость! — восхитился отец Павел и не удержался, поддел: — Заковыристо. Тебе бы это послание написать, да только латынью не владеешь, неуч. Учю я тебя, учу — результата пока не вижу.

— Не все так худо, определенные подвижки произошли. По крайней мере, читаю быстро. И

молитвы заучил...

— Только не ведаешь, о чем там речь идет! Ну да ладно. Зато отговорка есть перед нунцием, что чуточку припозднимся с выходом.

— Дней пять выиграем?

— Неделью, а то и больше. Тебе же с паном Сартским разговоры два дня вести надо, не меньше. Пир совместный опять же.

— И охота. Как полагается!

— То для мирян. А ты лицо духовное сейчас, майор целый и даже целибат соблюдаешь!

— Шел бы ты сейчас подальше от меня, отче. А то не посматривай, что ты годами меня старше, да как врежу тебе за ту подставу с благословением! Как духовное лицо духовному! Ибо если я аббат этого прихода, то ты у меня келарь. Не мог прямо мне подсказать, что говорить: «Мол, грешен я! Братья, встаньте!» А ты, щучий сын!

Андрей задохнулся от негодования. Но, увидев нарочитую смиренность отца Павла, что хитро ухмылялся в бороду, сдержал порыв и, не выдержав, прыснул, а потом громко рассмеялся.

— А ты устав блюди, брат-командор! А для того читай почаще!

— Не подкалывай! Я ж там даже буквы разобрать не могу.

— Зато сейчас я тебе другую новость скажу не менее приятную. Дабы тяжесть с твоей души снять.

— Это какую?

— Сюда купец Заволя жалуется. Сильно торопится, часа через три прибудет. На трех возах. Все привез, и даже больше того. Хвалится, что на триста верст в округе ни одного тисового бруска найти невозможно. Теперь только до следующего года ждать нужно — без охотничьих луков ты всю округу оставил, брат-командор. И еще с тремя лишними злотыми придется расстаться, ведь успел, стервец! — Однако на последнем слове в голосе старого рыцаря не было осуждения, а лишь одно восхищение.

— Еще половинку добавить придется и семь десятков сверху. Так что держи, ты у нас келарь, — Андрей бросил кошелек с арабским золотом неожиданно, прямо в лицо, надеясь поймать священника врасплох. Но старик проявил изумительную реакцию, поймав его двумя пальцами.

— Серебро на две сотни в повозке, заberi в казну, раз ею сам и ведаешь. Да, вот еще — к встрече этих панов надо хорошо подготовиться, вина купить, что ли, а то нехорошо их кислятиной потчевать. Хотя бы я их сталью накормил досыта! — Андрей зло сплюнул под ноги.

— Чую одним местом, что неспроста эти вороны, падальщики местные, сюда прилететь хотят!

— Все же он не оставит нас в покое, хоть и всячески демонстрировал свое миролюбие.

Отец Павел, не в обычной для него сутане, а в прекрасном рыцарском доспехе с золотой насечкой, чуть отставив в сторону искаленную ногу, сидел на прогретом осенними лучами солнца большом камне.

Старый крестоносец, отправившись в этот самоубийственный поход, словно скинул со своих плеч четверть века — настолько он преобразился и стал энергичным, прямо какой-то перпетуум-мобиле с седой бородой.

— Но я ему простил если не все, то многое — за цепь гроссмейстера, что поляк вернул нам.

— Ты поверил в эту лабуду о раскаявшемся мародере? Что на исповеди месяц назад покаялся и отдал своему пану эту реликвию, которую хранил у себя с Каталаунского поля?

Андрей коснулся ладонью висящей у него на груди тяжелой цепи с эмалированными медальонами, с большим белым крестом с раздвоенными лучами. Очень похожий на мальтийский крест, который он разглядывал на иллюстрации в одной из книг. А цепь сильно походила на ту, которую вздевают на президента современной России или даровали к ордену святого Андрея Первозванного в бывшей империи.

— Нет, конечно. Главное, что он ее нам вернул. И хорошо получилось, хотя и нечаянно сложилось — и праздник организовали, и турнир, и посвящение моего Болеслава — он давно заслужил золотые шпоры.

— Случайно?! — весело хмыкнул Андрей. — Как Сартский со своей свитой приехал, я первым делом число рыцарей подсчитал, чтоб правило соблюсти — ровно двенадцать и набралось — пять у нас, семь у них. А в уставе нет твердого правила, что все рыцари должны принадлежать к ордену. А если нет четкого правила, то нет и запрета.

— Мы не могли отойти от традиций, а ты это легко сделал и устав не нарушил. И главную регалию заполучил, — отец Павел благоговейно покосился на гроссмейстерскую цепь на груди Андрея, — мы за нее арабам десять тысяч золотых предлагали, всю орденскую казну тогда, но получили ответ, что ее у них нет. Не поверили, и зря...

— Зато пан Сартский вернул на «стрелке». И доспех отличный подарил — прямо по тебе сделан. Да и сама любезность этот пан — почти на все предложенное согласился, но на наших лучников все время краем глаза косился. — Андрей прищурился, разглядывая горы вдаль. — Я думаю, они произвели на него определенное впечатление!

— Произвели! — Отец Павел пожал плечами. — Кому из рыцарей такое понравится?! Недаром сто лет назад во всех христианских землях длинный лук запретили использовать.

— Запретили? — Сказанное стариком сильно шокировало Андрея, и он не сдержал раздражения. — Так почему ты ваньку мне валял? Почему сразу не сказал про этот тис? Дурака из меня хотел сделать?!

— Не горячись ты напрасно. — Андрей поймал укоризненный взор, но в раздражении все равно отвернулся.

— Об этом луке здесь многие уже подзабыли, лишь старики вроде меня помнят. Он страшен только для рыцарей, но не для мусульман. Те имеют составные луки, клеенные из особых пород дерева, рога и кости. И натягивают их не пальцами, а кольцом или браслетом — больно тугие. Но бьют на семьсот шагов уверенно, против трехсот у тиса. А потому наших лучников они тогда сразу повыбивали и сейчас перестреляют быстро. Но только в чистом поле. А в горах такого не будет.

— Почему ты мне не сказал раньше? — Андрей обиделся на старика, надулся. Тот заметил

это и хмыкнул.

— Потому после поражений от арабов длинные луки попали под запрет. Они непригодны оказались. Но главная причина в том, что селяне с таких луков выбивали рыцарей, — вот и запретили. И правильно сделали.

— Почему же ты мне разрешил их снова ввести в употребление? — гнев схлынул, осталось удивление.

— А потому, что ты всех в орденские плащи одел, пусть и серые. Но выбор цвета — твое право. А воинам ордена можно иметь любое оружие, вот почему паны и промолчали. Хотя недовольны — я их хорошо понимаю. Если все белогорцы будут вооружены именно такими луками, то нападение становится бессмысленной гибелью рыцарей и ратников.

— Но все же обидно...

— И что ж? Зато я убедился, что ты можешь принимать самостоятельные решения и твердо проводишь их в жизнь. Даже сейчас ты приказал составить повозки в вагенбург, хотя на нас тут некому нападать. И десяток «синих» направил к перевалу, дабы занять его заблаговременно.

— В походе с первых минут надо перевести бойцов на боевой режим. И расхлябанность пресекать, ибо первое внезапное нападение врага может для нас окончиться разгромом. Про уставы ведь не зря говорят, что они кровью писаны. А за отсутствие разведки и боевого охранения можно дорого расплатиться, тому масса примеров.

— Ты находишься на своем месте, брат-командор, так что командуй нами по освященному праву. И я рад — вот уже десять лет я не ходил походом с отрядом орденцев в две сотни.

— И не пойдешь! — Андрей, сварливо скривившись, хоть и мелочно, но отомстил старику за проверку с луками.

— Ты меня хочешь обратно в Белогорье отправить? И не видел, что я клятву дал на кресте? Что ж тогда не остановил?! — тихо спросил отец Павел, но таким тоном, что Андрею стало ясно, что тот все равно не выполнит этот приказ, даже если он будет отдан.

— Я имел в виду иное, — Никитин усмехнулся и посмотрел вдаль — дорога, по которой они забрались с огромным обозом на это небольшое горное поле, петляла вниз. И по ней быстро двигалось красное пятнышко.

— Ты ждешь гонца от брата Болеслава? — Старик, как и большинство людей его довольно серьезного возраста, с годами стал худо видеть вблизи, но вот дальше намного лучше.

— Да, с вестью о том, что упертый брат Франциск наконец убрался к своему дражайшему нунцию в Бяло Гуру. И если я не ошибаюсь, то его с почетом выпроводили на тракт. Теперь этот согладатай уже не вернется в наш замок. А это хорошо, просто замечательно!

— Хорошо?

— Еще как! Но подождем еще полчаса.

— Для чего?

— Чтобы в том окончательно убедиться, — усмехнулся Андрей, но священник на него смотрел слишком серьезно и задумчиво.

— Почему ты мне мало говоришь о своих планах, брат-командор?

— Ты же сам сказал, что я могу и способен принимать самостоятельные решения. А что касается секретности, то в мое время один умный человек сказал — что знают двое, знает и свинья.

— Мудрый он, не умный. Только слишком поздно дошел до этой истины, иначе бы сказал ее иначе.

— А как? — Андрей заинтересовался, вскинув взгляд на старика. Но тот по обыкновению промолчал, пожав плечами. Отец Павел любил задавать вопросы, но не очень охотно на них сам отвечал. Вот и сейчас спросил вместо того, соблюдая свою излюбленную манеру:

— Что ты задумал?

— А то, что «копья» Зарембы и Навотны с десятком «синих» немедленно вернутся обратно в замок.

— Ты сошел с ума, брат! Уполовинить наш и так небольшой отряд, когда неизвестно что может быть за перевалом.

— Я просто избавляюсь от напрасных потерь, брат Любомир. Ты ведь в горах воевал?

— Приходилось, — без запальчивости, с уже проявившимся осторожным интересом ответил старый рыцарь.

— Представь себе, и мне тоже доводилось. И вывод однозначен — использовать там бронетехнику — дело весьма... А рыцарь... Вернее, его «копье» и есть танк. Мощный, страшный удар накоротке позволяет растоптать любую пехоту в чистом поле. Посмотрел я на турнире, какие сшибки были — пусть и вхолостую, но страшно до жути представить, если такие навалятся. Но вот скажи одно — смогут ли рыцари опрокинуть наших лучников сейчас, когда те за телегами укрылись?

— Зачем ты спрашиваешь вещи, понятные и юнцу?

— А затем, что в горах рыцарю воевать не стоит! Из засад да со склонов запросто перебьют! Или ты думаешь, что встанут на дороге, чтобы нам их легче топтать было?

Вопрос был чисто риторическим — отец Павел только засопел. Никитин же попытался окончательно развеять его сомнения:

— В чистом поле даже «синие» наши «копья» расстреляют, а мы им ничего не сделаем, ибо удирать будут, а догнать их невозможно. В горах другое дело — на узкой дороге два десятка тяжеловооруженных всадников сотню легких сметут и не заметят. Проблема только в том, что в горах даже легкая конница сотнями не рыщет. А значит, два «копья» нам совершенно достаточно. И десятка «синих» для разведки. А сотня лучников — наша главная сила: горы не поле, арабские луки уравниются с нашими, дальность-то не нужна. И посмотрим, как война пойдет.

— Ты меня смутил, брат. Ты хочешь сказать, что сотня вчерашних мужиков, многие из которых лук в руки взяли месяц назад, стоят рыцарей, что с детства оружием владеть учатся?!

— У нас воюют по одному критерию, он применим и здесь. «Стоимость и эффективность». Я тут наскоро прикинул — рыцаря готовят с детства — трудоемкий и затратный процесс. На снаряжение одного «копья» требуется две сотни злотых. А вот с эффективностью туго, если не сказать хуже. За те же самые деньги мы легко снарядим полторы сотни лучников, и они изрешетят рыцаря и его воинов еще на подходе.

— Хорошего лучника надо готовить несколько лет, да и то если он потом постоянно стрелять будет, чтобы навыки не растерять.

— Совершенно верное замечание. То мы с тобою уже сделали. Теперь белогорские крестьяне, даже те из них, кто раньше охотой не баловался, начнут стрелять. Не они сами, конечно, но их дети. И через пяток лет к нам на службу будут приходить вполне готовые и обученные стрелки. И длинный лук для них — идеальное оружие.

— Сейчас на три сотни шагов только несколько человек в мишени попадают, остальные промахиваются. А у «синих» все наоборот — с десятка стрел раза два попадут, а то и три.

— Так они на то и «профи». У каждого по несколько лет службы за плечами и десятки злотых, которые они проели, получив вознаграждение. Мы же «серым» не платим! А что касается меткости...

Андрей неожиданно хмыкнул, расплылся в улыбке, громко засмеялся. Старый рыцарь обидчиво пожал плечами.

— Со ста шагов они все попадают! Этого достаточно, чтобы любую конницу опрокинуть. А

та, что все же прорвется, в наши «ежи» уткнется, там ее в упор и добьют. Вы зря пренебрегали таким надежным средством полевой фортификации. И простым — всего три кола в сцепке, а польза неоценимая. А стрелять, я имею в виду точно, на триста шагов не нужно. Надо просто выстрелить на эту дистанцию. У каждого по две тулы, шестьдесят стрел — под таким градом никто не выстоит!

— Доспехи рыцарей не пробьют...

— Зато коней переранят, и те сами седоков сбросят. Попоны не латы — стрелы сверху их пробьют, рано или поздно найдут уязвимое место.

— Так воевать подло. Только арабы нам коней бьют!

— На войне нет ни благородства, ни подлости! На то она и война. Нужно побеждать! Но не любой ценой! Нам лишние потери ни к чему!

Андрей встал с камня и немного прошелся, разминая ноги. Огляделся — в импровизированном лагере кипела жизнь — горели добрых две дюжины костров, в котлах уже шкворчала каша. Выпряженные обозные лошади, надежно спутанные, потихоньку объедали просторный лужок, за которым была брошенная крестьянская усадьба да заросший, уходящий куда-то в сторону, за невысокие горы, тракт.

— Куда эта дорога идет, отец?

— В Запретные земли, куда же еще ей идти! И хутор потому оставлен был в свое время.

— Это плохо! Что оставлен — плохо! Бяло Гуру перенаселена, такую прорву народа там уже не прокормишь. Вот почему мы десятину им скинули, а они вместо двух сотен три выставят вскоре, почти всю молодежь под ружье призовут. Нам лучники сейчас намного важнее, чем деньги. Но они должны быть и пахари, а там такие земли пустуют.

— Ты хочешь сказать...

Старик задохнулся от догадки, настолько она его изумила. Никитин же только усмехнулся и пожал плечами.

— Нужно их брать под свою руку обратно, по крайней мере те селения, что наши раньше были. Что касается мора... Я их прошел — болезни уже нет, и вряд ли будет. Так что время терять нельзя, а то паны расторопнее окажутся — пан Сартский об этом уже намекал.

— Даже так?

— Мимоходом, вскользь, но что-то такое он говорил, не откровенно, конечно. А десятина? Мы ее так и так потеряли бы. Взамен же лучников получили. Но свое возьмем. Я тут покумекал немного — кроме прямых ведь есть косвенные налоги. У нас тракт, а потому будем драть за проезд и пошлину с торговцев. Небольшую для начала. Главное, чтобы торговать начали, а там посмотрим и прикинем, что к чему. А вот и наш гонец, сейчас услышим, что он нам скажет хорошего.

Орденец в запыленном красном плаще подскакал прямо к ним и лихо спрыгнул с лошади, что тяжело водила боками.

— Посланник нунция отбыл в Плонск, ваша светлость! И еще — дозорным «синим» был неким конным слугою передан этот свиток и сказаны слова, о которых вы заранее предупредили десятника: «Слоны идут на юг».

— Это хорошо, — только и сказал Андрей и взял свиток. Развернул, прочитал, наморщив лоб. И передал священнику со словами: — Даже моих куцых знаний латыни вполне достаточно, чтобы понять изложенное человеком, еще хуже меня владеющим этим языком. Почитай, брат!

Отец Павел быстро пробежался взглядом по письму и с нескрываемым уважением посмотрел на Никитина.

— Ты полностью прав, брат-командор, что отправляешь обратно половину наших конных. В Белогорье они нужнее. Но можно ли верить этому человеку? Не обманет ли он?

— Ложь ему боком выйдет, и он это знает! А вот Бяло Гуру потерять мы не имеем права!

— Сотня хирдманов — слишком серьезная угроза, чтобы нам пренебречь этой опасностью.

Встречался я с ними пару раз...

Старый рыцарь скривился и машинально потер рубец, что был почти полностью скрыт бородой.

— Ну, пан Сартский, ну, щучий сын! — Андрей засмеялся, вот только смех его был грустным и неискренним. — Как бы между нашими молодыми рыцарями склоки не вышло — кому с нами идти, а кому обратно в Белогорье возвращаться?!

— Я сам с ними о том поговорю.

— Какая тут убогость! — тихо прошептал Андрей, медленно оглядывая замок. Хотя такое слово совсем не подходило для высившегося перед крестоносцами укрепления.

Обычный частокол из заостренных бревен, крайне небрежно и торопливо сложенная из валунов и раствора невысокая башня. Чуть ниже, в лощине, приютились два десятка крестьянских домов, маленьких и низких, будто половина стены в землю ушла, превратив хижину в полуземлянку. Рядышком разбиты крохотные огороды, по сотке, не больше. И то по доброй половине из них нужно было не ходить, а взбираться, настолько крутой был склон.

— Хлеб мы вовремя привезли, — отец Павел говорил глухо. — Их ждет голодная зима, и не первая. Тут даже собак почти нет.

— И дичи в горах мало, — горестно усмехнулся Андрей. Он полностью вымотался за эти три дня чрезвычайно трудного пути, но не в препятствиях тяжелого, а в той мокрой тягомотине, что постоянно лилась с неба. От кольчуги валил пар, лошади еле волочили за собой тяжелые телеги.

— Вздрогнули, навалились!

Полдюжины лучников в грязных серых плащах на руках выволакивали повозку из ямы, куда она свалилась из-за небрежности возницы с красными, как у кролика, от усталости глазами.

— Лошади совсем из сил выбились, брат-командор! Отдых будет как нельзя для нас кстати. — Отец Павел вытер мокрым рукавом сутаны лицо — и стал похож на нищего из трущобы с потеками грязи на лице.

— Не помешало бы нам помыться, особенно тебе, святой отец, — ухмыльнулся Андрей.

Дав шенкеля, он направил усталого коня в открытые настежь замковые ворота, сколоченные из толстенных дубовых плах. Жеребец, прочувствовав ситуацию и догадавшись, вот умная скотина, что внутри ждет его овес, величаво нырнул под воротную арку — Андрей склонился к гриве, чтобы не зацепить потолочное бревно.

Их давно ждали — трое коней «синих», отправленных сюда с утра, совершенно сухие, накрытые попонами, стояли под навесом и уже лениво жевали сено. Рядом фыркали хозяйские кони, отнюдь не в столь жалком виде, как поначалу представлялось Андрею.

Довольно сытые и круглые лошадки, числом в семь, косили глазами в сторону гостей. Лето, отъелись на траве, а вот зимой будет для них туго — сена вряд ли запасли много, добрых покосов в горах мало. А овса вообще нет, не сеют его здесь.

— Ваша светлость. — Скуластый воин взял коня под узду рукою, единственной, но крепкой.

Своенравный жеребец это прочувствовал сразу и встал как вкопанный, проявив исключительную терпимость, хотя до того замаял Андрея своими пакостными выходками, только по милости своей не сбросив с седла неумелого кавалериста.

— Я кастелян замка — Анджей Рагоза. Барон приказал в каждом доме греть воду и встречать дорогих гостей. Давно ждем... Боже, как давно...

Кадык у воина дернулся, все лицо разом сморщилось, словно он захотел зарыдать, но сдержался. И Андрей мысленно посочувствовал тезде — первый раз за долгие годы к ним пришла помощь.

А ведь нет ничего хуже, как воевать с лютым и многочисленным врагом, постоянно надеяться на помощь, но в глубине души знать, что ее не будет. Он покосился на священника — лицо старика окаменело, а через грязь было видно покрасневшее лицо.

Отцу Павлу было намного хуже, чем ему: стыд одолевал за то человеческое равнодушие, преодолеть которое не смог даже он. И лишь «пинок» нунция из Кракова достиг желаемого — крестоносцы выбрались из Белогорья.

— Болото оно такое, завсегда засасывает, — пробормотал Андрей под нос и спрыгнул с седла, глухо лязгнув навьюченным на него железом доспехов.

Оглядел внутренний двор, примерно такой же, как в Белогорском замке. Тут все было сбито чрезвычайно плотно, имелась даже коптящее небо кузница. И, сопровождаемый кастеляном, направился в башню, что выполняла многие функции — и жилой дом, и житница, и последнее убежище, если враги ворвутся в крепость.

Там его ждали две служанки, худые женщины лет тридцати, с острыми, как у галок, лицами, и тут же отвели в небольшую комнатку, где исходили паром две большие бочки.

Душа Андрея разом возликовала — о таком удовольствии, как принять горячую ванну, он мечтал все эти два месяца, что пребывал в чуждом для него мире. Вошедшие вслед за ним Арни и Грумуж, теперь не только постоянные телохранители, но и его собственные оруженосцы, которым он вручил на турнире серебряные пояса и шпоры, принялись в четыре руки освобождать командора от доспехов.

Разоблачали споро и быстро, со сноровкой и опытом, так что через пару минут Андрей, в костюме Адама до грехопадения, уже орлом восседал в бочке, испытывая неслыханное наслаждение.

— Твою мать, но как хорошо! — только и произнес он с нескрываемым удовольствием — над поверхностью воды выглядывала только голова. Зато все тело, хоть и поджав колени к груди, нежилось в обжигающей воде.

В соседней бочке торчала голова брата Зигмунда — вокруг молодого немца увивались обе служанки в длинных домотканых рубашках, уже мокрых и оттого подчеркивавших особенности фигуры.

Андрей прикрыл глаза — терпеть такого издевательства над собственной природой он не мог, оттого и пыхтел в бочке, как кабан в теплой луже. Арни подлил еще ведро кипятка, и к своему счастью или стыду, командор вскоре избавился от грешных мыслей и, согревшись, даже прикорнул...

— Ваша светлость. — Сильная рука встряхнула его за плечо, а знакомый голос вывел его из полусонного состояния блаженства. После горячего купания оруженосцы переодели его в сухую одежду, извлеченную из мешков, и отвели в покои, любезно предоставленные хозяином.

Андрей только мельком глянул на медвежьи и оленьи шкуры, на развешанное по стенам разнообразное оружие. И, стремясь использовать каждую свободную минуту для отдыха, ибо потом времени может и не быть, завалился на лежанку, в теплый и мягкий мех.

Полчаса сна он выгадал — пока его оруженосцы поочередно отмывались в уже теплой и грязной воде, затем приводил себя в порядок отец Павел, распределявший на постой прибывший отряд крестоносцев. Распихал всех по домам, да еще места с избытком осталось, хозяев не стеснив.

— Барон Лукаш Поборски ждет вместе со своей супругой, сыном и дочерьми вашу светлость!

— Хорошо, Арни, я готов, — Андрей провел пятерней по лицу, стирая остатки сна, а оруженосец уже накинул ему через плечо перевязь чудом обретенного меча. Идти пришлось в соседнюю комнату, чуть большую по размеру, согреваемую растопленным камином.

За узкими окошками, что бойницы собой заменяли, уже стемнело, и зал освещался только языками пламени нескольких коптящих факелов, воткнутых в гнезда на стенах, да каминным зевом.

— Я рад видеть здесь крестоносцев и вас, ваша светлость. — Барон, плечистый мужик лет сорока, неожиданно склонил перед ним голову и опустил на колено.

Преклонили перед ним свои колени и супруга словака, миловидная женщина с уставшим, издерганным лицом с ниточками тонких морщин, две ее дочери, совсем юные отроковицы, что смотрели на него какими-то растерянными глазами, и безусый, чуть пушок вылез над верхней губой, юноша, почти мальчик — обожаемым взглядом пожиравший белый крест, что занимал середину красного командорского плаща.

Андрей на секунду смешался, но припомнил свой новый статус, что навязал ему хитромудрый (на самом деле он мысленно отзывался намного грубее, заменяя производное ума составной частью человеческого тела) старый орденец, брат Любомир. Да потому что будь правильным священником, а не зажатым в угол обстоятельствами крестоносцем, то отец Павел поостерегся бы от такой подлянки.

— Благослови вас Господь, дети мои, добрые христиане, — уже громко и внятно произнес Андрей, перекрестив склонившиеся перед ним головы.

Ему уже не было стыдно, как раньше, и голос не дрожал. Хотя лицедействовать первое время было для него тяжело. Но свою руку он не отдернул, когда семья барона в полном составе к ней приложилась...

— Тяжело стало, ваша светлость, — угрюмо сказал барон, почти ничего не съев за эти полчаса, что они сидели за столом. Зато Зигмунд с оруженосцами уминали за обе щеки, хотя богат был стол только дичиной, во всевозможных ее видах.

Богат больше по названиям, но отнюдь не по количеству. Оленина жареная и копченая, какие-то обжаренные птички на вертелах, похожие на рябчиков, кабанятина на серебряном блюде, какая-то зелень с травками, немного рыбы, вроде бы форель.

Все разложено на блюдах таким тонким слоем, что глаза смотрят на это изобилие с восторгом, а вот желудок протестует и постоянно напоминает, что на всех добра не хватит. Или будет достаточно, чтобы встать из-за стола полуголодным. И через полчаса снова искать, чем бы еще подзаправиться, чтоб насытиться.

— Дичь почти всю повыбили, все труднее и труднее ее добывать. Хлеб в горах не растет, овса тоже нет, огороды выручают, но репы и капуста едва до весны хватит. Хорошо хоть трава уродилась, много сена заготовили. Теперь скотина хоть за зиму не сильно отощает, а то прямо беда...

— Сколько народа под защитой твоей сейчас проживает? — поинтересовался Андрей с сугубо корыстными интересами. Воевать один на один с пограничными польскими панамы ему не улыбалось.

— Три замка, дюжина селений, — тяжело вздохнул барон. — Тысячи две крестьян, может быть, и есть, но не больше. Два рыцаря в вассалах, вместе полсотни воинов под мой флаг ставим. Ну и крестьяне наши — ополчение, от мала до велика — три сотни душ.

— Да, негусто, — произнес Андрей, оторвав ножку от единственного на столе запеченного тетерева. Пожевал жесткое и сухое мясо, пахнувшее желудями или какими-то орехами, и поинтересовался:

— Как угры себя ведут? Часто ли нападают, какими силами? Когда предпочитают?

— Все лето от них еле отбивались. Небольшими отрядами сейчас в горах рыщут, много-то воинов не проведешь, и делать несколько сотням в здешних лесах нечего. Отряды по полсотни конных, редко пешцев. Иногда сотня действует, в прошлом году было такое. Жгут все подряд — разор полнейший творят. Нет, тут гиблое дело, зиму не пережили бы эту, но ты, ваша светлость, вовремя зерно привез. Теперь хоть голодовать не будем.

— Не будете, — согласился с бароном Андрей, — но только этой зимой. А что будет

далее, то только Богу известно...

— И ордену, — тихо произнес словак, лицо которого стало еще более угрюмым, покрывшись сеточкой морщин.

— Что ордену? — удивился, не поняв Никитин.

— А то, ваша светлость, что без поддержки крестоносцев нам всем придется уходить отсюда. Война проиграна, мы, здешние, это давно поняли. Ваш замок у «Трех дубов» тоже обречен, мы с прошлого года не можем отвезти туда продовольствие.

— Но крестоносцы держатся?

— Пока в замке, но их мало осталось. Мои соседи уже ушли в горы, к перевалам, так что помощи они не получают. Да и мы тоже. Если...

— Что если?! — тихо отозвался Андрей, сообразив, что сейчас произнесет барон, положивший на стол свои крепкие, увитые жилами руки.

— Если только орден Святого Креста не возьмет нас под свое покровительство. Или нам всем придется уходить за перевалы, а вы встанете перед необходимостью их защищать.

«Нам бы от панов отбиться, а тут еще перевалы оборонять. Нет уж, это мы вовремя сюда припожаловали. Нунцию надо большой наш данке шен сказать. Если бы не он, то мы бы этих несчастных на произвол судьбы оставили», — Никитин тихо размышлял, сохраняя неподвижным лицо. Хотя все складывалось как нельзя хорошо — просить никого не пришлось, сами предложили.

— Вы желаете стать вассалами ордена?

— Да, — твердо ответил барон и пожал плечами, как бы говоря: «А куда нам деваться?!»

— Ну что ж, завтра вы принесете мне присягу, а значит, и ордену. Соберите ваших рыцарей и воинов. Успеете?

— Успеем, ваша светлость, — чуть ли не прошептал словак, и Никитин его прекрасно понял — он раньше сам себе был господином, но сейчас стал вассалом. Но выбор был сделан расчетливо — лучше ходить под рукою ордена и жить на родине, пусть и в нужде, чем быть подручным польского пана и собирать объедки с его стола.

— Пусть будет так, — произнес Андрей и подумал: «Крепко их тут прижало. Мне также головной боли прибавится, особенно в будущем году. Ведь тысячу-другую народа как-то кормить придется, а где деньги взять? Десятины нет и не будет, а со здешних крестьян и драную шкуру получить проблематично. Ну, нунций, ловко же ты нас всех подставил!»

— Угры! Неполная полусотня дорогу перекрыла!

Подскакавший «синий» осадил своего коня перед командором — глаза дурные, задорные, с плещущейся в них молодецкой отвагой. Такие о драке только мечтают — а тут целый обоз на шее висит. Пусть и осталось всего полсотни телег, но их провести к «Трем дубам» нужно. Надо, и все тут!

— Что они делают? — Вопрос Андрей задал далеко не праздный. Объезда не было, вернее, он имелся, но лет десять как им не пользовались. И что там с дорогой — непонятно: в горах и за один год может сплошное безобразие на прежнем безопасном ранее маршруте появиться. То обвал, то оползень — да мало ли что. Не то что грунтовку, современные бетонированные шоссе сносит без остатка...

— Стоянку разбили, коней стреножили, кашу варят, — тут же отозвался воин, глаза его заблестели еще ярче.

— Охранение выставили? Какое? Где?

— По паре дозорных на дороге, с той и другой стороны. На склонах постов не выставили. Ведут себя беспечно. Коней по склону выпасают.

— Атакуем «копьями»?! — Отец Павел подался вперед, глаза его вспыхнули огнем, как у юноши.

— Ты на дорогу глянь. Грязюка! Коням ноги переломаем, пока до врага доскачем. Да и какой рысью ты пойдешь? Только шагом, а кони наши и так уже притомились. А если уйдет кто? А?

Старый рыцарь вздохнул, но ничего не сказал в ответ. Да и что говорить-то, если командор прав. Стоит кому-то из угров ускакать, обоз дальше уже не проведешь — и суток не пройдет, как его догонят.

— Здесь нужно действовать иначе. — Андрей всмотрелся в дальний склон пологой горы, словно пытаясь увидеть за высоким лесом лагерь незнакомого пока для него врага. Понятное дело, что ничего он так и не увидел, зато решение принял.

— Первая полусотня лучников обойдет горушку и перекроет дорогу уграм назад. Вторая полусотня после полуночи расстреляет спящих — пламя костров и луна, — Андрей машинально посмотрел на небо — сегодня был на редкость удачный день. Дождь прекратился, свинцовые тучи ушли на юг, гонимые ветром. — И луна, она нынче полная, туч нет, так что подсветит. Пойду сам и возьму свой «личный десяток». Дозорных снимем тихо, отсечем угров от коней, и... Лучники их в упор перестреляют.

— Хочешь с этими уграми попробовать по «своим» правилам воевать? Как «раньше» с магометанами ратился? — с завуалированным намеком спросил старый рыцарь. — Парни-то твои смогут?

— Думаю, что смогут, — твердо ответил Андрей.

За эти почти два месяца он выпестовал свою молодежь в нормальный «спецназ», со скидкой на местные обстоятельства, конечно. Неокрепшие худые парни — Велемир, Чеслав, Досталек и другие, отъелись за это время и с помощью интенсивных тренировок нарастили себе на костях мяса, превратившись в нормальных, жилистых и мускулистых воинов. Не мужики, но и уже не вьюноши.

В здешних краях об инфантильности и слыхом не слыхивали. Уже в семь лет детишки вовсю помогали родителям, в двенадцать сами пахали, а в шестнадцать семьями обзаводились и от венца отнюдь не бегали. Андрей их по современной привычке продолжал считать парнями,

хотя они «дедам» из его времени могли сто очков вперед дать. А уж выносливость была такая, что мама не горюй. Настоящие спецназовцы!

Хотя спецназ — он разный бывает: кто-то самолеты штурмует, кто по джунглям ползает, а кто-то эков на зоне палками резиновыми дубасит. Понятно, и разница есть немалая в подготовке, но базовые навыки, «рукопашку» хорошо везде ставят, жестко. Так и тут Андрей со своими молодыми орденцами занимался с поправкой на местные условия и уровень военно-технического оснащения. И менталитет, что совсем иной...

— Готовы оба, ваша светлость. — Тихий шепот Прокопа раздался прямо в ухо, и Андрей ощущал горячее дыхание парня. И тут же послышалось вдалеке уханье филина — почему-то эти птицы водились здесь в большом числе.

Вот только этот был ненастоящий, то Арни давал ему знать, что и второго дозора на той стороне уже нет в живых. Старый орденец, его верный оруженосец и телохранитель, прошел такую же подготовку, как и молодежь.

Хотя, положив руку на сердце, Андрей считал, что выручивший его в трактире «служитель» — головорез еще тот, ученого учить, только портить, А потому назначил его командиром первого десятка орденского «спецназа».

Не успел он подумать, что нужно Арни и начинать, как тут же захлопали тетивы луков и защелкали арбалеты. На безмятежно спящих и ничего не подозревающих угров обрушился град стрел и болтов. И началось...

Дикие крики, хрипы умирающих, ржанье лошадей — ночная тишина взорвалась, и лишь бесстрастная луна молчаливо взирала с небес на кровавое пиршество.

Сотня белогорских лучников и два десятка арбалетчиков устроили самую настоящую бойню, и через несколько минут все было кончено. Лишь легкие тени ангелами смерти мягко скользили на месте бывшего бивака, и, по хрипам умирающих, по тому, как они резко обрывались, Андрей понял, что началась «зачистка».

— Перебиты все, брат-командор, — из темноты вынырнул Арни. — Не зря вы учили лучников стрелять в темноте.

— Сколько их было?

— Сорок пять, никто не ушел! — В голосе оруженосца послышались горделивые нотки, и это взъерзило Андрея.

— Живым нужно хоть одного брать! «Язык» нужен, а не трупы. Ты это понимаешь, брат Арни?!

— Да, ваша светлость! А потому парни взяли десятника угров!

— Молодцом они! — только и выдохнул Андрей. — «Выпотрошите» его сейчас же! Выбейте все! Не нравится мне, тревожит что-то...

— Так мы же их всех без потерь перебили, даже раненых у нас нет!

— Вот то-то и оно! Это не война, Арни, это непонятные «поддавки». Отправить на тракт неполную полусотню каких-то олухов в разведку? Судя по всему, это абсолютно необученные новобранцы с идиотом командиром во главе и придурками десятниками. Не может же быть, что угры настолько стали беспечны! Уверовали в полную и окончательную победу, зная, что в здешних горах несколько тысяч обозленных словаков, которые будут не только отчаянно защищать свои семьи, но и мстить врагу.

Вопросов у Андрея было много, а ответы на них можно было получить чуть позднее, перед рассветом, до которого оставалось еще несколько часов, которые можно было провести с большой пользой.

После такой ночи всегда требуется поспать несколько часов, дабы с утра быть в силах и с ясной головой. А потому он думал недолго — дошел быстрым шагом до обоза, пару раз

споткнувшись и смачно выругавшись, отдал пару распоряжений, улегся на повозку, накрывшись попоной с головой, и сразу же уснул...

— Ты знаешь, брат-командор, поначалу я твои нововведения не принимал всерьез!

Отец Павел, казалось, не обращал ни малейшего внимания на моросящий дождь, хотя Андрей постоянно пытался сдерживать гримасу неудовольствия. Не очень приятно ощущать себя в консервной банке, наполненной до краев водой.

Он уже не сомневался, что на нем не осталось ни единого кусочка ткани, которая еще бы оставалась сухой. А вот тяжести в теле прибавилось изрядно — толстый войлочный поддоспешник намок и теперь, судя по гудящим плечам, весил добрый пуд, если не больше.

Крепенькая лошадь покорно плелась шагом, фыркая и тряся ушами, с восточным фатализмом неся на себе тяжелую ношу. Следом за ним Грумуж вел в поводу довольного, по наглой конской морде это было хорошо видно, боевого жеребца, облаченного в попоны, усиленную кольчугой с железной личиной и нагрудником, прикрывавшим широкую конскую грудь.

В таком тяжелом оснащении даже с тисового лука коня не остановишь, если только в упор не стрелять — но у кого из стрелков в такой ситуации нервы выдержат, когда на тебя идут бронированные всадники, выставив длинные копья с острыми жалами. Несутся, как лавина, быстро, очень быстро — на версте галопом от легковооруженных всадников почти не отстают.

Весь секрет был в том — Андрея это крайне изумило, — что до атаки никто из рыцарей на боевых коней не садится, дабы напрасно не изнурить их, не обессилить. Но верста — это предел — потом все, хана. Не всякий конь на своей спине добрый десяток пудов железа и человеческого тела вывезет быстрым аллюром.

— Но теперь вижу пользу великую. То же «копье» взять — число тяжеловооруженных ты в нем вдвое увеличил, лучников выведя. И стало лучше, намного лучше — теперь удар будет страшнее.

— А что остается делать, как приспособливаться к обстановке, отче? Рыцарь и оруженосец, даже если их рядом поставить, других воинов и их коней от стрел не прикроют. Потому что тех восемь, а то и десяток. Зато четверо, у кого кони в кольчужных пополах, запросто защитят собой шестерых. Я это из рыцарского построения усвоил, что у нас «свиньей» называлось, а здесь «кабаньей мордой». А такой колун нет нужды еще шипами усиливать, лучниками то есть. Он сам по себе страшен!

— Хм. Ты ж его атаку в бою не видел!

— Глаза есть, да и занимаюсь я с вами рядом. По крайней мере, в строю крепко держусь и копье не роняю.

— Молодцом, брат-командор. Ты живо научился...

— Не хвали, не нуждаюсь...

Андрей машинально дернул поводья, останавливая коня. Из-за поворота горного тракта, порядком размякшего под дождем, на галопе вынесся «синий» и сразу устремился к ним.

— Шо, опять? — Голосом волка из любимого мультфильма спросил Андрей, чувствуя, что сложились на этот раз обстоятельства скверно. В животе сразу засвербело, словно он — худой солдат, у которого, как всем известно, перед боем всегда понос.

— Угры! Сотня! Наших догоняют! Через три лучины будут здесь! — в несколько приемов, срывая голос, прокричал давешний всадник — именно его десятник использовал гонцом — самый резвый, наверное.

— За поворотом что? С дорогой?

— Почти прямая, с полверсты будет. Потом петляет. Скалы подступают. Сейчас там наши уходят...

— Понятно. Стройся «кабаном»! Лучники, вперед! Бегом! Занять позиции по склону. За деревьями! По уграм не стрелять, ждать, пока рыцари вперед не пойдут!

Андрей спрыгнул с седла — теперь, после почти двух месяцев постоянной носки железа на теле, он чувствовал себя с ним привычно и почти не уставал от нешуточной тяжести. И сам вскочил, пусть и в два приема, в седло подведенного жеребца. Конь уже чувствовал предстоящую драку и рвался в нее — скалил зубы и злобно фыркал.

Строились быстро — первую шеренгу составило руководство ордена — сам он с Любомиром, прикрывшись щитами и выставив длинные копья, закрепив их в руке.

Во второй шеренге ошетинились копьями трое оруженосцев с Райтенбергом. По краям третьей закрепились еще два оруженосца на покрытых попонами конях, а середку заполнили мечники. Четвертая и пятая уже сплошь состояли из последних.

По заросшим высокими деревьями и густыми кустами склонам, еще не сбросившими на землю пожелтевшую листву, мелькали стрелки, натягивая на тисовые луки тетивы.

Занимали позиции быстро, сказала и выучка, и приобретенный в походе опыт — раза три им уже устраивали учения на подобную ситуацию. Теперь оставалось только ждать, причем недолго...

Из-за поворота стали выскакивать «синие», один за другим, гуськом, на взмыленных конях. В прорезь шлема Андрей хорошо их видел и медленно посчитал — к его удивлению, все девять всадников оказались целы.

Разведчики по одному проскочили мимо подготовившегося к атаке «кабана» и принялись занимать места сзади, готовя луки и вынимая из тул стрелы.

— Хорошие у них кони, — пробормотал Андрей, видя, что без запоздания следом за ними за поворот вылетели угры — чернявые, с круглыми щитами и чуть искривленными мечами.

Взревел боевой рог, и Андрей легонько ткнул колесиками шпор своего жеребца, искренне взмолившись, чтобы тот не рванул. Выучка в строю дала себя знать — гнедой своенравен вначале пошел шагом и лишь потом перешел на тряскую рысь.

А вот угры никак не ожидали такой засады — самые умные стали сдерживать коней, на них налетали следующие преследователи, и в один миг все они сбились в кучу, в один большой затор.

Но то — умные, а полдюжины глупых, что безбашенно ринулись на разгоняющихся рыцарей, или просто не сумевших удержать разгоряченных коней были тут же сбиты арбалетными болтами. А на мешанину всадников обрушился ливень стрел...

Андрей нацелил тяжелое копье в спину угра и прекрасно видел, что тот, обернувшись к нему, все понял — лицо исказила гримаса ужаса. А дальше толчок, копье вывернуло из руки.

Гнедая сволочь перешла в галоп, совсем офонаревшая от запаха крови, сшибала маленьких лошадок на своем пути, как кегли, опрокидывая их вместе с всадниками и при этом кусая — без разницы, коня или человека.

Андрей прилагал невероятные усилия, чтобы усидеть в седле, какое уж тут сражаться! Меч вытащить из ножен было невозможно. Одно благо — краем глаза он замечал острия копий следовавших за ним всадников, что бдительно его охраняли, да рядом крушил угров здоровенным шестопером старый рыцарь.

— Катком идем, попали, братцы, под блюминг! — выплюнул слова Андрей, уже сильно испугавшись. Его гнедой шел напролом, как танк, на бешеной скорости, сминая и круша все на своем пути.

Как тут не испугаться еще неумелому седоку!

И не успел Андрей выругаться, как мотававшиеся перед прорезью шлема уши коня пошли куда-то вниз, и он, к своему великому ужасу, внезапно понял, что не только потерял под

задницей седло, но вообще куда-то летит, подобно выпущенному ядру.

Он даже не успел выбросить вперед руки, чтобы смягчить стремительное падение, как в голове взорвалась осветительная ракета, рассыпав тысячи искр. И сразу же наступила темнота...

Тяжелые веки с трудом поднялись, и Андрей увидел, что находится в незнакомом месте. Обшарпанные, выветренные ливнями и временем каменные стены старой башни не защищали от ледяного ветра.

Поежившись, Андрей с ужасом для себя понял, что он голый. Из всей одежды, если можно было так выразиться, оставался нательный крестик на цепочке и все.

— Это я где?

На столь глупый вопрос моментально был найден столь же глупый рифмованный ответ.

— Ну, точно не в Караганде! — Андрей огляделся. — Там юг! Там тепло...

Сквозь крышу, вернее жалкое подобие прогнивших и провалившихся балок проглядывало звездное небо.

Андрей огляделся вокруг в поисках чего-либо, что можно было бы использовать хотя бы в качестве набедренной повязки. В одном из углов смутно темнела куча, скорее всего, тряпья.

— Ну-ка! — он с отвращением ее разворошил. Сырой запах плесени и тлена ударил в нос. — Фу! Какая гадость!

Однако рука нащупала кусок более-менее крепкой ткани, и Андрей вытянул какую-то большую прямоугольную тряпку. Хорошо встряхнув, он оглядел добычу.

— Батюшки святы! — На потемневшей от сырости ткани еще был различим орденский крест грязно-белого цвета. — Это что, наш замок?

Делать было нечего, и Андрей, проделав в центре знамени дырку, чтобы пролезла голова, надел импровизированный плащ.

С одеждой вопрос был решен, даже протокол был соблюден, и его командорская честь не пострадала, ведь облачен был он в хоть и бывшее, но знамя ордена. Теперь необходимо было найти оружие.

— У меня однозначно дежавю! — Андрей помотал головой, словно отгоняя наваждение. — Опять очутился сам не знаю где... Тут — помню, тут — не помню! Как в атаку пошли — помню, как щитом махал — помню, как с седла полетел, что твой орел, растопырив крылья, — помню, а дальше... Значит, я или умер, или без сознания? Скорее второе, умер ведь я в прошлый раз...

Нескучные размышления были прерваны тихим шелестом осыпающихся камней, словно кто-то осторожно шел по насыпи, тревожа мелкие камешки, скользящие вниз.

Андрей замер, судорожно вглядываясь в темноту. Руки машинально ощупывали пол вокруг в поисках хотя бы камня. Вдруг ладонь почувствовала холод металла: обломок узкого меча или кинжала придал уверенности, и Андрей собрался, подготовившись к броску...

Прошла минута, другая, но тишина не нарушилась ни единым звуком. В единственное окно башни так же одиноко заглядывала безучастная луна, так же одиноко поблескивали еле различимые звездочки.

Нужно было как-то выбираться наружу. Находиться в этой странной заброшенной башне не хотелось совсем, и Андрей направился к площадке с начинавшимися узкими крутыми ступенями.

Осторожно ступая по полуразрушенной винтовой лестнице, Андрей оглядывал следы былой битвы: крестоносцы удерживали башню как последнюю цитадель.

Сжимая в бессильной ярости обломок меча, он аккуратно, словно боясь потревожить, перешагивал через немногочисленные останки в полусгнивших, но еще различных орденских плащах.

— Славно вы повеселились, братья! — Андрей засмотрелся на завал из тел, грудой лежавших за очередным поворотом лестницы. — Как же это произошло? А главное, когда...

Слова застряли в глотке, когда взгляд остановился на одном теле орденца. Словно свора гончих наваливается на медведя, так и этот неизвестный рыцарь был погребен под телами нападавших.

Спасая остальных, он дал им немногие драгоценные минуты, чтобы укрыться за очередным поворотом лестницы, встретив смерть один на один.

Однако его благородная жертва была бесполезной: рыцари погибли все до последнего. Повинуясь порыву, Андрей, склонившись, открыл забрало и обомлел: побелевший от времени череп украшала седая борода.

— Отец Павел?! — Андрей судорожно сглотнул. — Значит... Значит, где-то должен быть и я?!

Додумать он не успел, так как за следующим поворотом на небольшой площадке лежал рыцарь с золотой командорской цепью на груди. Меча не было ни в ножнах, ни в руках. Весь доспех, словно шкура дикобраза, был утыкан длинными стрелами.

Андрей остановился:

— Это не я! Это не я!!!

Он наклонился, чтобы снять шлем, но босая нога наступила на что-то острое, и Андрей, вскрикнув, пошатнулся. Отступив назад, он зацепил при этом валявшийся на ступеньке небольшой круглый щит, который с грохотом, подпрыгивая и звеня, покатился вниз. Андрей зажмурился, втянув голову в плечи.

— Тв-вою мать! — ругая самого себя за неуклюжесть, он, перепрыгивая через ступеньки, побежал вниз, стремясь поскорее вырваться из этого царства смерти. — Надеюсь, я здесь никого или ничего не разбужу...

Словно дрожь прошла по каменным стенам. Взмахи гигантских крыльев поднимали в воздух пыль и мусор и заставляли раскачиваться и скрипеть петли от обугленной, некогда массивной входной двери башни.

Вжавшись в небольшую нишу напротив сводчатой арки, ведущей во внутренний двор замка, Андрей увидел кружащего огромного ворона.

Из его укрытия хорошо просматривались все внутренности замка. Покосившиеся крыши хозяйственных строений, круглый, сложенный из булыжников колодец посреди двора, большая каменная коновязь, лестницы с обеих сторон ворот, ведущие на стены, и сами ворота с проломленными тараном створками и полуопущенной фигурной решеткой.

Ворон шумно приземлился, неуклюже подпрыгивая и прихрамывая, пробежался и остановился. Иссиня-черные перья отливали серебром под лунным светом, хищный клюв поблескивал темным металлом.

К его удивлению, ворон, пройдя еще пару шагов, взгромоздился на полуразрушенную коновязь и, напоминая спящую на насесте курицу, нахохлился и склонил голову набок.

Однако через мгновение раздался дробный топот, и в ворота вбежал огромный волк. Вздывавшиеся бока ходили ходуном, с вываленного языка капала слюна. На дрожащих лапах он подошел к ворону и заговорил глухим утробным голосом:

— Хозяин! И ты говоришь о том, что стал стар и немощен?

Ворон хрипло рассмеялся:

— Ну, раз так, Пшемишек, то я еще молодец, раз тебя почти загнал! Ну, ну, не сопи так! — Он закашлялся от смеха почти по-человечески. — Я думал, что этот проклятый фон Верт, — Андрей вздрогнул, услышав свое имя, — на мне живого места не оставит!

— Хозяин, — волк оскалился, — я порву ему глотку...

— Даже и не думай! — Ворон замахал крыльями. — Он мне нужен живым! Ты же знаешь, что Пророчество уже начало исполняться! Сартский сам видел Меч!

— У него командорский меч! Одно ясно — этот меч и есть Меч Божий! А при чем здесь дом? Как может свет войти в дом? В окно, что ли?

— погоди, погоди... — Ворон аж подпрыгнул на месте. — Конечно же!

— Что-то я не понимаю, хозяин...

— Да помолчи! — возбужденно переминаясь с лапы на лапу, ворон чуть не упал. — Не перебивай, дай подумать!

— Меч и так уже в его руках...

— Карр! — торжествуя крикнул ворон. — Дом для меча — ножны! А меч — это и есть свет, клинок — это ведь полоска стали... Пророчество исполнится, когда обретется весь, понимаешь, весь Меч Божий — когда он найдет ножны! Только Избранный сможет это сделать! И, воссоединив меч и ножны, он поднимет его на борьбу с магометанами...

— А нам-то какая разница? Чего тебе сдался этот Верт? Ну и пусть у него будет этот Меч! Ну и пусть сбудется это Пророчество и он изгонит мусульман... — казалось, волк пожал плечами. — Что христиане, что магометане...

— Ага! — ядовито прошипел ворон. — Сартский прав: пока они дерутся меж собой, как голодные псы за кость, пока они воюют каждый сам за себя и все против всех, до нас с тобой никому нет дела! Стоит ордену окрепнуть, стоит прогнать угрозу с юга и запада, как сюда придут церковники, — ворон буквально выплюнул последнее слово, — и с тебя сдерут шкуру, Пшемишек, а меня зажарят на костре! Вот так-то!

— Тогда нужно во что бы то ни стало отнять у него этот меч! Без меча он никто! Все-таки я убью его, хозяин!

— Да! — Ворон закивал. — Ты прав! Меч, а не он сам, нужен нам, и получить мы его должны любой ценой! Но он тоже мне нужен, погоди его убивать! Было бы хорошо получить и меч, и его...

Ворон соскочил с коновязи и торопливо зашагал в сторону башни. Андрей с силой вжался в твердый камень. Волк, немного помедлив, отправился вслед:

— Хозяин! Мне следовать за тобой?

— Да! — раздраженно каркнул ворон и, хромя, вошел в башню.

Андрей стиснул в руке обломок меча, ожидая, что в любую минуту его обнаружат. Однако ворон, бурча проклятия в его, фон Верта, адрес и подволакивая левую лапу, направился по сводчатому коридору, мимо винтовой лестницы, ведущей наверх.

Волк серой тенью проследовал за ним, лишь на секунду остановившись. Он неотрывно смотрел именно в то место, где, затаив дыхание, стоял Андрей.

— Ну, какого черта, Пшемишек? — Сварливый голос ворона гулко отражался от каменных стен. — Чего ты там застрял? Иди скорее, я покажу тебе кое-что!

Волк рыкнул и поспешил за вороном. Андрей выдохнул. Покидать свое убежище очень не хотелось, но любопытство пересилило, и он осторожно выскользнул и пошел вслед за ними.

Напоследок, оглянувшись на лестницу, Андрей не поверил своим глазам: тела исчезли, словно их там и не бывало. Исчезло знамя, которое служило накидкой, и обломок меча — рука сжалась в кулак сама, почувствовав пустоту.

— Морок? — Он, прикрыв руками причинное место, зажмурился и снова открыл глаза. — Мне все померещилось? Ни фиги себе глюки!

Лестница по-прежнему была пустынна, только махры паутины свисали со стен и потолка, и толстый слой пыли устилал каменные ступени.

— Если фон Верт доберется сюда, а ты не сможешь сделать свое дело по дороге, — Андрей,

не обращая внимания на наготу, заспешил на удаляющийся голос ворона, — то через потайной ход ты проникнешь в замок!

Галерея окончилась, и ступени круто пошли вниз. Андрей заглянул в ход, ведущий в подземелье. Тусклого света луны еще хватало на освещение небольшой площадки перед спуском, а дальше была кромешная тьма. Шарканье ворона раздавалось отчетливо, а вот волчья поступь была бесшумной, как Андрей ни прислушивался. Шаги прекратились: ворон остановился.

— Осторожно, хозяин, тут низкая притолока...

— Сам вижу, — сварливо отозвался ворон, — какие идиоты ее такой сделали?

— И дверца такая маленькая...

Скрипнули плохо смазанные петли.

— Только не перепутай: дверей тут три, но тебе нужна обитая железом!

— А что за остальными?

— Там темницы были прежде, — ворон рассмеялся скрипучим голосом, — хочешь, открою? Может, там еще кто остался?

— Хозяин... — волк помедлил, — я отдам свою жизнь, но рыцари... Их много...

— Не бойся! — ворон отдохнул и зашагал дальше. — Я тебе дам амулет — пока будешь человеком — носи его как пояс, оборотишься — перекинь как ошейник... Он найдет беспробудный сон на любого, даже самого сильного воина! Только крест в руке не даст тебе приблизиться, но он-то не ожидает твоего появления, да и кресты они таскают на груди, — ворон расхохотался скрипучим голосом, — руки-то во сне другим заняты!

— Чем, хозяин? — Голос волка звучал недоуменно.

— Он же не святоша, чтобы с четками спать, и не пьянь подзаборная, чтобы в обнимку с бутылкой! А баб в поход не берут! Настоящий воин с мечом не расстается никогда!

— Хм! — волк хмыкнул. — Тогда и меч мне искать не придется...

По коридору пронесся ледяной вихрь. На мгновение Андрею показалось, что он окунулся в прорубь. Крупная дрожь пробила все тело, зубы застучали морзянкой, а босые ступни, казалось, примерзли к студеному полу.

Медленно сползая спиной по стене, Андрей закрыл глаза, погружаясь в холодный мрак. Внезапно плечо сильно трянуло, потом еще раз и еще...

— Ваша светлость! Как вы?!

— Брат-командор?!

— Как ты себя чувствуешь, сын мой?

Чья-то крепкая рука немилосердно затрясла за плечо — боль пронзила мозг. Андрей с трудом раскрыл глаза — свинцовое небо над головой, капельки дождя неприятно падают на лицо.

Осмотрелся, боясь оторвать голову от чего-то мягкого. Плащи, красные орденские плащи, кругом знакомые лица — тревожно смотрят Велемир, Грумуж, Арни и другие, а рядом склонилась знакомая борода отца Павла.

И трясет, бросает из стороны в сторону — повозка рессорами не снабжена, чай, не карета. Да даже будь и последняя, вряд ли бы стало лучше — здешние дороги еще те, всю душу вытрясут. И мозги...

Тут Андрей поморщился: «Да нет у тебя мозгов, парень, совсем нет и уже не будет. Не с твоей верховой ездой в драку кидаться!» Но спросил, чувствуя с радостью, что язык ему повинуются:

— Чем это?

— Повезло тебе, брат-командор, — участливо пробормотал отец Павел, совсем низко склонившись. И Андрей понял, что его больную и пришибленную голову священник держит на своих коленях.

— Гнедко твой в яму двумя ногами ухнул на галопе. Думали, все, хана. Ан нет, не переломал ноги, чуть похромал, оклемался. Сейчас хорошо идет, в попоне даже...

— Хорошо, — только и отозвался Андрей, сморщившись. Но не от боли, от негодования. Вот уж нравы здесь — глава ордена, что Щорс — голова обвязана, кровь на рукаве, а они о его жеребце, паскуде этакой, думают.

О времена, о нравы!

Так захотелось воскликнуть ему вслед за классиком. Но промолчал — голова действительно сильно болела, хотя не раскалывалась на десятки частей, как после приснопамятной контузии. Хорошо хоть тошноты, рвоты, головокружения и темноты перед глазами не имелось, характерных признаков сотрясения мозга.

«Ничего ты не сотрясешь — у тебя, братец, мозгов там нет», — еще раз вернулся Андрей к больной теме, пожалел и попенял себя заедино и тут же вернулся к грешным делам.

— С уграми что?

— Раздавили всмятку, как сырое яйцо! Едва десяток от нас ушел, догнать не смогли. Остальных побили, без малого сотню.

— Это хорошо. — Андрей действительно был доволен результатом баталии. И, облизнув сухие губы, попросил: — Дай попить.

Старик извлек баклажку, сделал хороший глоток и лишь потом приложил горловину к его губам. Вино было кислое, но освежило, и даже вроде бы сил прибыло.

— Ты чего это вино пьешь, брат Любомир? — с усмешкой поинтересовался Андрей. — Поклялся ведь, что за горами одну лишь воду пить будешь.

— А я не пью, — лицо старика исказила злая гримаса, — я пробовать теперь все буду сам и лишь потом тебе давать.

— С чего это ты так решил, отче?

— Ты зубы, ваша светлость, не скаль! Мы в одночасье всех белогорских лучников

лишились!

— Как лишились?! Когда?! Почему?!

От чудовищной новости Андрей окончательно пришел в себя и поднялся рывком. В глазах потемнело, закружилась голова, но вскоре слабость прошла, и он с силою сдвинул руку старика.

— Что произошло?

— Худо, брат-командор, худо. У нас крыса завелась...

— Какая крыса?! Что ты бормочешь?! — Андрей тряхнул старика за плечо, краем глаза наблюдая, что красные плащи отъехали от повозки, но продолжают плотно окружать ее.

— А то, что лучники на радостях, стервецы, утащили бурдюк вина с нашей повозки. Я им разрешил, но они не местную кислятину взяли, а ту, что с нашего замка. И перетравились все! Двое Богу душу сразу отдали, еще десяток на телегах везем — блюют, как худые щенята. Остальные покрепче оказались, а может, зелья меньше выпили — сами идут, шатаются, за повозки держатся. Оклемаются парни, но время нужно. А сейчас они не воины, тетиву натянуть не в состоянии...

— Ну и дела! — только и смог сказать Андрей и заскрежетал зубами. Мало им угров, так теперь отравитель завелся. Действительно крыса, а от таких надо сразу же избавляться, иначе бед много принесут.

— И еще одно... — Старик извлек стрелу из тисового лука. Наконечник ее был обвязан тряпицей. Показал и тут же спрятал.

— А это что? — поинтересовался Андрей.

— Ты пана Сартского поблагодари, что тебе кольчугу солукскую подарил. Чистый булат, как они ее делают?! Не то что эту стрелу, она и арбалетный болт удержит. Умеют же магометанские мастера, нашим не чета. Недаром за нее по весу золотом берут, такая кольчуга того стоит. В спину тебе стреляли, как раз тогда, когда ты из седла вылетел.

— Может, по ошибке? В бою ведь всяко-разно случается. Иногда и под «дружественный огонь» попадать приходилось...

— Свои друзья, брат-командор, без нужды смертельной отравой наконечник не мажут. Что ж ты думал, я зря ее в тряпицу завернул? Лошадь раненую добил — почти сразу умерла. А потом и угра — тот враз копыта отбросил. Хитрый наконечник, с бороздками — в них яд остается и кровью не смывается. Вот такие дела!

— Да уж, — только и смог отозваться Андрей.

И говорить было ему нечего — убийцы где-то совсем рядом ходят и только думают, как его половчее ликвидировать. Уехал от эфемерного покушения из Белогорья, а оно его за горами и настигло. И отступаться, судя по всему, неизвестный злоумышленник не будет.

— Мы с тракта сошли и опять в горы отправились. Еле плетемся — но замок близко. Иначе не мог — отравленные лучники обуза для нас слишком большая, ее нужно оставить в селении. А заодно и часть возов разгрузить от хлеба — я приказал все оружие угров собрать, раздели до исподнего. Чего добру пропадать при нашей скудности-то?

— Правильно сделал, отче, — Андрей уселся поудобнее на качающейся повозке, вытянул ноги. — Чего хоть собрали-то? Трофеи какие?

— Луков хороших, арабских, два десятка. Сотня худых, не лучше наших тисовых. Есть кольчуги хорошие, мечи, но мало. Ты прав, брат-командор, что идет какая-то непонятная штука, ведь не могут на разведку в горы столь необученных людей отправлять. Но именно так и происходит — пленные, и там взятые, и тут, слова единые говорят. Незнамо, зачем их в горы отправили и велели ждать в местах неких. Там-то мы на них и напали в первом разе, а во втором угры сами погнались, как и приказано им было.

— Хм. И с чего бы это? Ладно, потом разберемся, на то они и враги, чтоб так мудрить. Мы

ведь их планов не знаем. И вот еще что... — Андрей машинально хотел почесать затылок, не мог избавиться от дурной привычки, все же он сейчас «ваша светлость», «голубая кровь», как-никак...

— Пся крев! — Андрей зашипел от боли, нащупав под пальцами шишку величиною с куриное яйцо, как ему показалось.

— Больно?! — участливо спросил отец Павел. — Оттого я твою буйную и дурную голову на коленях у себя держал, аки младенца. Шлем твой разбит, но спас тебя.

— С дурной мне самому ясно, а почему буйную? — продолжая шипеть, поинтересовался Андрей.

— Шпорами надо колоть бока, но не тыкать ими постоянно. Вот твой гнедой и обезумел от боли! Ты зачем от меня оторваться хотел? Удадь показать? Так знаю, что не трус! И все это видели! И почему мечом не рубил, а своим щитом ворогов сбивал?

— Дурак потому что, — тихо признался Андрей. — Со шпорами неловко вышло, удержаться пытался, оттого пятки сдвинул, вот жеребцу и досталось. И щитом махал, лишь бы в седле хоть как-то остаться. Выпасть боялся. Потому и до меча не дотянулся...

Старый рыцарь все время смотрел на него с изумлением, сдерживая смех. Андрей посмотрел угрюмо.

— Тока засмейся, — с угрозой произнес он. — Я первый раз в жизни верхом в бой пошел. Тебя бы в бэтээр засунуть, посмотрел бы я, как бы ты воевать стал. А у нас еще те стычки, мало не покажется...

— Да не смеюсь я, — старик скривил губы — действительно не улыбался, только в глазах прыгали искры малые, остатки бывшего веселья. — Я должен был все предусмотреть и под каким-нибудь предлогом выдернуть тебя из «кабаньей морды». На учениях видел, что ты неплохо держишь строй, вот и понадеялся. Прости уж великодушно старика!

— Да чего уж тут, — выдавил из себя Никитин. — Худо, что опозорился перед всеми...

— Но вот и нет!

Священник резанул таким серьезным голосом, что у Андрея махом отлегло от сердца — позорища он действительно боялся. А с такими вещами старый рыцарь шутить не будет.

— Я всем сказал, что ты обет на себя принял — не разить с коня мечом и другим боевым оружием насмерть. Копьем ты промахнулся, а древком угра сшиб с коня. Это все видели. Как и то, что еще троим уграм досталось от тебя щитом. Арни их сразу же добил. Он бы и тебя успел подхватить, но уж больно твой гнедой неожиданно в яму попал.

— Неужто поверили?

— Не шути с такими вещами, Анджей. Обет — дело святое, его выполнять надо даже под угрозой смерти. А потому все восхищены твоей твердостью. Но ты, очень тебя прошу, от конных схваток теперь воздержись, дабы нас всех напрасну не волновать. Через полгода-год тебя с седла клещами будет не вытащить, но не сейчас, брат-командор. И не обижайся, ведь не напрасно говорят, что всему свое время.

— Это точно, — охотно согласился Андрей. Еще бы не согласиться.

— Тем паче наш поход окончен...

— С чего ты так решил, отец? Мы до «Трех дубов» обоз довести должны, — Андрей вскинулся — решение, что принял священник, ему показалось странным, и он переспросил: — Или что-то другое?

— Вот именно! Другое, — глухо отозвался его наперсник. — Мы вовремя в горы свернули от тракта. Там уже две сотни гулямов!

Гулямы! Этих воинов даже Андрей уже знал, поведали ему о тяжеловооруженной арабской коннице, что в бою рыцарям не уступала. Две сотни — это чересчур много, и старый битый

рыцарь правильно поступил, что стал в горы уводить их небольшой отряд, отягощенный полусотней повозок. На тракте бы их махом догнали и перебили.

— Вторая дорога через горы с прошлого года брошена — грязью размыло, да еще обвалы случились. И расчищать их некому. Так что наш замок у «Трех дубов» обречен. Провести обоз мы туда не сможем.

— И что делать будем?

— Отправлю десяток «синих» вестниками по обходной тропе. Там коней можно в поводу провести. Надо велеть брату Вацлаву оставить замок...

— Нет! — резанул Андрей командирским голосом. — Мы под руку ордена добрый десяток словацких замков подвели, четыре тысячи селян под свою защиту взяли! И оставлять свой замок, который здесь у ордена уже двадцать лет?! Да что люди скажут?! Нет и еще раз нет!

— Спасибо, — тихо отозвался старик, — я рад, что в тебе не ошибся...

— Еще одну проверку на вшивость устроил, отче? Так зря, я педикулезом не страдаю и не тороплюсь стать сволочью! Да, кстати, почему вестниками в замок ты предложил целый десяток воинов отправить? Одного или двух гонцов вполне достаточно будет!

— Два месяца тому назад словацкий рыцарь с дюжиной воинов и десятком мужиков с вьючными конями попытались в «Три дуба» продовольствие и фураж доставить — всем глотки перерезали.

— Как всем?! Угры?

— Нет, — священник нахмурился и перекрестился. — Волкодлаки. Оборотни. Водятся там такие. Это намного хуже волка с Проклятых гор, которого ты камнем пришиб. Намного хуже. Люди засыпают, как убитые, и эти твари их режут...

— Плохо поставлена караульная служба, — отозвался Андрей. — Не хрен на посту спать. Ну, ничего, проверим, что это за твари!

— Проверим, — отозвался священник без особой уверенности в голосе. Да и взгляд стал какой-то не то чтобы унылый, но неуверенный.

— В общем так, — Андрей уже оживился, распираемый командным зудом. — Доходим до селения, разгружаем обоз — местным селянам зимой зерно пригодится. А сами хорошо отдыхаем. Затем лучников отправляем назад, в Поборское, — животом скорбных воинов побережь надо. Всех отправим. Без исключения. Дабы гарантия от подобного надежная была. Брата Райтенберга для охраны с ними на всякий случай, мало ли что...

Андрей усмехнулся, скривив губы в оскале и ткнул пальцем в завернутую тряпицей стрелу. Внимательно посмотрел на священника — тот прикрыл глаза, разделяя опасения командора.

— Идем к «Трем дубам» по этой тропе, коней навьючим всем необходимым. А что касается волкодлаков... На месте посмотрим! Одно скажу — волков бояться, в лес не ходить!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«ОТЛОЖИ КОСУ СВОЮ, БАБКА, НАНЕМНОГО»

— Ваша светлость, проснитесь! Беда!

Сильная рука Арни вышибла из Андрея дремоту, и он первым делом схватился за рукоять меча и лишь потом открыл глаза. В отсветах пламени костра суетились орденцы, все с оружием, злые.

— Что случилось?! — Сон смахнуло рукой, и Андрей живо вскочил на ноги. Но меч выхватывать из ножен не стал — не видел пока опасности.

— Головной дозор весь порешили, брат-командор! Глотки четверым порвали! Волкодлаки проклятые!

— Что?! Всем четверым?!

Известие пробрало Андрея до копчика, и он рванулся в темноту, подсвеченную отблесками далеких факелов. Через две сотни шагов выскочил на большую поляну, на которой собрался добрый десяток крестоносцев, сжимая в руках факелы.

Они стояли молча, слышалось только сопение да скрежет сжатых зубов. А на земле, возле раскидистого куста, беспомощно лежали тела в красных и синих орденских плащах.

Никитин подошел и наклонился над убитыми. Кто-то услужливый поднес поближе ярко горевший факел, и Андрей невольно поежился — ледяные мурашки пробежали по спине и забрались на шею, стянув кожу в пергамент, застывший от ужаса.

У всех четверых зарезанных волкодлаком почти счастливые, умиротворенные лица, вот только само горло порвано трилистником на лоскуты. И кровь, везде кровь...

— Твою мать! — смачно выругался Андрей, ему стало жарко.

Пот ручьями тек по лицу. Он только сейчас неожиданно вспомнил тот странный сон, что привиделся ему, пока он лежал в беспамятстве после падения со взбесившегося от боли коня.

— Волкодлаки, значит! — с угрозой в голосе прохрипел Андрей, кляня себя за то, что не поверил священнику насчет этой угрозы. Не поверил потому, что подобного зверья в его мире не существовало, за исключением книг, где авторы давали разгул собственной фантазии.

— Брат-командор, — из темноты вынырнул старый рыцарь, и Андрей живо повернулся к нему.

— Отец Павел, ты вовремя...

— Караульные, что у лошадей стояли, тоже уснули. И кони все попадали, ни один не всхрапнул!

— Их тоже перерезали?! — от ужаса у Андрея встали волосы дыбом, но старик замахал руками так яростно, что сразу отлегло от сердца.

— Не успели волкодлаки проклятущие! Мы туда вовремя прибежали!

— Что хоть говорят-то?

— Стоило на секунду глаза прикрыть, и все. Ничего не помнят. Уснули все разом, как в трясину провалились.

— Дела, — Андрей вытер со лба пот. — Выходит, что эта тварь сон вначале насылает, а потом спокойно режет. И лихо мерзавец работает, ибо пока мы здесь стояли и глазели, он уже другой караул успел усыпить!

— Откуда ты знаешь, что он один? — удивленно поднял брови отец Павел. — Ты что, его видел?

— Поверь мне, знаю! — ощерился Андрей. — И знаю, как его завалить! И теперь мне понятно, как он словаков загрыз. Ведь так, отец?

— Похоже на то, брат-командор, — тихо ответил священник и присел на корточки. — Раз

ты так говоришь, то мне хочется тебе верить! Но...

— Что но? — Андрей опустился рядом и понял, что привлекло внимание старика — один из «красных», уже засыпая, сообразил, видно, что дело неладное, и схватился за рукоять длинного изогнутого кинжала, похожего на русский армейский бебут образца 1907 года. — Видишь, он же смог почувствовать, значит, волкодлак не так уж всемогущ!

Андрей взял ножны с кинжалом и приладил их к своей перевязи. Усмехнулся, пробормотал с угрозой:

— Этим бебутом я сдеру шкуру с волка, отец!

— Не хвались напрасно, сын мой, — покачал удрученно головой священник, — не гневи Господа пустыми клятвами!

— Да при чем тут твой Господь, раз он такое допускает... — Андрей осекся под блеснувшим металлом взглядом отца Павла. — Я не хвальнось! Думаю, что мне удастся это сделать. Видишь ли, я видел новый сон и считаю, что не совсем сон это был...

— А ну-ка, — заинтересовался священник. — Расскажи мне про него поподробнее, сын мой...

Ночь была прохладной, даже чересчур. Чувствовалось, что осень потихоньку начинает сдавать, уступать свое место зиме. Днем еще было относительно тепло, но с вечера, как встали на бивак, ощутимо похолодало — пар уже вырывался изо рта.

Уставшие за день тяжелого пути люди жались к кострам, протягивая к животворному огню озябшие руки. Вымотались за день, хотя прошли едва два десятка верст.

Слишком часто попадались тяжелые участки с размытой тропой. Тяжело нагруженных коней здесь проводили по одному, очень осторожно, ибо сорваться с крутого склона вниз было проще простого.

Так потеряли уже двух лошадей и одного «синего», что не удержался и полетел в пропасть на острые камни. Андрей даже смотреть вниз не стал и так видел, как побледнели выдавшие виды воины. Двоим ратникам так поплохело, что чуть не вывернуло. Ничего привлекательного в смерти нет. Особенно в такой, когда тело всмятку, как сырое яйцо под кованым сапогом. Высота склона очень приличная была, с двенадцатизэтажный дом.

На бивак встали задолго до вечера, уж больно удобным оказалось место, похожее на каменный мешок, укрытый с трех сторон высокими скалами. Волкодлака можно было не опасаться, если только он не превратится в человека и не начнет метать камни с самого верха.

То, что эта тварь не уgomонилась, а преследует, ясно осознавали люди, ощущающие себя весь день крайне тревожно. Беспокоились и лошади, а эти животные, как и собаки, в чем были все уверены, особенно хорошо распознают нечистую силу.

Андрей чувствовал себя превосходно, несмотря на предстоящую охоту волкодлака. Решили взять эту тварь старым хитрым способом: на приваду, как говорят охотники, или на живца, по рыболовной терминологии. Причем в качестве живца, а Андрею, как бывшему рыбаку, более по нраву был живец, выступал он сам и верный Арни.

Настроение от этого не ухудшилось, наоборот, изрядно улучшилось. И главное — у одного из убитых тварью «синего» в туле обнаружили ну очень интересную стрелу, с наконечником в бороздках. И пузырек там же был, редкостный, из дорогого бухарского зеленого стекла, с узнаваемым содержимым — тот же яд был на стреле из тисового лука, что не смогла пробить арабскую кольчугу.

Отец Павел тут же устроил небольшое дознание и под благовидными предложениями проверили всех — ни у кого не обнаружили ничего подозрительного. Теперь можно было не опасаться «крыс» — их просто не осталось. А с единственным гадом, что попытался бы в походе повторить неудачную попытку, определилось само провидение по вечно живому и

необходимому честным людям принципу — «Бог шельму метит».

— Ты не передумал? — Отец Павел заботливой наседкой кружил вокруг Андрея, обустроивающего лежанку на опушке. — Оборотень ведь! Ты силой молитвы, сын мой, решил его взять? Что-то тягостно мне... Вещует сердце...

— Вещует, говоришь? — Андрей бесцеремонно перебил священника. — Ну, если вещует, тады понятно! Силы молитвы, как ты знаешь, отче, — Андрей хмыкнул и почесал пятерней затылок, — мне не хватит и на оборотня-суслика! Ты, — он улегся поудобнее, — молись за меня! А я как-нибудь силой оружия! Меч-то, — Никитин похлопал по клинку, — вот он! Тем более я же сказал тебе, что я им нужен живым, поэтому он меня не тронет!

— Молодость в тебе говорит, бравируешь ты, как глупый новобранец перед первым боем! — Отец Павел покачал головой. — Но на все воля Господа! Возможно, ты прав, и стоит попробовать! Но, — он резко рубанул ладонью, — не один! Даже не возражай! Я одного тебя не отпущу и останусь с тобой! До лагеря далеко, и если что, мы можем не поспеть!

— Ну! — Андрей аж подпрыгнул. — Отче, тебя же на холодной земле радикулит разобьет потом! И... Если что... — Он сморщился. — Вы вообще мне не понадобится! Если оборотень усыпит, то задерет обоих! А если я с ним сам справлюсь, тогда тем более зачем ты здесь? Нет! Я в няньках не нуждаюсь!

— Да при чем здесь ты! — Священник недоуменно пожал плечами. — Я не о тебе забочусь! Командоров... Хм, мы еще сколько угодно найдем! А вот меч священный и цепь гротескмейстерскую...

— А... — Андрей распахнул было в изумлении рот, а затем прищурился: — Иронизируем, значит! Командоров у них очередь стоит... Ну-ну! А за бранзулетки золотом плачено... Ну-ну!

— Раз ты шутишь, значит, полностью уверен! — Священник возложил на него руки, благословляя. — Храни тебя Господь! Арни с тобой останется, береги его...

Андрей, кряхтя и ворочаясь, устроился поудобнее, опершись спиной на сосну. Рядом сидел Арни, поглаживая заряженный арбалет. Беспокойства на его невозмутимом, как всегда, лице не наблюдалось, хотя Андрей пару раз уловил еле заметное подрагивание рук.

Орденец зыркал по сторонам, пребывая в настороженности. Еще бы — быть загрызенным он не желал категорически. Андрей держал под ладонью правой руки рукоять меча, а левой гладил холодный орденский крест на цепи, что постоянно теперь носил на своей груди.

Сна не было ни в одном глазу, хотя, по расчетам Андрея, он так просидел уже часа два, не меньше. Трижды приходил отец Павел с воинами — он все никак не мог уговорить, беспокоясь за командора, но вынужденный выполнять его категорический приказ — охота на живца старику не нравилась, но он был не в силах ее отменить.

— Хр-р-р! Ха-р...

Андрей скосил глазом в сторону звука и не удивился, хотя увиденное того стоило — Арни, известный своей дисциплинированностью, безмятежно спал как младенец, тихонько похрапывая.

«Пришла, тварюга!»

Молнией пронеслась мысль, а ладонь крепче сжала рукоять меча. Андрей, у которого и так сна не имелось, напрягся, ожидая волкодлака, но внешне изобразил спящего и стал подсвистывать носом для вящей убедительности.

И тварь пришла — злобная, хитрая и лютая. Такая же, как он ее увидел во сне. Вроде бы обычный волк, только намного крупнее, со светящимися в темноте глазами.

Осторожно ступая, волкодлак подошел к Арни, обнюхал и отошел. Сделал небольшой круг, обходя с тыла. Ощутимо пахнуло псиной, и Андрей поморщился:

«Вот урод! Они что, совсем не моются здесь? — Он сдержал смешок. — Как же! Он же

оборотень! Как бишь ворон его называл? В смысле мужик он, имя-то какое-то заковыристое... А вот если бы была девка, волчица... — дурацкие мысли лезли в голову, знакомое возбуждение перед схваткой охватило его, и доли секунды хватило, чтобы собраться. — Ну-ка, ну-ка, на живца ведь... Ворон ему говорил о мече...»

Якобы поудобнее устраиваясь во сне, Андрей повернулся так, чтобы меч оказался совсем уже на виду. Поерзал и засопел совсем уж нарочито громко, причмокивая и постанывая.

Волкодлак выжидал. Андрей, следя за ним из-под полуопущенных ресниц, повернулся, чтобы не выпускать зверя из поля зрения.

Как назло, набежавшие тучки почти скрыли луну, стало нестерпимо темно, почти ничего не было видно, и он ориентировался скорее по звукам, доверившись интуиции и рефлексам.

Началось! Луна снова выглянула в просвете облаков, осветив тусклым сиянием поляну. Оборотень пошел к ним без опаски, оскалив в нетерпении длинные клыки, с которых падали на землю поблескивавшие в лунном свете капли слюны.

«Не решил все-таки, с кого из нас трапезу начать, сволочь!»

Андрей не испытывал страха, хотя во сне, как он припомнил, его трясло от ужаса. Но не сейчас, недаром говорят, что кто предупрежден, тот вооружен.

Волкодлак постоял с минуту, глядя на Андрея плотоядным взглядом, даже шагнул в его сторону. Но тут же отскочил, ощерился. Снова шагнул и опять отскочил, даже тихо зарычал.

«Все правильно — крест, как и говорил колдун, не даст ему приблизиться. А потому сейчас Арни грызть будут, чтоб уж потом меня наверняка...»

Пока он думал, волкодлак повернулся к беспомощному оруженосцу. Упускать такой удобный момент Андрей не стал — его рука стремительно рванулась вперед, меч мелькнул молнией и впился в серый бок твари.

К его удивлению, ожидавшего препятствия для клинка, острая сталь легко проткнула нечисть, как кусок масла. Насквозь!

Вскочив, он, извернувшись, выдернул меч — тягучие капли черной крови скатывались с клинка.

Дикий вой смертельно раненного зверя, казалось, потрянул горы и разогнал тьму. Волкодлак попытался рвануться в сторону, да куда там — отпускать добычу Андрей не желал, а потому ткнул еще один раз, сверху, вложив всю силу — меч пригвоздил оборотня к земле, как иголка прищипливает бабочку в школьном гербарии. Надежно и аккуратно...

— Не ори, шкуру попортишь!

Андрей придавил сапогом горло издыхающего волкодлака, слыша, как из лагеря бегут чуть ли не все крестоносцы.

— Ну-ну! Марафонцы! — Он поморщился. — Командира тут почти живьем сожрали, а они дрыхли, защитнички!

Грохот металла и сапог, ругань, крики и дрожащий свет факелов приближался. Пара минут у него в запасе еще имелась, чтобы успокоить неуместный мандраж и осмотреть оборотня.

— И что? Все? — Андрей пожал в недоумении плечами, глядя на застывшего зверя. — Так быстро?

Он пошевелил ногой лежащего волкодлака.

— Эй, падла, ты сдох? Вот что меч-то христианский делает!

Тучки, стусевавшись, пронеслись прочь по ночному небу, оставив в россыпи звезд огромную луну, волчье солнышко. Гигантский зверь, даже и поверженный, вызывал животный ужас.

Только сейчас Андрей осознал величину оборотня: лежащий на боку, он был почти до бедра стоящего человека.

Тело подрагивало, лапы вытянулись, прошедшая предсмертная судорога заставила волкодлака поднять голову, и он, последний раз дернувшись, обмяк.

Андрей присел рядом с головой. Из оскаленной пасти медленно вытекала темная пена. Вывалившийся язык, величиной с две ладони, клыки больше человеческих пальцев, и отдельно живущие или теперь уже жившие, светлые, почти человеческие глаза.

— Ни фиги себе! — Андрей шумно выдохнул. — Вот бы такую собачку заиметь...

Заглянув в начинавший стекленеть зрачок оборотня, Андрей отшатнулся: ожидаемой ярости, ненависти, злобы не было, только безмерное удивление и сожаление.

Топот приближался. Уже были различимы и узнаваемы первые приближавшиеся фигуры. Андрей уселся на спину волкодлака, положил руку на воткнутый в загривок меч, подбоченился и принял позу этакого бравого победителя.

Мол, смотрите, завидуйте, какой у вас батя-командир! И краешком глаза покосился на оруженосца — тот продолжал спать сном младенца, причмокивая губами.

— Спи, брат! Ты заслужил свой сон, — только и сказал Андрей спящему и похлопал по ножнам кривого кинжала. — А мне еще шкуру снимать! Законный трофей как-никак и еще пригодится...

— Ваша светлость!

С громким криком, ломая с треском кусты, сказочным носорогом на поляну выбежал первым старый рыцарь, сжимая в руке увесистый шестопер, и сразу бросился к Андрею, проведя по лицу и груди левой рукою. Спросил уже тише, с хрипотцой:

— Ты цел, брат-командор?!

Поляну заполнили набежавшие крестоносцы. Стало светло от принесенных факелов, осветивших место его схватки со зверем. Многоголосье, подобно жужжанию потревоженного роя, заполнило все вокруг.

— Спаси Господи наши души!

— Чур, чур, чур!

— Не приведи, Пресвятая Дева, в ночи такое увидеть!

— Упырь?!

— Упаси, святые архангелы, от встречи с таким!

— Волкодлак?!

— Оборотень!

Последним вердикт вынес отец Павел, считавшийся в силу своего положения главным специалистом по нечистой силе. Священник поднялся и так посмотрел на Андрея, что тот поневоле возгордился столь детским восхищением, проявившимся в старческих блеклых глазах.

— Сейчас с него шкуру снимем, дети мои, как я вам и обещал!

Андрея распирало самодовольство, он никак не ожидал, что сумбурный сон может дать ему такую чудодейственную подсказку. И получилось, к его удивлению, хотя поначалу и тряслись поджилки.

Гомон вокруг после его фразы усилился, сведясь в двух словах к тому, что одни костерили других за то, что не верили в командора, а другие, в свою очередь, отбрехивались тем, что таких схваток еще не было.

Одним рывком Андрей встал и поднял вверх руку. Галдеж, как по волшебству, прекратился. В полной тишине он выдернул меч из зверя и стал вытирать острую сталь спешно поданной с поклоном тряпкой, не сомневаясь, что потом эта тряпица разойдется по клочкам в десятки рук. И невольно отвлекся, любуясь серебристым клинком.

— Боже мой!

— Оборотень!

— С нами Бог!

— Твою мать!

Звонкая разноголосица, в которой явно вновь звучала гремучая смесь страха и потрясения, встряхнула Андрея, да и парочка крестоносцев шарахнулась за его спину испуганными овцами.

Он обернулся и не отпрыгнул в сторону лихим прыжком только потому, что остоленел от удивления и испуга, который тяжелым свинцом залил ему ступни — и не оторвать их от земли, будто вросли туда. А язык кое-как смог выплюнуть одни только ругательства, и те мышинным писком.

— Ни хрена себе...

Мертвая туша шевелилась, превращаясь прямо на глазах, шкура шла волнами. Серая густая шерсть осыпалась клочьями, вернее — исчезала прямо на глазах, надежно прикрыв зверя легкой дымкой, так же хорошо, как вуаль прячет женское лицо.

Андрей потер глаза ладонью, не в силах поверить увиденному. Поморгал, посмотрел еще

раз, на всякий случай сделав шаг назад, и снова потерял глаза, яростно и торопливо.

— Ох, ни хрена себе струя...

Рядом зашевелились пораженные не меньше его крестоносцы, хватаясь за нательные кресты или шепча молитвы. Опытные воины были потрясены не меньше своего командора, и было отчего.

Волк на их глазах за какую-то минуту превратился в парня. Молодого, с черными густыми волосами, безусого, с искривленным от боли лицом, на котором застыла маска смерти. Кровавые раны на месте ударов мечом, голый, с застегнутым в поясе тонким золотым ремешком.

Оборотень!

«Человек-волк?! А я думал, что фигня все эти сказки про волкодлаков, плод воображения фантастов. Ан нет, вот он, тот самый, под ногами лежит, тихий и уже спокойный. И морда вроде знакомая, и поясок?! Тот, о котором говорил ворон: может сон насылать...»

Андрея пробил холодный липкий пот, он утер лицо рукавом.

— Я еще до ворона доберусь, тоже сволота, видать, изрядная...

— Ты что-то сказал, брат-командор? — священник настороженно посмотрел на него — не отошел старик еще от пережитого ночью волнения. Беспокоился, и сильно, за него, изрядно нервы себе потрепал в тягостном ночном ожидании.

— Да так, отче, это я про себя, — отмахнулся Андрей и сплюнул от непритворного огорчения. — И что за невезуха пошла?! Шкуру волка с Проклятых гор не ободрал себе трофеем, а с этого шкуру уже не снимешь. Обратно в человека перекинулся, падло!

— Тебе не надо было святой меч вынимать из раны, брат-командор! — со знанием дела тихо проговорил за спиной Грумуж. — Дождаться утра, когда живой волкодлак обратно человеком становится, а мертвый навечно в шкуре своей поганой застывает....

— Да кто знал! — Андрей пожал плечами, краем глаза наблюдая за столпившимися крестоносцами.

«Во, как смотрят?! — с удовлетворением он крякнул. — Ловко я про того волка ввернул, пропиарился, пиараст хренов — у всех рожи махом вытянулись, хотя куда уж больше. Велемир ведь говорил, что этот мутант, которого я по дури завалил, в здешних местах страху нагонял немало. А тем весомей станет мне почет и уважение среди крестоносцев. Хотя опять же вопрос вырисовывается — а оно надо?! Нас тут и так неплохо кормят».

— Меч у тебя святой, брат-командор, и недаром тебя нашел. Недаром, — еще раз пробормотал священник, задумчиво глядя на оборотня. И скомандовал обступившим его и Андрея со всех сторон крестоносцам ясным и звучным голосом, властно:

— В яму волкодлака сего немедленно кинуть и осиновый кол в грудь забить, дабы эта погань снова не поднялась. И камнями закидайте! Нет, постойте! В яме костер разожгите, хвороста побольше накидайте — спалим поганца! А потом засыплем и кол в останки вобьем!

Крестоносцы разом очнулись от столбняка, засуетились, собирая сушняк. Грумуж и Велемир с некоторой опаской склонились и, крепко взяв оборотня за ноги, собрались поволочь его к яме.

— Постойте! — от хлесткой команды они остановились и вопросительно посмотрели на Андрея, а тот наклонился над телом и протянул руку к золотому поясу.

— Постойте, брат-командор, — тут же встрял священник. — Зачем вам брать этот бесовский пояс?!

— Вместо шкуры, — отрезал Андрей и уже приготовился расстегнуть замысловатую пряжку из тусклого желтого металла. Дороговатую вещь носил на себе ученик колдуна.

«Как же эта штука работает? Нужно будет потом разобраться...»

— Постой, сын мой, — отец Павел извлек небольшую баклажку и вытащил из нее пробку. — Сними пояс, но голыми ладонями не трогай. Через тряпицу снимай. Я его святою водою окроплю.

Андрей кивнул, взял протянутую Грумужем тряпку и после нескольких секунд легко расстегнул ремень. Чуть дернул рукой, вытаскивая его из-под мертвого тела. Отец Павел тут же склонился над поясом, стал читать молитву, потом побрызгал водою из баклажки.

— Ну и дела, — только и сказал Андрей, разглядывая тонкие струйки дыма, что вились от тусклого золота, распадаясь на клубки.

— Вот видишь, брат, что святая вода делает?! — Отец Павел выпрямился и торжествующе посмотрел на него.

Андрей усмехнулся:

— Еще одна проверка не помешает, — и прикоснулся к поясу своим клинком. Процесс изгнания колдовства пошел по новой. Но дымок выполз вяловато и тут же прекратился.

— Остаточные явления, — пробормотал Андрей и попросил священника: — Ты его снова полей.

Старик еще раз побрызгал святой водой, но ничего больше не случилось. Андрей для дополнительной проверки снова пустил в ход клинок, но результат был аналогичным.

— Теперь можно и взять, — разрешил священник, и Андрей поднял пояс. Тяжелая оказалась вещица, склепанная из золотых пластинок, покрытых вычурными узорами каких-то непонятных рун и узоров.

— Ты все же не носи эту гадость, брат-командор. Лучше...

— Ее пустить в переплавку, а золото сбыть пану Сартскому? — Андрей зло сплюнул и шепотом на ухо старику добавил: — Для него оно как раз будет — все ему и вернется!

— Ты думаешь...

Священник вскинулся, но тут же осекся. Взгляд стал твердым, как клинок, он буквально пронизывал Андрея.

— Я не думаю, брат Павел. Я это знаю, — тихо, но веско произнес Андрей, скривив губы в недоброй улыбке.

— Тогда зло должно вернуться обратно тому, кто его выпустил...

Старик сгорбился, будто взвалил на свои плечи мешок с непосильной ношей, и пошел к яме, в которую крестоносцы уже натащали груды хвороста. Туда же отволокли и голое тело оборотня, с размаху бросили на сушняк и тут же запалили факелами с четырех сторон.

Огонь резво принялся за дело, практически не давая дыма. Жар от пламени вскоре стал сильным, и крестоносцы отошли от костра. И когда огненные языки добрались до тела, то повалили клубы черного дыма.

Мертвое тело оборотня словно ожило в пламени. Глаза открылись, губы зашевелились, как будто он читал заклинания или изрыгал проклятия, кулаки сжались.

— Молитву, — отец Павел вскрикнул, поднимая над огнем крест, — молитву громче читайте!

Его окрика не понадобилось, оторопевшие орденцы сами стали громко читать молитву. Огонь тут же разошелся, дым пропал, и тело стало исчезать, таять, пожираемое огромным покрывалом пламени.

И тут же где-то рядом раздался пронзительный волчий вой, леденящий душу даже у храбрецов. И разом замерли сердца, а руки непроизвольно ухватились за оружие...

— Ваша светлость! Угры! Десятка три! В двух верстах от нас, словаки с ними бьются на склоне!

«Синий» осадил коня, лицо дышало молодой отвагой. Глаза лихие, с видимой, не затухшей от скачки обидой — товарищи в схватку кинулись своих выручать, а его в который раз за помощью отправили.

— Тридцать всего?! — Андрей на секунду задумался и тряхнул кудрями: — Мой шлем, Арни! Мы атакуем, братья!

Спешиваться было не нужно — он ехал на своем ушлом гнедом, пусть знает, сволочь ушастая, кто из них хозяин. Да и свой норов жеребец проявлял от безделья, а потому Андрей его решил чаще нагружать, памятуя, что солдат без работы — преступник. Поговорка эта подходила как нельзя лучше и в этом случае...

Пришпорив коня, командор помчался в бой. И снова в первом ряду, рядом с отцом Павлом, прикрывшись щитом и склонив копье. За ними поспевал десяток орденцев в красных плащах, по двое в ряд на узкой дорожке. Еще трое крестоносцев остались при выючных лошадях. Сильно уменьшился за эти дни их и без того небольшой отряд!

Дорога промелькнула в одно мгновение — и дюжина всадников выскочила из-за поворота на довольно пологий склон. В прорезь железного шлема Андрей увидел схватку — с полтора десятка спешенных всадников, держа в руках чуть искривленные мечи и небольшие круглые щиты, упорно лезли на небольшую скалу по осыпи.

Наверху было всего несколько человек, трое или четверо, в разноцветных плащах, которые бросали в угров валуны. И иной раз попадали — Андрей видел, как небольшой камень прилетел одному из штурмующих в шлем, и тот, оглушенный, скатился к подножию, впрочем, тут же вскочил на ноги.

Чуть в стороне с десяток угров ожесточенно рубился с четверкой орденцев. Всадники метались между доброй полудюжиной брошенных словаками повозок, запряженных усталыми крестьянскими лошадками.

Было видно, что нападения обозники не ожидали — возниц порубили прямо у телег. Рядом с ними безвольной куклой лежал на земле крестоносец в синем плаще. И это взъярило Андрея больше всего — за короткий поход из десятка конных стрелков у него осталась ровно половина.

— Кто против Бога и ордена!

От яростного крика атакующих крестоносцев угры смешались и порскнули по сторонам. Но было уже поздно — добрую половину всадников орденцы легко опрокинули и просто стоптали. И тут же набросились на спешенных магометан, благо те ударились в панику, увидев нового, более грозного для себя противника.

— У, вашу мать! — Андрей взревел и направил копье в спину убегающего угра.

И удар получился — острый наконечник пробил беглеца насквозь. Копье вырвало из рук, и Андрей, уже наученный горьким опытом, выхватил шестопер. Вот только жертвы под удар граненого набалдашника не нашлось, вокруг были только красные плащи.

— Стой, поганец! Тпру!!!

Жеребец впервые за эти два месяца его сразу послушался, и Андрей облегченно вздохнул — идя в бой, он больше боялся этого копытного поганца, чем врага. Но тот, к нескрываемому облегчению, повел себя сегодня на удивление толерантно и послушно.

Кто-то из орденцев взял коня под уздцы, верный Арни тут же придержал стремя, и Андрей в два приема степенно слез с гнедого, блюдя свое новое положение. Зато отец Павел лихо

соскочил с седла — за время похода старик будто бы обрел вторую молодость.

— Ушли, брат-командор! Не догнали! — Иржи осадил коня рядом с Андреем и спрыгнул с седла. Склонил виновато седеющую голову.

— Ну и хрен с ними, — грубовато отозвался Андрей. — Пока помощь приведут, мы уже у «Трех дубов» будем. Ведь так, брат Павел?

— Тут осталось с десяток верст, до вечера дойдем, ваша светлость!

Андрей удивленно вскинул брови — не ожидал от старого священника такой официальности, но сообразил сразу, увидев, что к ним со склона спускаются оборонявшиеся там словаки.

Всего четверо, все в броне. Трое крепких мужчин и один юноша, очень хрупкого сложения, еле переставляющий ноги и поддерживаемый под руки своими товарищами — то ли устал парень с непривычки, то ли получил ранение.

— Отец Павел, — звонким голоском воскликнул юноша и бросился к старому священнику, встав перед ним на колени.

Островерхий шлем свалился с его головы, и по плечам рассыпались длинные волосы. Андрей на секунду онемел от изумления — какой-такой юноша, это ж...

— Я рад тебя видеть, дочь моя, — звучно сказал священник и протянул руку, над которой девица склонилась, коснувшись губами.

— И я... Вы спасли нас, отче! Я уже думала, что погибну, как мои несчастные слуги...

Девушка заплакала навзрыд, прижавшись щекой к старицкой ладони, а отец Павел левой рукой стал ее гладить по волосам, утешая и что-то тихо шепча ей, склонившись, — Андрей не мог разобрать, что именно, хотя стоял рядом. Но тут думать не приходилось — что может сказать старый пастырь и воин молодой девушке, на глазах которой гибли ее люди, возможно, близкие ее сердцу.

— Его светлость командор и глава ордена Святого Креста брат Андреас, — негромко произнес Арни, и три подошедших к ним словака, на секунду переглянувшись с видом крайнего изумления, тут же рухнули на одно колено, словно подсеченные, и низко склонили перед ним свои головы, одним движением руки сняв с них шлемы.

— Благословите, святой отец!

От сказанных слов Андрей чуть было не поперхнулся, но раз однажды взялся играть эту роль, то теперь придется быть в маске до самого конца. Тем паче, что и орденцы, стоявшие рядом, словно по негласной команде, преклонили перед ним колени.

— Благословляю вас, дети мои, — невнятно произнес Андрей и забормотал слова молитвы, осеняя воинов крестным знамением. Ему было уже не стыдно, вообще-то он научился прятать под отеческой маской горечь от невольной лжи, к которой его принудили обстоятельства.

А сам краешком глаза смотрел на молодую женщину, девушку, что с широко распахнутыми глазами смотрела на него. У него замерло сердце — настолько она показалась ему прекрасной.

Чудесные пряди русых волос обрамляли личико с ямочками на щеках, немного перемазанных дорожной пылью. Пухлые губы что-то шептали, а голубые глаза светились такой небесной лазурью, что на груди разом полегчало, а сердце лихорадочно забилося.

Андрей почувствовал, что жар прилил к его щекам, но ничего поделать с собой не мог. Он влюбился в эту обворожительную паненку, влюбился с первого взгляда, окончательно и бесповоротно.

«Успокойся, старик, ты не в ее вкусе, — собрав всю свою волю в кулак, осадил он нахлынувшую страсть. — Ты ей в отцы годишься, а не в любовники. Да и целибат у тебя! И посмотри — трупы кругом, а ты о чем думать стал, казанова хренов?!»

— Дай прикоснуться губами к твоему благословенному плащу, святой отец! — Дрожащий

голос юной женщины словно вылил ведро бензина на дымящиеся угли кое-как притушенного в душе пожара. — Дай припасть к твоим коленям, отче!

Андрей не успел отвернуться, как молодая женщина опустилась перед ним и крепко прижалась грудью к его коленям, обхватив их руками, поцеловала запыленный плащ.

Затем ее щека, очень горячая, он почувствовал ее через одежду, прямо обжигающая — плоть, и так бунтующая от добровольно-принудительного celibата, этого прикосновения не выдержала и воспрянула, к его великому ужасу.

— Не плачь, дочь моя, не п-пл-лачь, — заикаясь от стыда и кое-как сдерживая яростное возбуждение, Андрей с силою развел ее руки и поднял с колен.

Паненка продолжала плакать, и Андрей вздохнул с нескрываемым облегчением — он серьезно опасался, что женщина почувствует через ткань его неслыханный позор. Но вроде пронесло...

— Ваша светлость, вы вовремя спасли нас. Я вам так благодарна! — Молодая пани продолжала плакать, и Андрей уже совершенно по-отцовски бережно гладил ее по волосам, утешая.

Но держался от девушки на приличном для интимного разговора расстоянии — возбуждение еще не схлынуло, а еле сдерживаемая плоть продолжала бунтовать.

— Вы куда шли, дочь моя? — спросил Андрей, желая перевести разговор на другие рельсы.

— В орденский замок у «Трех дубов», отче. Мой деверь...

Молодая женщина дернулась в его руках, лицо стало жалобным, и она разрыдалась. Андрей продолжал ее поглаживать, выказывая участие, но внутри, в душе, все оледенело.

«Деверь?! Это вроде как брат мужа?! Да, так и есть. Выходит, эта пани замужем?! Как мне не повезло!»

Вот теперь мимолетное похотливое желание, на миг овладевшее им, схлынуло. И не в силах добиться ответа от паненки, он с суровостью во взоре посмотрел на словака в дрянненькой кольчуге, в плохо «заштопанных» кузнецом прорехах. На двух других воинах, помоложе возрастом, были обычные здесь кожаные доспехи, а значит, вряд ли они могли командовать этим маленьким отрядом.

— Наш замок обложили угры, ваша светлость, — тихим, виноватым голосом заговорил словак, не зная, куда девать свои большие, явно мужицкие ладони, больше привыкшие к лопате и топору, чем к мечу.

— Карл Повонский приказал нам увести пани Милицу, отрядил дюжину воинов, хотя в замке осталось всего три десятка... И сам вывел нас подземным ходом. А в лощине оказалась засада...

Воин тяжело сглотнул, дернув кадыком, пальцы с хрустом сжались в кулак — было видно, что он тяжело переживает случившееся. Андрей мог только посочувствовать, но даже этого делать не стал — для этого воина даже с участием сказанные слова могут стать оскорблением.

— Господин наш пал с мечом в руке, с ним погибла и половина ратных. Мы же уходили в горы, спасая пани. Отсиделись там три дня и двинулись по тропе к орденскому замку, ваша светлость. Пришли сюда, а здесь эти несчастные селяне...

Андрей только крикнул — их отряд не успел подойти на помощь, и за это опоздание потеряли свои жизни два десятка крестьян — мужчин, женщин, стариков и детей, polegших всем скопом под мечами.

Спасать было некого! Он даже не смотрел в ту сторону — вид изрубленных людей, над которыми, несмотря на позднюю осень, роились скопища мух, был тягостен не только для него, но и для всех крестоносцев.

— Мы забрались на скалу, — словак снова сглотнул, — и отбивались два дня. Потеряли

еще троих. Нас бы перебили из луков, но угры стрел не метали. Они, видно, хотели взять живьем нашу пани. Да и штурмовать наше убежище решили только раз, и то неудачно. Отбились сразу. И вот сегодня они снова пошли на приступ, а тут, ваша светлость, и вы с отрядом подоспели.

— Вы наш спаситель, — промолвила женщина, но таким голосом, что внутри Андрея все возликовало. — Я потеряла два года тому назад мужа, нынче деверя и замок. Вы, и только вы один!

Она так посмотрела на него, что Андрей чуть ли не подпрыгнул на месте. Пани оказалась вдовой уже пару лет и, видно, отошла от горя, раз так глядит. И с благодарностью, и с обещанием чего-то другого.

— Сегодня могли надругаться и надо мною, отправив в гарем какого-нибудь эмира...

— Пани Милица приказала нам ее убить, последнему из нас, кто бы остался в живых, когда угры взобрались бы на скалу, — тихо произнес воин.

— Вам нет нужды умирать, милая, — нарочито громко произнес Андрей, чувствуя, как податливо обмякло ее тело под ладонью. — Вы хотели попасть в «Три дуба»?! Мы идем туда и сопроводим вас. Вы в полной безопасности под нашей охраной.

— Благодарю вас, доблестный командор, самый славный и лучший меч крестоносцев. Ведь так о вас говорили?! И по праву, в этом и я убедилась. — Женщина снова склонилась перед ним, подставив ему на обозрение макушку, прикрытую чудными волосами. И, нежно взяв его грубую и большую ладонь своими бархатными ручками, прикоснулась к ней своими губами, но уже не сухими, а влажными.

Андрей всем естеством ощутил это прикосновение, и едва не затрясся от нахлынувшего желания, и заскрежетал зубами от еле сдерживаемого в одном месте зуда.

«Ох уж этот целибат!»

Орденский замок оказался таким, каким Андрей его видел в давешнем сне. Вещем, как он теперь полностью убедился. Только маленькую твердыню еще не взяли штурмом угры и не убили его самого на одной из площадок башни, расстреляв в упор из мощных луков.

— Или сон был не совсем вещий?

Андрей задумчиво оглядывал невысокие стены, ворота из дубовых плах, окованных железом, массивную решетку, скованную в виде причудливых узоров, маленький внутренний дворик с постройками и большой каменной коновязью.

Круглый колодец, облицованный булыжниками, был точно там же, как он видел во сне: ровно посреди внутреннего двора. И башня, что возвышалась над небольшой горой, где на склоне величаво росли три огромных дуба, давших название замку.

Его глаза остановились над развевавшимся над крепостными воротами орденском флаге, лениво трепыхавшемся под плачущим карпатским небом. Поздняя осень и здесь унылая пора...

— Ведь волкодлака я по пути сюда убил? Убил! И пояс с него снял! — Андрей горделиво усмехнулся, погладив кончиками пальцев золотые пластинки ремня, своего законного трофея.

И хоть отцу Павлу такой его шаг сильно не понравился, зато всем остальным орденцам он пришелся по вкусу. В этом мире любили бросать вот такой вызов врагам, и не важно — людям ли или нечистой силе.

— И, следовательно, не придет этот парень с вороном в замок, который, может быть, и удержится. Будущее мне показали, но в то же время дали возможность изменить его, — твердым голосом, но шепотом произнес Андрей, только вот полной уверенности в истинности своего умозаключения он не испытывал.

Казалось, что он сам себя в чем-то горячо убеждает, лишь бы не предаться напрасному отчаянию. Мало ли что могло ему присниться, вот только слишком многое тогда походило на явь...

— Вы вовремя пришли сюда, брат-командор, — довольно зрелых лет рыцарь, явно перешагнувший за сороковник, неспешно, грохоча железом доспеха, поднялся по лестнице на стену, где стоял Андрей.

— Мы уже и не чаяли пересидеть эту осень. Хлеба ведь совсем нет, припасов никаких не сделали, сена лошадям тоже не накопили. Выпасаем их помаленьку, пока трава есть. А как заметет? Только остается на склонах пасти, где ветер снег сбивает. К весне они все истощают, забивать придется. Крестьяне наши отсюда ушли — угры постоянно рыщут, уводят замешкавшихся в полон. Не продержимся здесь...

И такая лютая и безысходная тоска прозвучала в его голосе, что Андрей поморщился. Оно и понятно — «копье» брата Вацлава вот уже пять лет только отбивалось, почти не получая помощи от ордена, который сам влачил жалкое существование.

И если бы не местные словаки, сами познавшие войну и нужду, а потому делящиеся последним, замок бы давно пал. И гарнизон погиб — крестоносцы свои крепости защищали до крайности, и только смерть избавляла их от присяги.

Потому необходимо не только встряхнуть рыцаря и обороняющих замок крестоносцев, но дать им снова почувствовать уверенность и в собственных силах, и в мощи возрождаемого ордена. И Андрей заговорил с комендантом нарочито бодрым голосом:

— Ты тут панихиду мне не пой, брат Вацлав! Я сам хорошо петь умею и даже сплясать могу. Что держишь замок, хорошо. А припасов нет... Так будут, прах подери. Мы две сотни возов сюда привели, по словацким замкам продовольствие определили. Как снег выпадет и зима

установится, местные паны тебе полсотни повозок уделят от щедрот своих. Зерно, сено и соления с копчениями доставят. Угров ведь зимою не будет?

— Они на равнину уходят, это так, — немного повеселевшим, еще не верящим в услышанное голосом произнес рыцарь, — не воюют они по снегу, не любят. А вот весной нагрянут...

— Ну и что?! Пусть приходят, мы успеем подготовиться! — Андрей со всей силы стукнул кулаком по своей ладони. — Впервой, что ли? Два десятка воинов тебе местные паны в замок дадут, по эту сторону гор, от Поборского до твоего замка, они все вассалами ордена стали. Сами перешли под наше покровительство, хотя папская булла у меня есть...

— Даже так?! — Орденец искренне удивился. — Святейший отец передал эти земли нам?!

— Ага. Нунций, что в Кракове сидит, бумагу за своей подписью дал. Я тебе еще «копье» брата Райтенберга отправлю — он недавно присягу принял, но рыцарь умелый. Сейчас в Поборское обоз наш сопровождает с лучниками. И еще подкреплений тебе отправлю, вот только с паном Сартским вопросы некоторые еще урегулировать нужно.

— На Белогорье опять посягает?

— Не опять, а снова! — Андрей, склонив голову, прищурился. — Но уже не посягает, мир нам предлагает... Подарки богатые привез, магистерскую цепь вернул...

— Скотина он изрядная! — Вацлав нахмурился. — Наврал нам с три короба! Мог бы и раньше нашу святыню отдать!

— Мерзавец, конечно. Такие силу только уважают, и когда мы ее показали, враз успокоился. А потому, если за горами все устаканится, — он быстро поправился, поймав недоуменный взгляд крестоносца, — то есть успокоится, в нормальную колену войдет, можешь рассчитывать на изрядное приращение собственной силы.

— Что ты отправишь нам в помощь, брат-командор? — Вопрос прозвучал и с отчаянной надеждой, и с затаенным страхом, и, как показалось Андрею, подспудно с определенным скепсисом. Видимо, не верил уже рыцарь в столь скорое возрождение силы ордена.

— С весны сюда придут полсотни белогорских лучников и будут у тебя до зимы, меняясь каждые три месяца. Кроме «копья» Райтенберга отдам вам десяток белогорских «синих», и еще столько же соберем с тех местных селян, что без панов остались. — Андрей небрежно перечислял, наблюдая краем глаза, как вытягивалось лицо рыцаря. — Тут три сельца мне напрямую присягнули, а в них тысяча душ живет, не меньше. И еще сотню лучников они обязательно выставят, только подождать нужно, пока их обучим. Брат Павел, надеюсь, уже поведал тебе, как мы белогорских крестьян на орденскую службу призвали?

— Да! — Вацлав склонил поверженно голову. — Вдохнул ты новую жизнь в орден, брат-командор! Хотя до сих пор в голове не укладывается, как паны, тот же Сартский, не попытались тебе воспрепятствовать. Ведь тисовые длинные луки и арбалеты под запретом!

— Так не крестьянам же их даем, а новым орденским «серым». — Андрей пожал плечами. — Все по закону — они несут службу, причем поголовную для молодежи, и потому имеют полное право на такое оружие. И ты, — он похлопал по плечу рыцаря, — на этих селян рассчитывай, да и словаки в случае чего помогут. У наших новых вассалов семь «копий», да ополченцев могут выставить до трех сотен. Последних мы взятыми угорскими луками и нашими арбалетами вооружим. Благо недостатка в них сейчас здесь нет — мы почти две сотни угров насмерть побиили, пока сюда шли. С десятков возов оружием так нагрузили, что кони еле-еле поволокли.

Андрей усмехнулся краешками губ, глядя, как просветляется исхудавшее лицо брата Вацлава, что вступил в орден еще до Каталауна. Наверное, с той еще поры рыцарь не слышал столь приятных и обнадеживающих слов, подкрепленных делами, конечно. А так ну очень

многое крестоносцам обещали церковники и местные светские владыки, вот только обещанного три года ждут по поговорке, а в жизни этот процесс может растягиваться по времени надолго, вплоть до вечности, которая, как в песне поется, у солдата впереди.

— И запомни, брат Вацлав, — Андрей остановился, как бы подчеркивая весомость того, что будет сказано вслед за этим, — хватит нам тут только отбиваться. Пора в наступление переходить! Твой замок в самом конце долины, так?! А в начале что?

— Там два замка, — рыцарь указал со стены на запад, — один в трех, другой в семи верстах. Пока словаки их держали, в долине более-менее хлеб растили. Но первый угры штурмом взяли, а второй пан Казимеж сам оставил и людей увел. Ему за горами пан Завойский под Старицей земли отдал.

— Подручным стал... — Андрей скривил губы в усмешке, а Вацлав на это пожал плечами, как бы заметив: «Зачем осуждать человека, что десять лет в одиночку держал вход в долину? Он выбрал для своей семьи жизнь, пусть и придется ему ходить в панских приживальщиках».

Но ответил рыцарь иное:

— У нас просто нет сил. В замке со мною только девять воинов, старик да брат с сестрой, совсем молодешеньки приبلудились. Даже с помощью, что ты обещаешь, мы те два замка не удержим. Тем паче один долго восстанавливать придется, да и второй не в лучшем виде — ворота выбиты, башня частично порушена уграми.

— Хреново! Но попробовать нужно, — только и ответил Андрей. — В горах народ теснится без толку, жрать нечего, голод за глотку возьмет, если не в этом году, то в следующем. С Белогорья много не навозишь, да и денег у нас почти нет. Помощь вряд ли будет, ну, может, несколько рыцарей в орден вступят. А потому, брат Вацлав, нужно надеяться только на себя, на свои ресурсы... И думать... Хорошо думать, как все устроить...

Андрей отвернулся и надолго замолчал. Говорить дальше было не о чем — ничего хорошего в будущем орден не ждало. Так, трепыхание долгое, что и конвульсиями не назовешь, но и полноценной жизнью тоже. Борьба за существование, короче, и тяжкий камень на шее в виде закарпатских земель, что живьем поедает войнственными и многочисленными уграми.

Молча стояли рыцари на башне — Вацлав не мешал размышлениям командора о делах, Андрей же с напряженным вниманием следил за Милицей, что вышла прогуляться во двор, погреться в последние теплые деньки уходящей осени. Ведь ее ждет холодная зима в каменных замковых стенах...

— Забери пани с собой, брат-командор! — Вацлав словно прочитал его мысли, но голос был просящим. — Не гоже Милице в нашем замке зимовать, зачем ей здесь страдать, да и нам тоже...

— То есть как это понимать прикажешь?

Андрей удивился сказанному, и особенно тому, что рыцарь не договорил, умолчал. Лицо брата Вацлава внезапно ожесточилось — с таким видом обычно режут правду в глаза.

— Несчастье она одно приносит. Мыкается по замкам, как ей родичи в приюте отказать могут?! — Вацлав хмуро говорил, опустив голову и не глядя Андрею в глаза. — А горезлосчастье следом идет — то замок угры возьмут, то еще беда какая-нибудь случится. В последнем, говаривали, после ее появления то ли мор случился, то ли еще какая напасть... Даже священник Богу душу отдал, а их и так мало у нас осталось... Не идет никто на верную гибель... Судачили о том, что он в нее влюбился и не смог побороть искушения... Прости Господи! — Вацлав торопливо перекрестился и, как показалось Андрею, еле удержался от того, чтобы не сплюнуть через плечо. — И замуж потому ее не берут — трижды выходила, и все супруги сгибли. Вот так-то, брат-командор! Забери ты ее от греха подальше. К пану Сартскому отправь, он ей дальним родичем приходится! Пусть приют даст...

При упоминании имени заклятого недруга голос Вацлава чуть задрожал от радости, а глаза сузились, будто несбыточное желание осуществилось — и теперь Сартскому придется расхлебывать все подлянки судьбы, что привезет ему несчастная пани.

— И прости, брат-командор! Уезжал бы ты отсюда поскорее. Мало ли что, вдруг угры на последний набег решатся. Замок, конечно, не возьмут, нас тут втрое больше стало, зато до снега сидеть в осаде будем. А зимой в горах тяжела будет обратная дорога в Белогорье. Ты там нужен, ваша светлость, а не здесь. Езжай, брат-командор, очень тебя прошу. Маятно у меня на душе, как бы что худое не вышло. Уезжай уже завтра, брат!

Вацлав с мольбой взглянул на нахмурившегося Андрея. И видя сомнение на его лице, усилил нажим:

— Сам тут справлюсь, невелики труды. Зато на сердце спокойнее враз станет. И пани Милицу заberi с собою, нечего ей в нашем замке делать. Прошу тебя...

У Вацлава так жалобно задрожал голос, что Андрей осознал — рыцарь действительно будет чувствовать себя намного лучше, если он немедленно уберется из крепости.

Да и прав здешний комендант на все сто процентов — делать ему в этом «медвежьем углу» совершенно нечего. Так, произвел инспекторскую поездку, ознакомился с обстановкой на местах, пора и честь знать. И дела в Белогорье ждут, и опасно там — мало ли какая моча в голову пана Сартского ударит, хлопот потом не оберешься.

— Хорошо, — коротко ответил он, приняв решение. — Завтра я и мои люди уйдем из замка и с собой заберем паненку. Тебе оставим пять «синих» и полдюжины орденских арбалетчиков. Справишься?

— Да, брат-командор, — голос Вацлава задрожал от ликующих ноток. — Замок мы удержим, ведь вдвое больше воинов станет!

— А где сейчас брат Павел?

— Он в часовне убирается да в порядок ее приводит. — Вацлав махнул в сторону башни. — Мы там молимся всегда, но вот пастырской службы уже полгода не было. Хотя этот грех Господь воинам отпускает, но грешно и тягостно столь долгое время без исповеди и причастия воевать.

— Завтра и помолимся все, службу отстоим.

— Хорошо бы, брат-командор! — Вацлав искоса глянул на лицо Андрея и тихо спросил: — Когда ты к нам помощь отправишь?

— Как землю морозцем прихватит, брат Зигмунд фон Райтенберг обоз с продовольствием и фуражом сюда приведет, да я из Белогорья «синих» отправлю. Ничего, выстоим!

Андрей уверенно положил ладонь на чуть дрогнувшее плечо рыцаря, а сам посмотрел на горы, украшенные в желто-коричневые цвета уходящей осени. И на долину, где иногда встречался и серый цвет — то тут, то там изредка выступали небольшие скальники и осыпи.

Может быть, он и не углядел, но в тот момент Андрей смотрел на юг, куда уходила долина. Там, далеко от него, была равнина, но не христианской, а мусульманской Венгрии, или Угорщины, как ее здесь сейчас называли на древнеславянский лад.

— А это что такое? Никак твои дозорные скачут сюда? — Вацлав прищурился, вглядываясь.

Андрей присмотрелся и тоже увидел два маленьких красных пятнышка, что мелькали среди желто-коричневого фона. И подумал, что нужно что-то придумать с орденскими плащами — слишком бросался в глаза алый цвет.

— Никак угры пожаловали?! Пся крев! — Вацлав чуть ли не сплюнул, но сдержался. Лицо рыцаря ожесточилось, он громко закричал с башни копошащимся во дворе крестоносцам:

— Открывайте ворота, братья! Наши дозорные скачут! Готовьтесь к бою — угры сюда идут!

Во дворе тут же началась суета, но спокойная и деловитая. Воины хорошо знали, что им делать, да и давно привыкли жить под ежедневной угрозой внезапного набега. А Вацлав с тоскою посмотрел на командора и тихо сказал ему, чуть ли не шепотом:

— Как тут не поверить, брат?! Потому-то я и просил тебя уехать из замка и немедленно увезти Милицу... Она вечно всех под монастырь подводит... Господи, прости меня грешного...

— Оборзели, поганцы! Расположились, будто у себя дома, конину едят!

Андрей внимательно оглядывал растущий прямо на глазах лагерь угров. Три десятка повозок, столько же шатров, значительный табун лошадей, и про запас, и на еду, как выяснилось. И костры везде, на которых осаждающие готовили себе то ли поздний обед, то ли ранний ужин.

Сотня легковооруженных угров блокировала замок одной половиной, пока вторая полусотня с подошедшим обозом занималась обустройством лагеря.

Большой отряд, вполне достаточный для взятия маленькой крепостицы. Вот только неприятель на этот раз приступил к делу очень серьезно и обстоятельно — далеко в долине была видна извивающаяся длинная колонна всадников. Первая треть всадников неспешно шла в сверкающих на солнце доспехах, а дальше, вплоть до хвоста, все было черное, как те угры, что уже подступили к «Трем дубам».

Андрею даже показалось, будто сказочный змей полз к орденскому замку, толстый, обожравшийся, с головой, покрытой блестящей железной чешуей и смертельно опасный.

— Гулямы! Целая сотня, Боже мой! И еще с ними сотни три угров, никак не меньше, — севшим голосом кое-как прохрипел Вацлав, повернув к Андрею побледневшее лицо.

Андрей сдержался, дабы не уронить авторитет, а сердце внутри сжалось ледяным комком, он уже слышал про личную гвардию халифов много интересного, что не могло не вызвать заочного почтения к ним вперемешку с опаской.

Тяжеловооруженная арабская кавалерия ничем не уступала рыцарям, даже превосходила их. Нет, не в мастерстве или вооружении каждого отдельно взятого всадника, а умением действовать на поле боя в едином строю, дисциплинированностью и выучкой.

Именно после первых столкновений с гулямами христиане убедились в их силе — храбрые, но недисциплинированные рыцари, стремясь показать свою доблесть, часто ломали строй и не могли отразить удар слитной массы гулямов, которые буквально сносили противника организованным и монолитным ударом.

Страшный враг, противостоять которому могли только тевтонские «братья» и крестоносцы — в рыцарских орденах тоже главным считалась не личная храбрость с доблестью, хотя она присутствовала, а умение наносить мощные и согласованные удары «копьями» и четко выполнять отданные командорами приказы.

— А ведь мы сами попались в ловушку, братья. Они нас ждали! — тихо сказал отец Павел и с печалью взглянул на изрядно ошарашенных таким заявлением Андрея и Вацлава.

— Да, ждали, — старый рыцарь потерябил бороду. — Смотрите — появилась сотня угров, обложила крепость. И тут же подошел обоз с готовыми лестницами. И уже делают таран! Так скоро подвели?! Не смешите! И гулямы по нашу душу еще прибыли, целой сотней! Откуда они здесь взялись? Я их последний раз на Католаунских полях воочию зрел! Вот так запросто лучших воинов халифа в горы двинуть?! Наобум?! С чего бы это?!

— Ты прав, брат Павел, — глухо после некоторого раздумья отозвался Вацлав. И с немым вопросом посмотрел на Андрея. Тот только скривился в ответ гримасой, пожав плечами, а сам размышлял:

«А ведь похоже на правду. Весьма похоже. Нам просто подставили те два отряда, посмотрели, как мы их расплющим. И скрытно наблюдали, не могли не отслеживать маршрут. Грамотно „пасли“, так что мы ничего не заметили — а ведь среди крестоносцев бывалые солдаты, знающие что почем. А потому я сделал большую ошибку, забравшись сюда. Теперь

меня отсюда не выпустят, не дадут уйти в горы к своим. Хотя...»

Шальная догадка молнией блеснула в голове.

«Твою мать, как же я забыл! Тут же подземный ход есть!»

— Ты прав, брат Вацлав! — Андрей посмотрел на ожесточившегося лицом рыцаря, прекрасно понимая, что тому несладко — ответственность за жизнь командира всегда давит тяжелой ношей. — Мне следовало уехать еще вчера. Ну что ж, уйду сегодня ночью!

— Как, брат-командор? — Удивление коменданта было искренним. — Мы не сможем через них прорваться! Будь угры, мы проломили бы дорогу в горы, ударив в копья, но перед нами гулямы! Если ты прикажешь, мы сложим головы в поле, но прорыва не будет. А если останемся на стенах, то магометане потеряют намного больше воинов. Замок им будет очень трудно взять, ведь нас здесь три десятка. Вот только продовольствия мало, но коней под нож пустить можем...

— При чем здесь это? Я не предлагал прорываться через ворота! Пока до низины спустимся, гулямы нам клапан перекроют — сам прекрасно понимаю. Я хочу покинуть крепость через подземный ход...

— Здесь уже нет хода, брат-командор! — Вацлав наклонился и показал рукою во двор, на заделанную досками нишу в крепостной стене. — Он обвалился два года назад, а расчистить мы не смогли. Прости...

— А воспользоваться тайным ходом с башни?!

Андрей прекрасно помнил ночной сон и был уверен в его правдивости. Вот только оба рыцаря на этот счет имели совершенно иное мнение, вытаращив на него глаза и пребывая в полном изумлении.

— Какой ход из башни, брат-командор?!

— Тут его никогда не было, сын мой. Я подвал хорошо знаю...

— Да вы че?! — Андрей усомнился на секунду — привиделось ему, что ли, во сне, померещилось? Но раз уже сбылось многое, то, может, и с ходами не совсем ясно. Он же прекрасно помнил подвал башни. — Так, братья! Давайте спустимся вниз и посмотрим!

— Там голые стены, брат-командор, поверь! — Вацлав упрямо покачал головой. — Я много лет здесь комендантом служу!

— Ты ничего не путаешь, сын мой?! Откуда ты взял, что в башне есть еще один ход?! — Священник на него посмотрел, как на спятившего.

— От верблюда, брат Павел. Пойдемте вниз, посмотрим. — Андрей решительно отправился шагать по винтовой лестнице, а недоумевающие рыцари, переглянувшись, отправились за ним, выполняя начальственную волю. Раз хочет командор посмотреть пустой подвал в башне, то пусть смотрит, сколько его душе угодно...

— Да уж, мираж он и есть мираж! — только и сказал Андрей, спустившись в холодный, знакомый по давнему сну, подвал.

На месте ниши с железной дверцей стояла серая каменная стена, такая же ровная, как и другие. В свете факелов было хорошо видно, что скрепляющий раствор здесь совершенно такой же, как и на других участках в подвале, как и цвет серых, покрытых капельками влаги, плохо обтесанных массивных камней.

Ничто в этой подземной темнице не свидетельствовало о том, что когда-то здесь мог быть тайный ход, заложенный и столь удачно замаскированный этой стеной. Обескураживающее открытие...

— Пусть принесут кирку и лом, — тихим, но жестким голосом попросил командор, и Вацлав не посмел ослушаться приказа. Только покачал головой, пожал плечами и поднялся по каменной лестнице наверх.

— Что с тобой, Анджей? С чего ты взял, что здесь есть ход? — Священник пристально посмотрел ему в глаза, но тут же отвел взгляд. — Ты прости меня, старика, но я не понимаю, в чем причина твоего упрямства!

— Давай сделаем так, брат Любомир! — Андрей специально назвал рыцаря мирским именем. — Мы сейчас будем долбить стену. Она шаг толщиной, не больше. За ней есть низкая дверь, обитая железными полосами. Это ход, который ведет за замок, но куда, я не знаю. Но он там есть!

— Ты уверен?

— Да! Могу даже тебе сказать, что я его видел!

— Откуда?! — Изумление было настолько сильным, что даже при слабом свете факела Андрей увидел, как округлились глаза у старика.

— Как и этот пояс, — Андрей погладил ремень, — что я взял у волкодлака! Его, кстати, я тоже видел, и колдуна. Только вот не знаю, как пояс работает! Наверное, ты его, полив святой водой, обезвредил...

— Чего? — не понял священник.

— Ну типа сломал... — засопел Андрей.

— А! — Старый рыцарь всплеснул руками. — Оно и понятно! Видел бы ты, как на одержимых бесами вода святая действует! У! Аж корежит...

— Слышь, отче, — Андрей ухмыльнулся, — а меня, часом, ты святой водицей не хотел полить? Признайся? А то пропал бы я, изошел на нет дымкой...

— Ох, брат-командор, — отец Павел покачал головой, — вот великое благо, что тебя никто не слышит!

— Да ладно! — отмахнулся Андрей. — Пояс жалко. Оборотень им сон наводил, это ворон ему сказал. И сказал, что на крест чары не действуют. Так что я знал, как не уснуть, поэтому и был спокоен.

— То-то я ломал голову, — усмехнулся священник. — Нет, ты не зря здесь оказался, майор, Господь ведал, кого занести в наш мир и когда. Ну что ж, положусь на твоё *знание*.

Старик замолчал, поглаживая бороду в задумчивости, а в подвал спустились рыцарь и все три оруженосца-телохранителя командора. Они принесли факелы, которые были немедленно воткнуты в пустующие держакы, и ломы с киркой.

— Так, орлы, — громко скомандовал Андрей. — Снимаем плащи и попеременно бьем здесь стенку. От сих до сих, — он очертил рукою проход, — глубина с руку, не больше. А потому за час управимся, это она с виду только крепкая. Главное — один камень выбить, ну два, а там легче пойдет. Ну что?! Вздвогнули, братцы, и начали!

Через полчаса Андрей уверился, что они долбят глухую стену, хотя орденцы работали с огоньком и задором, полностью доверяя своему командору.

С невероятным трудом вытащив первый валун и уже немного легче соседние, Никитин убедился, что за первой кладкой идет вторая, такая же, и что хуже всего, обе они соединены в единое целое.

— Ломайте дальше, ребята!

Голосом незабвенного Паниковского с его сакральным «Пилите, Шура, пилите — они золотые!» выдал с уверенностью Андрей, хотя последние десять минут он пребывал в твердой убежденности, что крестоносцы имеют дело с цельной стеной.

И с тоскою подумал о том, какой скандал произойдет через полчаса. Если уж не потерей авторитета для него обернется это дело, то репутация однозначно будет подмочена, и серьезно.

«Эх, была не была!»

Андрей тронул рукой Арни за плечо. Запыленный каменной крошкой оруженосец все

понял правильно и, перестав долбить стену, подал свой лом командору.

Вторым ломом работал Грумуж — изделие местных мастеров уже не годилось к работам — изогнутое, с расплюснутым концом.

Андрей покачал в руках тяжелый лом и, вложив всю силу, нанес стремительный удар. Руки трянуло, но тут неодолимая каменная преграда внезапно поддалась, лом провалился в пустоту, а он, не удержавшись на ногах, хорошо приложился лбом о стену — и даже узрел, как посыпались искры из собственных глаз. Но сознания не утратил, как и сообразительности — тут же прижал поврежденное место к холодному камню и застыл, ощущая, как холод вытягивает боль.

— Ход, брат-командор! Как ты узнал?!

— Приснилось! — сварливо отозвался Андрей, услышав ликующий крик Вацлава, что первым заглянул в отверстие, сунув туда факел.

Рыцарь прямо приплясывал на месте, не в силах сдержать обуявшее его нетерпеливое любопытство. Да оно и понятно — быть комендантом крепости несколько лет и не знать, какая тайна заключена в подвале одной-единственной башни.

— Прости меня, брат-командор, — тихо произнес священник и понуро наклонил голову. — Теперь я тебе наперекор и слова не скажу...

— Вот это зря. Меня иной раз и занести может, особенно если поворот крутой. Так что обещание это отклоняю. А теперь дайте и мне посмотреть!

Андрей отодвинул крестоносцев, что заглядывали в выбитое от камня пространство, как тинейджеры в замочную скважину. Присел рядом с ними на корточки, аккуратно затронув лоб ладонью — все же, несмотря на принятые меры, там стала набухать изрядная шишка. И больно к ней притрагиваться — прах задери!

Факел отбрасывал красные пляшущие отблески, и в них было хорошо видно низенькую дверь, обитую чуть проржавевшими железными листами, про которую и разговаривали колдун с оборотнем в том сне. Поднимаясь, он заговорил суровым приказным тоном:

— Иржи! В подвал никого не впускать! Проем раскрыть полностью! Арни — ты пойдешь со мной и Грумужем, прихвати больше факелов! Отец Павел и Вацлав останутся в замке! — Андрей развел руками. — В наказание за ваше неверие в отца-командира! Посмотрим, куда нас выведет этот лаз...

— Монахи тут прячут большое богатство. На всех хватит!

В голосе Торн-Бьерна Седоусого алчности не было, а одно лишь желание поскорее узнать, что скрывается на этой стороне горной реки, столь похожей на ледяные речки его родной страны фьордов.

А добыча — дело важное и необходимое, иначе никто из нурманов в набеге, или вики, как они их сами называли, не хаживал бы. Хотя назвать их поход удачным ярл не решился бы еще месяц назад. Страна ляхов не дала разбогатеть, хотя приплыли они сюда по приглашению мазовецкого князя, которого сильно донимали лесные пруссы.

Вот только поход оказался крайне неудачным. Хирд Седоусого уменьшился на треть и едва теперь насчитывал полторы сотни воинов, а серебро, за которым они и пошли, едва на ладони уместится. И по реке никого из местных панов не пограбишь. Потому что не выпустят обратно поляки, всех перебьют — изрядно ослабел нурманский отряд.

Воины ворчали, зализывая раны, их недовольство неудачливым ярлом росло — но лишь былые заслуги Седоусого еще держали норовистых хирдманов в повиновении.

Но тут привалил самый настоящий фарт — Торн-Бьерну предложили ограбить и пожечь один монастырь с селом, затерянные в горах. Предложение было откровенным, как и та тысяча арабских золотых монет, что немедленно вручили авансом. Вторую половину обещались вручить по окончании удачного вика.

Ярл не стал забивать голову странностью, что деньги ему передал тевтонский рыцарь-монах, а монастырь принадлежал другим монахам, тоже рыцарям, но славянским. Подумаешь — обычное явление! Брат брата за горсть золотых монет режет не задумываясь!

Но не прошло и дня, как они добрались до места, как владелец земель, знатный пан, добавил к полученной тысяче еще пять сотен золотых, аванс за предложение уничтожить тот же монастырь. Теперь Седоусый не сомневался в покровительстве Одина — «отец лжи» явно стал к нему благоволить, как в былые годы его молодости.

Хирдманы, щедро получив из его рук по дюжине золотых, мгновенно повеселели и стали рассказывать друг другу занятные истории, что слышали от своих дедов.

Давным-давно ходили викинги своими опустошительными походами на запад, к Большому Острову, а оттуда на юг, в галльские земли, когда тамошние люди еще поклонялись кресту, а не полумесяцу, как сейчас.

Ох, и богатые были монастыри — борта многовесельных, тяжело нагруженных драккаров еле поднимались из воды, когда хирды возвращались из набег в родные сердцу фьорды.

И сейчас туда ходят в походы, вот только монастырей там давно нет, зато города богатые. Но едва четверть хирдманов обратно возвращается — слишком яростно огрызаются магометане, да и весельных быстроходных шебек, набитых превосходными стрелками в панцирях, они имеют намного больше, чем северные воители драккаров.

А это худо, очень плохо. Ведь ограбить соседа — дело нехитрое, но донельзя глупое, если добро увести нельзя, если по пути перехватывают и топят. Вот потому и решил Седоусый на юг со всей своей дружиной сходить. Хотя оттуда обычно викинги возвращались несолоно хлебавши. Но ему повезло, несказанно повезло...

— Зря они на эту речку положились!

Отряхиваясь, как пес, на берег выбрался Дунгад Одно Ухо, низенький крепыш в тяжелой броне. Второе ухо он давно потерял в неудачном вике — хорошая плата, ведь многие тогда потеряли головы, без которых в отличие от уха жить невозможно.

— Угу! — согласился с ним Хёрунд Болтливый, вытягивая из воды веревку, — викинги переправлялись, крепко держась за нее. Дунгад хмыкнул — его приятель был сегодня очень «болтлив», отчего и получил прозвище, и посмотрел на ярла — тот воспрянул сказочным волком Фенриром, пытаясь разглядеть в утренней дымке заветный монастырь, больше похожий на небольшую крепость.

Местные монахи-воины оказались зело подозрительны и на свой берег по мосту переходить не разрешили. Но с викингами был поляк от пана, что объяснил этим вооруженным священникам в красных плащах с нашитыми поверх белыми крестами, что хирд идет за карпатские горы, дабы повоевать с уграми. Но есть-пить воинам в походе нужно, а потому за десяток телег с продовольствием будет щедро заплачено.

Такое предложение, подкрепленное звоном золота, было встречено доверчивыми монахами и крестьянами с воодушевлением. И уже к вечеру нурманы устроили на берегу знатный пир, забив двух приведенных бычков. Викинги не скупились, платя монетами — заранее знали, что золото к ним обратно вернется.

Слишком мало было в монастыре воинов — едва полтора десятка насчитали. Имелся еще десяток конных лучников, что ездили патрулем вдоль обрывистого каменистого берега. А на краю обширного поля из длинных луков метали днем стрелы неуклюжие мужики в сером облачении. К вечеру эти вояки ушли спать в деревню, еле волоча ноги.

Их умение вызвало гомерический хохот у Сигтрюгга Бычьей Кости и у Свертинга Одноглазого. Эта неразлучная парочка считалась самыми лучшими лучниками в отряде ярла, впрочем, других там и не было.

Не любили нурманы лук, да и сделать стоящий было чрезвычайно трудно, а уж купить тем более.

Зазорно! То ли дело взять с боя! Зато все хирдманы далеко и точно метали копья и дротики. — Сейчас по берегу. Держитесь тумана!

Донеслась тихая команда ярла, и полсотни нурманов моментально занялись привычным для себя делом, отработанным долгими тренировками.

Им предстояло с налета взять крепость, а для того забраться на ее стены с помощью «кошек» и коротких лестниц, что были переправлены через реку, и перебить десяток спящих охранников, этих ожиревших монахов, что по недоумию считают себя воинами. Носить меч и владеть им — две большие разницы.

А крепостица была нужна позарез — если ее не взять, то телеги с добром и рабов, трелей, как их называли нурманы, на тот берег не выведешь, мост-то один через реку.

Да и пан слишком хитрый, а если он вздумает добычу отнять?! Нет, не рискнет, если они ее за собой оставят. А там можно и замок отдать, бери — пользуйся! Но только тогда, когда вся добыча на драккары погружена будет. Никак не раньше.

Отпора нурманы не ждали — весь вечер местные крестьяне безмятежно возили сено, что стояло небольшими стожками, и когда сломалась одна телега, потеряв колесо, ее просто бросили на берегу, рассчитывая вернуться утром.

Вот только не будет у них доброго утра — после взятия крепостицы викинги размечут все село, ибо один доспешный и опытный нурман легко десяток мужиков истребит и даже не вспотеет.

Где-то далеко послышалось лошадиное ржание, донесся еле слышимый топот. Седоусый не удивился — он вчера видел, как с пастбища угоняли в горы табун в несколько десятков голов. Но что-то нехорошее ощутил в душе и насторожился. Плохо, когда врага еле слышишь, бурная река заглушает звуки.

Ярл поднял руку, чтобы подать сигнал, вот только не успел — ладонь дернуло страшной

болью, и Торн-Бьерн, к своему изумлению, увидел, что ее пробила длинная, с дротик, стрела.

— У-у-у!

Взвыл рядом Болтливый и тут же предсмертно захрипел — две стрелы угодили в незащищенные броней лицо и горло.

Стрелы сыпались густым дождем, и пусть большинство из них отскакивало от железных пластин, но многие находили уязвимые места — то один, то другой нурман с проклятием ломал длинные древки, что могли помешать в сече.

— Обманули, — прохрипел Седоусый — он уже все понял.

Беспечность монахов была мнимой, а лучники только изображали неумех. Обманул и пан — стрелков было больше сотни, а не жалкие три десятка — ливень стрел на это прямо указывал, они падали на прикрывшихся щитами нурманов сплошным железным потоком с острыми жалами.

Телега с брошенным сеном вспыхнула от зажженной стрелы жарким костром, разогнав туман и осветив сбившихся в клин викингов. И тут же громко тренькнули арбалеты — звук от них ни с чем не спутаешь.

Рев и ругань нурманов стали более яростными — болты насквозь прошивали надежные прежде щиты и державшие их крепкие руки. Если находилась щелочка, то уже не спасала добрая кольчуга с прикрепленными поверху железными пластинами — граненые узкие жала болтов пробивали влет даже такую надежную многослойную броню.

Хирд редел прямо на глазах — половина воинов полегла за считанные секунды. Зато оставшиеся были опытными бойцами. Они быстро сообразили, что за спиной река, а значит, отступать некуда, и бросились в атаку на лучников, стремясь добраться до них одним неукротимым броском и истребить их полностью.

Не удалось!

Подлые крестьяне не дрались с воинами, они позорно убегали от поединка. И стреляли, постоянно стреляли. Луки и арбалеты постоянно щелкали, со ста шагов пробивая нурманскую защиту.

Торн-Бьерн Седоусый истекал кровью — он был ранен тремя стрелами и болтом и уже не мог встать. Молча, с обреченным достоинством гордого волка ждал, он ждал, когда к нему прилетит смерть.

Ярл понял, что погубил свой хирд полностью — туман распался, и было видно, что и на той стороне реки нурманы его помощника Хрерика Косматого полегли все.

Их подло расстреляли в упор из луков — за ложной пирушкой, надеясь обмануть защитников монастыря, они обманулись сами — не расслышали подход врага и пропустили внезапное нападение. И, погнавшись за лучниками, строй распался — и тут же ударила рыцарская конница, втоптав в землю уцелевших от стрел викингов.

— Ты меня обманул, Один!

Седоусый с усмешкой вспомнил хитрого бога, что почитал обман за добродетель. А местный ярл оказался не менее хитрым, а потому Торн-Бьерн вспомнил еще одного творца лжи и хрипло похвалил неизвестного искусника засад:

— Отродье Локки!

Торн-Бьерн попытался встать, но страшный удар длинной стрелы швырнул ярла снова на землю. Рука его продолжала сжимать меч мертвой хваткой, и не могло быть иначе — только с мечом в руке викинг сможет войти в Вальхаллу...

— Брат-командор — великий воин! Ловко с этой засадой придумал. И ведь он заранее знал, что нурманы нас взять обманом попытаются.

— Это так, брат Болеслав. И победа нами одержана только благодаря его светлости. И какая

победа! Сотню отличных броней взяли, а своих едва десяток потеряли, тех, кто убежать не смог.

Седоусый приоткрыл глаза и захрипел от обиды — он понимал ляхскую речь. Он хотел сейчас одного, вот только жизнь не торопилась покидать израненное тело. Но умоляющий хрип его был услышан.

— Брат Стефан, добей язычника. Хоть и нехристь он, и людей любит истязать, но грех нам спокойно на мучения смотреть!

Последним, что увидел в своей жизни ярл Торн-Бьерн по прозвищу Седоусый, было блестящее узкое лезвие кинжала, который сами рыцари «милосердным» называют...

— Ваша светлость! Брат-командор!

Негромкий голос Арни вывел Андрея из размышлений, и он поднялся с тощего матраса, набитого сенцом и брошенного сверху на узкий топчан из дубовых плах.

На таком и жеребец спать сможет — легко выдержит, вот только копытное создание там вряд ли удержится, слишком мала для него эта кровать, которая, как предположил Андрей, служит, скорее, не для сна, а для умерщвления плоти.

Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят — раз решил отец Павел, что данная комнатенка, похожая на пенал, и этот топчан приличествуют положению командора ордена, то так и быть. Придется, как в армии говорят, стойко переносить все тяготы и лишения военной службы.

Спина болела — таскать тяжелые камни в подземелье, при скудном свете факела, при нехватке воздуха, глубоко под землей, та еще каторга, добровольно-принудительная.

Подземный ход оказался чрезвычайно длинным, с двумя боковыми ответвлениями, тщательно заложенными валунами. Для чего это было сделано, никто не смог дать внятного ответа. Даже предположений не имелось.

Андрей помнил, что по сну там должны были находиться темницы, но вслух озвучивать свои мысли не стал, и так все косились на него чуть ли не как на ясновидящего. Такая слава ему была не нужна!

Главная галерея протянулась на две тысячи шагов — Андрей сам отмерил расстояние, и тоже была заложена в конце валунами.

Уткнувшись в эту преграду, он поначалу решил, что все, тупик, а значит, надежды на спасение нет. Но Арни, поглядев на факел и уловив колыхание пламени, тут же веско заявил, что за преградой есть отверстие, и немалое — воздух поступает.

И начали они втроем работать, как стахановцы, без понуканий, в ударном темпе, только пыль клубами да каменная крошка на губах скрипела. И выложились полностью, до остатка.

Через два часа к разбору завала приступил сменивший их отец Павел с Велемиром, Чеславом и Прокопом — дело было тайное, а потому людей выбрали проверенных.

Сам он с двумя оруженосцами еле доплелись до подвала башни, кое-как помылись в лохани, с радостью смыв грязь и пот. Арни встал на посту, а Грумуж уснул сразу, как только лег на свой топчан в соседней каменной темнице. Андрей тоже готовился лечь и уснуть, но голос Арни не дал ему этого сделать.

Склонности к шуткам и розыгрышам у своего оруженосца Андрей не наблюдал, и если тот не вошел в комнатенку, а позвал снаружи, то причина для того была веской. Он сразу накинул на чистую рубашку красный плащ и открыл дверь.

Арни преградил своей могучей спиной коридорчик. Но даже при скудном свете, падающем из бойницы, Андрей разглядел, что за кряжистым воином стоит щуплая женская фигурка, закутанная в длинное одеяние.

— К тебе хочет пройти пани Милица, брат-командор! Отец Павел занят, а пани немедленно требуется исповедаться! — хмуро произнес оруженосец.

«Твою мать! Что у нее за грехи такие?! И на хрена мне их знать — у меня своих выше крыши! И первый — самозванство. А потому принять исповедь я не имею права. К тому же хочу спать. Ну, пани, мать твою, нашла время!»

Андрей сморщился, и молодая женщина уловила эту недовольную гримасу и сделала небольшой шагжок вперед, смиренно опустившись перед ним на колени, прямо на грязный

каменный пол. Вот только женский голос, тихий и мелодичный, обдал его легким гневом.

— Святой отец! Ваша светлость! Я знаю, что командоры ордена имеют право принять исповедь у умирающих крестоносцев, если нет рядом священника. — Милица говорила тихо, но уверенно. — Мы в осаде, а я их видела немало за свою жизнь. Я не желаю становиться покорной рабой в гареме, а потому пришла к вам с просьбой.

— С какой просьбой, дочь моя? — Андрей подавил раздражение и даже чуть улыбнулся краешками губ: все же нельзя быть грубым с женщиной, особенно такой хорошенькой.

— Отец Павел не сможет ее выполнить — он священник! А вы обязаны...

— Да?! — удивленно протянул Андрей. «Я уже и обязан? А не много ли на себя эта пани берет?»

— Да, обязаны, ваша светлость. Вы рыцарь церкви, и это ваш священный долг. Я не желаю попадать в руки магометан, а потому прошу вас убить меня своим мечом, как только неверные возьмут штурмом замок! Это моя единственная и последняя просьба, отче, и это ваш долг передо мной, как верной дочерью церкви.

Андрей растерялся и недоуменно посмотрел на Арни, как бы спрашивая его: «Это не шутка, брат?»

Крестоносец с каменным выражением на лице только сглотнул, и Никитин понял — какие уж тут шутки, все на полном серьезе, и от него ждут только одного ответа.

— Х-хорошо... — с трудом выдавил из себя Андрей. Слова застряли в горле, и он закашлялся. — Я выполню вашу просьбу! Как только магометане ворвутся в замок и станет ясно, что нам его не удержать... Тогда я убью вас...

А сам подумал, что женщин ему приходилось часто ласкать в жизни, но чтоб убивать?! При чем ту, которая ему понравилась?! По коже прошла ледяная шуга, по сердцу резануло — он дал обещание сдуру, почти не понимая всю его серьезность, и теперь ему стало страшно.

— Вы отберете мою жизнь, отче, — ее голос явно дрожал, — а потому вы должны выслушать мою исповедь. Прошу вас проявить терпение и сострадание — в моей жизни было много всего, несмотря на молодые годы. Простите меня, но вы, наверное, устали сильно, а тут я...

— Ни слова больше, пани, — Андрей протянул ей руку, за которую она ухватилась обеими узкими ладошками, и потянул ее к себе, — и встаньте с колен, прошу вас! Я выслушаю вас внимательно, пусть даже до рассвета. А там лишь Господь знает, устоим ли мы на стенах...

— Может, завтра мы все предстанем в Царствие Божьем, — глухо произнес Арни и с лязгом вытащил меч из ножен. — Пока угры не пойдут на приступ, никто не потревожит исповедь, брат-командор!

— Хорошо, брат. — Андрей сделал строгое лицо. — Проходите, пани!

Андрей отошел в сторону, и панночка, осторожно ступая, маленькими шажками вошла в келью. Никитин закрыл за собой дверь и сделал приглашающий жест сесть на топчан.

Милица села напротив него на самый краешек, поджав под себя ноги. Из-под полы длинного серого плаща показалась маленькая голая ступня с тоненькими пальчиками.

Андрей тупо уставился на это зрелище, особенно на детский мизинчик с крохотным ноготком:

«Размер тридцать шестой, не больше... Чего это она?»

Он вспомнил свою жену, которая ходила зимой по дому в обрезанных валенках, а летом в старых резиновых галошах. Несмотря на всю его любовь, если, конечно, это и можно было назвать намеком на чувство, вид грязных грубоватых крестьянских ног вызывал у него если и не раздражение, то неприятие.

На высказанную однажды просьбу помыть ноги Анна отреагировала с равнодушием и

неподдельным удивлением: «Зачем? Ведь завтра они все равно будут грязные!»

Варенька же, наоборот, часто бегала босиком, но лицемерие ее ножек тоже не приводило Андрея в восторг: пусть и молоденькие, пусть и беленькие, но все равно не то — и пальчики кривые, и ступни слишком широкие.

А тут: изящная аристократическая, породу видно даже здесь, ножка, тонкая, словно светящаяся изнутри фарфоровая кожа с ниточкой голубенькой венки... Почему-то на ум пришло сравнение с Золушкой и хрустальным башмачком...

— Кхм!

Милица осторожно кашлянула, выведя Андрея из ступора. Поморгав пару раз, он собрался с духом, но только смог почти проблеять:

— П-пани нечего обуть? Я распоряжусь...

— Нет-нет, отче! — Милица быстро-быстро замотала головой из стороны в сторону. — Я же на последнюю, — она всхлипнула и захлопала огромными ресницами, — исповедь! Я смиряюсь...

Она неловко потянула за шнурок плаща, пытаясь развязать, но дрожащими руками еще туже затянула узелок:

— Ой! Как же это...

— Погодите, — Андрей стал суетливо тянуть злосчастный кожаный шнурок, окончательно затягивая, — сейчас, сейчас...

Женское плечо коснулось его подбородка, ее грудь учащенно вздымалась. Нежнейшая кожа, не тронутая загаром, манила к себе ароматом спелых ягод и неизвестных цветов и трав.

Тонкая пульсирующая жилка на шее билась часто-часто, заставив и сердце Андрея бухать, как набат, причем в низу живота забилось еще одно, собирая все мысли в один растущий горячий комок.

— Не развязать! — Андрей резюмировал после минуты тщетных попыток. — Намертво!

— Я же не специально! — Милица, глаза которой в свете факела искрились бриллиантами влаги, шмыгнула носом совсем по-детски. — Плащ мне не мешает, отче...

— Ну что вы, — Андрей лихорадочно шарил рукой за спиной в поисках кинжала, — сейчас я перережу шнурок и...

Милица вытянула шею, задрав маленький остренький подбородок, и подалась вперед. Андрей скосил вниз глаза и уперся взглядом в мелькнувшее в складках плаща небольшое полукружие груди.

«Господи! — Андрей взвыл в мыслях. — Да что же это такое!»

Кое-как нащупав кинжал, он трясущимися руками осторожно просунул лезвие, стараясь не задеть кожу.

— Мамочка!

Милица негромко вскрикнула, и Андрей с ужасом увидел, что около ключицы начала набухать небольшая искрящаяся темная капелька и багряная дорожка устремилась под плащ.

— Перевязать надо! Рана ведь... — заикнулся было Андрей, но девушка с вымученной улыбкой покачала головой.

— Голова закружилась! — Она оперлась рукой о стену. — Вам-то вид крови привычен! Ваши раны, командор, пострашнее, наверное, были?

Она смотрела на него снизу вверх, расширенные голубые глаза казались в свете факела переливающимися драгоценными камнями. Она облизала пересохшие губы и покачнулась.

— Пани! — Андрей, вскочив, протянул ей глиняный кувшин с водой. — Выпейте! Вам полегчает!

— Какая вкусная вода! — Милица оперлась о стену, подобрав ноги под себя и скрыв

пальчики под плащом. — А это, — она указала на разломанную краюху серого хлеба, — вся ваша трапеза?

— Ну, — Андрей, языком доставая из зуба застрявший с ужина кусочек копченой оленины, помялся, смущенно потупившись, — как-то так... Плоть укрощаем-с! Смирямся...

— И как? Удастся?

Ее голос был лишен малейшей тени иронии, а взгляд был наполнен таким благоговением, что Андрей, как ему самому показалось, покраснел до кончиков ушей.

— А мне вот нет! Плоть так и томится! Ах, отче, — она благодетельно склонила голову, сжала ладошки, коснулась ими лба и почти шепотом произнесла: — Если бы только вы могли меня понять...

Андрей постарался срочно подумать о чем-то отвлеченном, очень-очень отвлеченном и даже холодном, чтобы, как говорится, остудить огонь, пылавший в чреслах, но так и не смог оторвать взгляд от маленькой фигурки, сжавшейся в комочек.

«Как же! Мне тебя не понять! — Он поерзал, стараясь незаметно сдвинуть ноги поближе. — Плоть она умерщвляет! Моей плотью уже гвозди скоро забивать можно будет...»

А вслух спросил, желая хоть как-то направить ставший опасным разговор в нужное русло:

— Когда ты в последний раз была на исповеди, дочь моя?

Она, не поднимая головы, прошептала:

— В прошлом месяце... Наш священник, отец Аврелий... Он часто меня исповедовал, отче! Упокой, Господи, его душу, молодой ведь был еще! — Милица, вздохнув, перекрестилась. — Перед тем как преставился сам, успел отпустить грехи нам, прихожанам, и отдал Богу душу!

— А что случилось? — Андрей участливо воздел очи горе.

— Сгорел от лихоманки. — Она еще раз вздохнула и поджала губки. — Господь забирает самых достойных...

— Понятно! — протянул Андрей. — Ну, тогда, я думаю, твоя исповедь не затянется! Подойди, дочь моя!

Она торопливо соскользнула с топчана, при этом наступив на кончик плаща, и чуть не упала. Андрей, соскочив, успел подхватить ее.

— Плащ! — Он поднял с пола выроненный кинжал, но Милица забрала его.

— Я сама, отче! А то вдруг, — она смиренно опустила глаза, — ваша рука снова дрогнет...

Наконец шнурок был разрезан, и Милица стянула с плеч мешковатый плащ. Под ним оказалось серое домотканое платье.

— Отче, — неожиданно кокетливым голосом произнесла она, стыдливо прикрыв руками грудь, белоснежной бархатистой кожей оттенявшую грубую холстину, — только скажите честно: я похожа на кающуюся грешницу?

— На самую прекрасную грешницу! — рухнув на топчан, хриплым голосом произнес Андрей. — Пани Милица, я надеюсь, вы не столь грешны, сколь очаровательны?

— Ну, отче, — она расхохоталась, откинув голову, серебристым смехом, отразившимся от каменных стен, и взглянула с соблазнительной полуулыбкой и, как бы невзначай, обвела розовым язычком влажные пухлые губы, — вам виднее! И часто вы с закоренелыми грешницами имели дело? Опыт, видно, большой!

— Ну, только если с ведьмами! — Андрея словно ушатом холодной воды окатило. — Говорят, их тут сжигают?

Он прекрасно понял, зачем пожаловала Милица.

«Какая исповедь? Бабы — они и в Средневековые бабы, тем более когда мужика два года не было. От пореза как бы без чувств сделалась! Как же! А кто в угров из арбалета сажал? Дурак! Какой же я дурак! Так, может, и выгорит дело?»

Вот только почему ей я понадобился? Вон, воинов распрекрасных полон двор, а она ко мне приперлась! Ну как же: соблазнить самого командора! Будет потом о чем внучатам на старости лет у камина рассказывать!»

— Фу! — Милица надула пухлые губки и уселась на топчан, сложив руки на колени, как школьница. — Зачем так грубо, отче?

— Барышня...

Девушка недоуменно подняла бровь.

— Пани, — Андрей поправился, — вы, кажется, на исповедь пришли? Ну же, начинайте! Чувствую, что грехов все же много у вас, вон скоро светать уже начнет, поторопитесь!

— Святой отец! — Милица смотрела на него во все глаза, блестящие и наполнявшиеся слезами. — Единственный мой грех — молодость и жажда любви и ласки! За эти годы я видела только мужей, из которых один воевал, другой был святошей, а третий — стариком! Завтра, возможно, последний день, когда я увижу это небо! А у вас... У тебя такие сильные руки, Анджей! Я жажду, чтобы ты сжал меня в объятиях, овладел мною... Возможно, я больше не познаю прикосновения мужчины...

Она бросилась к сидящему напротив Андрею, обхватив руками его колени, уткнулась головой ему в живот, обхватила руками бедра и зарыдала. Андрей, не зная, что делать, положил руки ей на голову, зарывшись пальцами в кудри из-под съехавшего набок несуразного чепца.

Эта поза Милицы была бы двусмысленной в его пошлом двадцатом веке. Вряд ли она даже помыслить могла о дальнейших перспективах сложившейся ситуации и возможных фривольных вариациях на эту тему.

Андрей только представил на мгновение... Глядя на подрагивающие плечи девушки, кровь не только от мозга, но, казалось, и из малых, средних, верхних, вообще из всех оставшихся в организме кругов кровообращения, устремилась снова в одно-единственное место.

— Отче?! — Милица, изумленно и до конца не веря, подняла голову, хлопая глазами. — Сие значит, что вы...

Горячее женское бедро обжигало разогретой грелкой. Милица положила ему ногу на живот, обхватив руками за шею, проворные и нежные пальчики продолжали ласково царапать кожу.

Ее тугая, по-девичьи крепкая грудь чуть ли не вплавилась в его тело. Сердце стучало в бешеном ритме, словно желало выломать ребра и вырваться наружу. Она его выжала досуха, как губку, выпив все жизненные соки. Но усталости не было, она вся схлынула, оставив только ликующую радость во всем теле.

Такой женщины, норовистой и покорной, нежной и страстной, ощущавшей все его невысказанные желания и с радостью их выполнявшей, у него никогда не было в жизни.

Может, причиной такой безумной страсти стала смерть, что яростно дышала над невысокими стенами замка — ее незримое присутствие и вызвало это любовное безумное кипение. Скорее всего, так оно и было — Андрей по себе знал, что война всегда срывает тайные покровы с человеческой души.

— Ты безумец, Анджей! — Ласковый шепот девушки, в котором сквозило еле сдерживаемое ликование, ворвался в его сознание. — Я впервые по-настоящему ощутила себя женщиной, любимой и желанной. Не думала, что мужчина может так приласкать мою грудь, что там сердце замирает. Что это было, Анджей?! Теперь и умереть не жалко...

— Погоди умирать, Мила. С этим делом никогда не поздно, — тихо отозвался Андрей, с нежностью погладив ее ладонью по плечу. — Я думаю, что спасу тебя. Завтра ты покинешь крепость вместе со мною. Пойдем через горы к своим. Без коней, правда, но на своих двоих уйдем далеко.

— Подземный ход есть? — Девушка прижалась к нему еще сильнее, голосок задрожал от сдерживаемой надежды.

— Имеется, — отозвался Андрей и чуть повернул к ней лицо.

Он нашел ее полные и горячие губы, впился в них и почувствовал, как снова закипает в нем страсть, будто не было иссушающей тело ночи. Девушка с трудом оторвалась от него, приподнялась.

Предрассветные сумерки освещали келью лучше факела, и Андрей увидел перед глазами набухшие соски девичьих округлостей, покрытых темными пятнами засосов.

— Перестарался я, — он провел пальцем по пятну, а Милица радостно засмеялась, но тихо, еле слышно, благо бойница выходила наружу, а не в замковый двор.

— Нет, мой милый, — проворковала девушка, — я еще хочу тебя, безумно хочу. Отлюбить за всю мою нескладную жизнь. А ты... Не ожидала, что у тебя столько сил, ведь ты в возрасте...

— Не так я и стар, напротив, в самом соку, — Андрей горделиво постучал себя по торсу. — Мне ж только сорок три, какая уж это старость?!

— Действительно! — Милица лукаво улыбнулась и принялась сгибать пальцы на руке, считая вслух. — Один, два... Это до факела было, пока он не погас. Потом три, и вот перед рассветом четыре.

— Что четыре? — Андрей откровенно тупил, не понимая, что она подсчитывает. Милица снова засмеялась, и ее тихий смех зажурчал весенним ручейком.

— У меня больше раза никогда в жизни не было за ночь. А ты четырежды смог, мой повелитель. Еще один пальчик на ладошке остался...

Она тяжелою, с явственным сожалением вздохнула, и только сейчас Андрей понял, в чем суть ее подсчетов, и возликовал той мужской гордостью, что и приводит зачастую к

удивительной дури. Но думать о том он уже не смог, а сграбастал женщину, впился в ее грудь губами, втягивая в себя нежную кожу и ощущая ее дразнящий запах. И вскоре любовное безумие накрыло их...

— Иди, дочь моя!

Постным ханжеским голосом произнес Андрей, с таким же выражением на лице открывая тяжелую дверь перед Милицей, плотно закутанной в плащ.

Слова предназначались Арни, что вряд ли стоял перед дверью, но находился в коридоре и, тут к бабке не ходи, бдительно охранял «тайнство исповеди».

Девушка еле слышно хмыкнула, словно подавилась смешком, и серой мышкою скользнула за дверь. Андрей хотел закрыть за ней, но не успел — испуганный вскрик разорвал предрассветные сумерки.

— Что такое?!

Рукоять меча сама легла в ладонь, и, выхватив клинок из ножен, он ворвался в коридор. И сразу увидел ее — Милица стояла у стены на дрожащих ногах, совсем по-детски засунув кулачок в рот от страха.

А потом он увидел Арни — оруженосец сидел на полу, прислонившись к стене. Он сжимал меч в руке, серебристая сталь словно очертила каменный пол.

— Твою мать!

Андрей бросился к верному телохранителю, протянув пальцы к шее — пульс нашел сразу и удивился. Этого быть не могло, но тем не менее случилось — верный телохранитель беспробудно спал младенцем и даже начал похрапывать.

Пара немедленно выданных пощечин к положительному результату не привели, тот продолжал мирно похрапывать, словно упившийся водкой запойный механизатор в подзабытой реальности.

Остался последний шанс — Андрей вытащил из медного кольца, прикрепленного к стене, глиняный кувшин и с размаха выплеснул воду на оруженосца.

Бесполезно!

Тот только почмокал губами, как ребенок, продолжая похрапывать. Как тогда Велемир...

«Велемир?! Боже мой!» — Андрея затрясло от нехорошего предчувствия, и он понюхал кувшин — чуть осязаемый, почти неуловимый запахок вызвал ассоциации с тем пробуждением в амбаре, куда положили его связанным, после того сонного зелья, что он неосторожно выпил.

— Никак «ведьмин одуванчик»? — пробормотал Андрей, ставя кувшин обратно в кольцо.

— «Сонная отравка»? — негромко вскрикнула Милица, и он посмотрел на нее. Девушка побледнела, уцепившись дрожащими пальцами за расползающиеся в стороны края плаща.

— Похоже на то. Очень даже похоже... — тихо сказал Андрей и прислушался. С замкового двора послышалось ржание лошади, вот только человеческих голосов он не уловил, даже негромких. А ведь должны быть — караульные изредка перекликались, чтобы прогнать одолевающую даже самых бдительных из них дремоту.

Держа меч в руке, Андрей шагнул на винтовую лестницу, вышел на стену и сразу же наткнулся на караульного, что беззаботно дрых, свернувшись калачиком. Попытка разбудить его не увенчалась успехом — парень спал молодецким сном.

Богатырским!

Андрей огляделся, посмотрел на ворота, на верхушку башни, на стены и похолодел, хотя по спине и лицу тек горячий пот. Замок оборонять было некому — внутренний наряд спокойно и беспробудно спал.

А заодно и все лошади, и лишь одна отчаянно била копытом, стараясь дотянуться до бадьи с водой, которую до нее не дотащил конюх, так и рухнул рядом, обхватив бадейку рукою и

задрав к небу седую бородашку.

— Что случилось, ваша светлость?! — рядом раздался знакомый голос, и Андрей обернулся.

Грумуж, в одной рубахе, лицо заспанное, но в руке меч, настороженно зыркал по сторонам. И увиденное явно ему не понравилось — глаза зло сверкнули.

— Похоже, что всех опоили, брат-командор?!

— Да. А раз и лошади лежат, то отраву в колодец бросили. Ты, перед тем как уснуть, воду пил?

— Пил, но с фляги, что у нас на стене висит. Хотел свежей из колодца налить, да сон сморил. Арни обещал разбудить на смену, да тут такое творится... Вот я и проспал, пока твой голос не услышал, брат-командор, — Грумуж виновато пожал плечами, как бы сетуя на то, что так вышло.

— Повезло тебе, паря. Если бы из кувшина хлебнул, что твой приятель сделал, тоже бы уснул. Ты сейчас пробегись по замку, посмотри, кто есть на ногах, а я в подвал спущусь.

Грумуж тут же стал спускаться по лестнице во двор, а Андрей повернулся к паненке, что дрожала, как осенний лист на ветру. Улыбнулся, стараясь спрятать охватившую его растерянность.

— Иди к себе, Мила, и никуда не выходи. Видишь, что у нас здесь творится. Иди, не спорь! — уже властно закончил он, видя, как та дернулась, пытаясь что-то сказать ему.

«Не хватало бы твоего причитания о том, что страшно тебе. Мне сейчас самому не до веселья», — и хоть он промолчал, но она прочитала в его глазах невысказанное — натянуто улыбнулась и тут же ушла в башню.

Андрей пошел за ней, только не подниматься стал по лестнице, а наоборот, быстро стал спускаться по ступенькам в подвал, остановился и требовательно стукнул кулаком по обитой железными листами двери.

— Кто? — глухо прозвучал голос Иржи.

— Я, фон Верт, — отозвался Андрей.

На той стороне загредел засов, и дверь отползла наружу, приоткрыв щель. В глубине стоял оруженосец с обнаженным мечом в руке.

— Ты не выходил из подвала башни?

— Нет, — с удивлением отозвался оруженосец. — Ты же сам приказал никого не впускать и охранять ход, брат-командор.

— Отец Павел вернулся?

— Еще нет, но от него Прокоп пришел. Ход за горою в склоне вышел. За валунами, на каменной осыпи. Они все скоро сюда подойдут.

Андрей оглядел подвал — Досталек с арбалетом в руках сторожил тайный лаз, а грязный и усталый Прокоп жадно пил воду из кувшина. Андрей было дернулся остановить воина, но удержал порыв, только спросил:

— Вода откуда?

— Вчера вечером еще принесли, до того как заперлись здесь, ваша светлость, — ответил Досталек, моргая глазами.

— Это хорошо, что вчера принесли, — криво улыбнулся Андрей, — а то в замке...

Договорить Андрей не успел, как стоящий у лаза Грумуж поднял заряженный арбалет и негромко крикнул в темноту прохода:

— Кто идет?!

— Свои, сын мой, — отозвались из темноты голосом отца Павла, и вскоре священник вылез из лаза, кряхтя и постанывая, грязный и чумазый, как арап из котельной.

За ним выскользнул Велемир, следом появились Прокоп с Чеславом, а замыкал брат Вацлав, что настойчиво упросил вечером Андрея отправить его в тайный ход, упирая на то, что он должен знать о нем, как комендант крепости. И еще потому, что рыцарь был единственным в этой пятерке, что хорошо знал близлежащие к замку окрестности.

— Ход за гору выходит, брат-командор. А там склон каменистый, за ним лес. — Отец Павел засиял улыбкой на сером от пыли лице. — Оттуда до перевала рукой подать, а там в стороже воины пана Завотны стоят. Угров мы не видели, ни малейшего следа наших врагов.

— Это хорошо, что там врагов нет, — в тон ему отозвался Андрей, — зато в крепости они отметились. Да так, что нам всем тошно станет через пару часов, когда угры на приступ пойдут!

— Что случилось, сын мой?!

— Предательство, брат-командор?!

Оба рыцаря дернулись, улыбки с их лиц будто тряпкой стерли. Остальные ордены молчали, но засопели весьма выразительно. И за оружие схватились цепко, только клинки не обнажили.

— Колодец отравлен. Судя по всему, «ведьминым одуванчиком». Беспробудно спят, Арни я даже водой отливал — бесполезно!

— Как спят?!

— Я уже сказал, брат Вацлав, — беспробудно. Могу по слогам повторить, если непонятно. Все спят, кто воду вечером и ночью пил! Даже лошади, кроме одной. Ее старик не успел напоить, так и уснул с бадейкой в руках. И еще Грумуж этой заразы не пил — он вчера так вымотался, что уснул и свою смену проспал — Арни должен был его разбудить.

— Твою мать! Прости, Господи!

Первый раз за все это время Андрей видел отца Павла таким растерянным. Так что не удержался от ругани священник, но быстро опомнился и взял себя в руки.

— Вы только вдвоем не пили ту воду, брат-командор?

— Еще пани Милица. Она со мною всю ночь просидела, исповедалась в грехах своих, — Андрей осекся, сообразив, что определенно ляпнул глупость — откуда у молодой паненки столько грехов, чтоб всю ночь их перечислять и каяться.

И тут на память пришла фраза с полузабытого кинофильма про рыцаря Айвенго, и он тут же исправился:

— А потом мы всю ночь псалмы пели...

И посмотрел с суровостью во взгляде да с подозрением. Нет, никто не хмыкнул, не усмехнулся, даже в глазах священника ничего не мелькнуло — все были серьезны как никогда. И несколько не усомнились в его словах.

Если бы он сказал что-нибудь похожее в свое время, то товарищи офицеры добрых полчаса помирили бы от смеха. А здесь совсем другой менталитет, и, за исключением самого Андрея, с такими вещами никто шутить не станет, даже в голову никому не придет.

— И сейчас нам нужно думать, как удержать замок столь ничтожными силами, братья! А потому Чеслав и Досталек будут охранять ход, а остальным приказываю идти на стены. И держать их, брат Вацлав! Как только сойдет туман, угры пойдут на приступ...

Крестоносцы быстро выходили из подвала, один за другим, Андрея на ступеньке придержал за рукав священник.

— Мы не удержим замок, брат-командор! Уходи немедленно отсюда — мы не имеем права рисковать тобою! Это не просьба, Анджей! Это мое завещание тебе, ибо я останусь до конца... Стар я, чтоб на своих больных ногах по камням бегать. Но не ты! Если потребуется, мы выведем тебя силой! Свяжем, опоим и вынесем!

— Зачем, брат, ты так говоришь? Я все понимаю. Да и Милицу увести отсюда нужно —

зачем ей здесь умирать?!

— С тобой уйдут Грумуж, Иржи и Велемир — с ними ты будешь в безопасности. Ты согласен, брат?

— Да, отче. Пусть так будет. Хотя... Не хочу, чтобы крестоносцы подумали, что я спасаю свою шкуру...

Гарнизон спал мертвецким сном в почти полном составе. Почти потому, что троих воинов удалось все же разбудить — причина сна там была более чем банальна.

Если «красные плащи» блюли дисциплину, то двое «синих» с пареньком, что прижился в крепости, утащили бурдючок вина. И, сменившись в полночь с караула, тихо-мирно его оприходовали. Кое-как их растолкали, перегаром за версту разило.

И что с такими вояками делать прикажете?! Повесить бы не мешало, но тут каждый воин был на счету, все отравленные раньше вечера в себя не придут, уж больно большой мешок зелья в колодец был скинут, и яд намного более сильный, чем тот, что Андрей с сыном в трактире испили.

Была и безвозвратная потеря — угры время от времени метали в крепость стрелы, вот одна и нашла себе ночью жертву, поразила одного воина из «копья» брата Вацлава прямо под лопатку. Спящий был, во дворе лежал. Сразу наповал!

— Смутно мне, — тихо произнес отец Павел, подойдя со спины к Никитину. Встал рядом, лоб задумчиво собран морщинами. — Чую, что ложь говорит один из «синих», но кто из них?!

— С чего ты взял?

— Втроем бурдюк высосать можно, не спору. Но чтоб вырубиться, когда в замке такая катавасия идет, и ничего не помнить? Не верю. Думаю, один из них отраву в колодец сыпанул, а потом спящих перерезать хотел либо уграм ворота открыть. Сам знаешь, что в походе было — могли одну «крысу» с собой привести.

— А когда понял, что план не удался, точнее, свершился, но не в полном объеме, то вином решил подозрение от себя отвести? — Андрей подхватил мысль старика и ненадолго задумался.

— Но ведь тогда ему было легче самому пару глотков сонного зелья выпить и уснуть рядом с другими. Был бы такой, как все, а потому какой спрос с отравленного? Ведь так?

— Это меня и смущает? Не знаю, что и делать! Не казнить же их всех троих? Один только виновным может быть...

Старик замолчал, почесал искривленным пальцем переносицу. Ему было явно не по себе от такого выбора. Андрей же, услышав шаги, повернулся к подошедшему Грумужу.

— Чего тебе?

— Орденца не угры свалили, брат-командор, — лицо оруженосца скривилось в недоброй ухмылке. — Я труп очень внимательно осмотрел. Его кто-то из наших зарезал, узким клинком или заточенным штырем, а потом стрелу подобрал и в рану глубоко засунул.

— Час от часу не легче! С чего ты взял? — Андрей в некоторой растерянности посмотрел на оруженосца. Он сам осматривал труп, но ничего подозрительного не увидел. А тут Шерлок Холмс доморощенный выискался, дедукцией занялся.

Это в средние века, понимаете?!

— Меня стрела сразу насторожила. Прямо из тела торчала, а такого быть не может — ее же через стену должны были метнуть. И как она в тело должна была впитаться, брат-командор?

— У, — Андрей на секунду задумался, поглядел вверх. Действительно, при падении должен быть угол, а потому стрела...

— А! — обрадованно воскликнул священник и выразительно хлопнул себя по лбу. — Старый дурак!

— И я с тобой тоже, — пробормотал Андрей себе под нос, — как же я такую простую вещь не углядел!

— Во рту сладости не было, сколь я ни принимчивался, — продолжил Грумуж, — а значит,

орденца не отравили. А потому внимательно осматрел стену рядом и камни двора.

— Зачем?

— А затем, отче, что на стене потек кровавый был и нос у воина расквашен... И на лбу ссадина. Если в лежащего стрела попала, то спрашивается — как он мог сам себе юшку пустить? Если же в стоящего — то тогда парень не отравлен зельем был.

— Резонно, — согласился с оруженосцем Андрей, а тот продолжил выкладывать результаты своего розыска:

— Вначале его лицом об стену ударили, а как отшатнулся он, оглушенный, то рукою рот зажали, чтоб не вскрикнул, и закололи прямо в сердце. Наискосок. Я надрез сделал — можете сходить посмотреть! От кинжала след под лопатку идет, а от стрелы прямо. Вот так-то! Видел он, как убийца отраву в колодец бросал, вот и поплатился, и не поднял тревоги.

— Может, подошел и поинтересовался, а тот его того...

Никитин высказал первое соображение, что на ум пришло. Рассказанное Грумужем походило на правду.

— Или убийц двое было, — тихо произнес отец Павел, — а дурачка гарнизонного за компанию взяли, чтоб подозрение отвести.

— Грумуж! Возьми наших, Иржи и Прокопа, они поопытней, — приказал Андрей. — Свяжи «синих» и сюда! И обыщи все их вещи и седла.

— Коновязь уже обыскали тишком, и вот что нашли, — Грумуж вытащил туго набитый мешочек. — У Томаша! Это сонное зелье, мне его доводилось нюхать, знакомый запах.

— Дай сюда, и беги, вяжи предателей!

Андрей взял мешочек, помял его в пальцах через ткань. Затем отер ладонь о плащ и лишь после этого понюхал их. В ноздри еле шибануло приторной сладостью, знакомой до боли. Он усмехнулся и отдал мешочек отцу Павлу. Тот принялся.

— Бесовская отрава, брат Анджей!

— Ага, бесовская, — охотно согласился с ним Андрей и с наигранным весельем добавил: — А вон и самих бесов ведут, сейчас мы их изгонять будем. Вы же у нас, отче, известный экзерсист и специалист по нечистой силе, вам и флаг в руки...

«Синих» подвели, уже обезоруженных, плотно стиснутых с двух сторон Иржи и Грумужем. Да еще брат Вацлав подошел, с Прокопом и Велемиром, держа в руках обнаженные клинки.

— Твой мешочек, Томаш, мы нашли, — старик поднял руку: отрава болталась на веревочке. — Так что говори сразу — кто тебе ее дал и что ты замыслил сделать? Сам знаешь, как орден с предателями поступает!

— Это не мой! — У «синего», еще относительно молодого парня, округлились глаза, и он яростно закачал головой, категорически отнекиваясь от найденного мешочка. — Я его первый раз в жизни вижу, готов на кресте поклясться, отче!

— Не клянись и не лжесвидетельствуй перед Господом нашим! — лязгнул старик металлом, а Андрей удовлетворенно хмыкнул.

Он пристально смотрел на другого воина, в глазах которого блеснула на секунду усмешка. Да и выглядел он не растерянным, а вроде как удовлетворенным таким быстрым розыском отравителя.

— Обыскать этого! — Андрей сделал шаг вперед и ткнул кулаком в грудь второго «синего», постарше, мужика лет тридцати.

Прокоп и Иржи сграбастали воина и стали хлопывать его своими лапищами. Очень быстро они нашли под плащом два кинжала — один с широким и длинным лезвием, а вот другой напоминал трехгранный стилет, с коротким, едва с десятков сантиметров, клинком. Весьма похожим на уменьшенный в размерах штык к «мосинской» винтовке.

— Оружие убийцы, отнюдь не война. А трехгранный потому, что от такого клинка рана не закрывается, — Андрей повертел кинжальчик в руках.

— Какая занятная штучка, даже кровь на нем осталась, брат-командор.

Грумуж удовлетворенно хмыкнул и взял в руки стилет. Покрутил медленно в пальцах и неожиданно стремительным движением вогнал его в бедро воина. Тот взвыл, а все остолбенели.

— Что, Званко, больно? — участливо осведомился Грумуж, вот только тон у него был такой, что оравший от боли воин тут же заткнулся. Волосы у предателя встали дыбом, и он с нескрываемым ужасом смотрел на оскалившегося в недоброй улыбке оруженосца.

— Я все скажу, — Званко, бледный как мел, быстро заговорил, заикаясь и морщась от боли. — Мне пан Сартский отраву дал. Велел подсыпать. Двадцать злотых посулил... Земли нет, хлеба детишкам не хват...

— Заткнись, — Грумуж насупился, — и разжалобить нас тяжелой жизнью не пытайся. Кого еще знаешь?! Кто на командора покушался?! Говори, скотина, а то всю твою родню порешу, ты меня знаешь!

— Збышек и Куляба, — быстро ответил изменник. — Лучники белогорские. Они со мною были. Да животом маялись. Оставили их...

— Хорошо, — милостиво промолвил оруженосец и неожиданно схватил Званко за горло. — Кто из арбалета стрелял?! Говори! Душу выну!

— Не знаю! Истинный крест, не ведаю! — изменника трясло от страха и боли, он хрипел, задыхаясь, не в силах избавиться от железной хватки, что сдавила ему горло.

Андрей давно бы вмешался, где ж это видано, что подчиненный, не спросив разрешения у командира, такое на его глазах вытворяет. Понятно, что «экстренное потрошение» изменника идет, но все же обидно как-то. Ведь и он в таком деле с удовольствием поучаствовал. Доводилось в *той* жизни всякое делать...

Но предпринять ничего не мог — его чуть ли не силою удерживали отец Павел и Вацлав. Причем последний негромко шепнул в ухо: «Это его дело, он кровь и шерсть принял и потому вправе, брат-командор!»

Что такое «шерсть» он не знал, но понял, что штука крайне неприятная для изменников, типа присяги. И сдержался, видя, как Грумуж безжалостно терзает предателя. Возможно, и придушит прямо на глазах...

— Угры!!! На приступ пошли!

Звонкий голос Чеслава с башни слышали все — оруженосец ослабил хватку, и Званко с хрипом упал на камни.

— На стены!

Андрей громко отдал приказ и первым рванулся к лестнице, и уже наверху прясла повернулся. Так и есть — Грумуж совершенно спокойно свернул шею предателю, с безгловостью вытер руки о плащ и упругим шагом бывалого воина стал подниматься наверх.

— Мать твою! Да сколько вас! — Андрей посмотрел на поле и обомлел.

Угры валили со всех сторон толпами, неся штурмовые лестницы и охапки хвороста. Четыре сотни, не меньше, по полсотни на каждого крестоносца, что ждали приступа на замковой стене.

Перевес просто подавляющий, и в желудке заныло. Видно, не судьба ему здесь пожить — сегодня командорская карьера и окончится. Но силою воли он изгнал из себя такие мысли, а взял, нарочито спокойно, арбалет, упер его ногой в площадку за «стремя».

С помощью «когтя» рывком натянул тугую тетиву. Серьезная вещь, и силы требует большой — в поясице чуть не треснуло от натуги. Зато такой арбалет втрое быстрее болты пускать может, чем тот, где тетива механическим воротом натягивается.

— Эх, пулемет бы сюда, — пробормотал Андрей, глядя на приближавшуюся толпу угров. — ПКС какой-нибудь завалящий, да к нему коробок пять лент. Даже «Утеса» не надо — поле живо бы очистилось.

Но «крупняка» не имелось, зато арбалетов было в достатке — он пять штук взвел да рядышком положил. Крестоносцы на стене делали то же самое — каждый имел по несколько арбалетов под рукою, ведь, к сожалению, две трети гарнизона сейчас беспробудно спало.

Велемир, Иржи, Грумуж и Томаш взялись за свои мощные клеенные луки — звонко щелкали тетивы, и падали угры, то один, то другой, опрокидываясь от попаданий длинных стрел. Штурмовавших такой огонь, пусть убийственный и точный, но редкий, только раззадорил. И они с криками стали бросать вязанки хвороста в ров.

— Получи, фашист, гранату!

Арбалет громко щелкнул — промахнуться по толпе Андрей не мог. И проследить, в кого угодила неминуемая смерть в виде короткого болта, тоже. Он только стрелял, хватая один арбалет за другим и перемещаясь от бойницы к бойнице.

Вскоре, чертыхаясь и подбадривая себя матами, он лихорадочно заряжал и стрелял из одного арбалета — другие просто побросал. Так же торопливо пускали болты и другие орденцы — угры завалили фашинами ров и уже приладили лестницы, одну из которых поставили как раз напротив бойницы, между двух каменных зубцов.

Андрей бросил бесполезный арбалет и схватился за оглоблю, конец которой был раздвоен рогаткой. Упер в перекладину лестницы и надавил, стараясь ее отодвинуть от стены и сбросить. Но не тут-то было — внизу лестницу крепко держали, насмерть — силы оказались неравны.

— Сейчас подсоблю!

Рядом в оглоблю крепко вцепились огромные лапы Грумужа, и они навалились вдвоем.

— Пошла!

— Раз, два — ухнем!

Объединенными усилиями они чуть-чуть отодвинули лестницу и новым отчаянным рывком опрокинули. Снизу донеслись жалобные хрипы и отчаянные крики на незнакомом языке. Но тут не надо быть лингвистом — угры костерили орденцев явно хулительными словами.

— Сами вы такие!

Андрей не выдержал и огрызнулся в ответ, но в перебранку вступать не стал, ибо неожиданно, как чертик из коробочки, между зубцов показался воин в мешкотной одежде, с чуть кривоватым мечом в руке. И чуть дальше еще один — там столкнуть лестницу было некому.

— Держи этих, брат!

Грумуж проскочил вихрем, с ходу срубив ближнего угра, и тут же набросился на дальнего. Тот прикрылся от удара небольшим круглым щитом, но оруженосец крепко секанул его по ногам. С отчаянным криком угр свалился со стены во внутренний двор.

— Ал-ля!

Андрей машинально ткнул мечом, как шпагой, — растопорщившийся на лестнице воин был проткнут насквозь и, отцепив пальцы с перекладины, рухнул вниз.

Но взамен его появились сразу двое. Как они там уместились, Андрей не понял, но рубанул от души в искаженные от рева и страха лица. Попало только по ладоням, кровь брызнула прямо в лицо. Этого хватило с избытком — оба врага с криком также отправились вниз.

— Да сколько же вас?!

Андрей рубанул еще одного показавшегося на смену врага — по голове, защищенной кожаной шапкой с железными нашлепками. Ненадежная оказалась защита — с рассеченной головой, будто располосовали спелый арбуз, угр пропал из бойницы.

Никитин оглянулся — Грумуж чуть в стороне уже лихорадочно заряжал и стрелял из арбалета. Чуть дальше отец Павел и Прокоп опрокидывали рогаткой лестницу.

И вроде все — ничего страшного, на стену никто не прорвался. И только он об этом подумал, как два очередных угра попытались влезть в неширокий проем между зубцами.

Андрей рубанул от плеча, но на этот раз противник оказался опытный — подставил щит и сам ударил коротким топором по клинку. Меч вылетел из рук, с обидой звякнув о камни.

Угр ухмыльнулся и нанес удар в плечо, причем обухом, не лезвием. Никитин это успел заметить, отпрыгивая в сторону. И выхватил из петли шестопер — с этим оружием Андрей чувствовал себя более уверенно, вроде как резиновая палка-демократизатор, но намного страшнее. А заодно вытянул левой рукою бебут — теперь он мог драться более привычным для себя оружием.

— Заполучи!

Железный шестигранник угр сумел парировать щитом, приняв удар краем, вскользь. И ошибся, открыв себя на секунду, которой хватило: длинный кинжал в руке Андрея оказался страшным оружием — описав стремительную дугу, сталь полоснула врага по лицу.

От боли угр взвыл, но удар шестопером отправил его в короткий полет со стены на мощный замковый двор. Следующего врага Андрей замолотил прямо в бойнице, однако и сам пострадал — стрела выбила крошку, и та запорошила глаз.

— Твою мать!

От злости, совершенно не думая, Андрей вылез в проем и стал лупцевать во все стороны — угры поставили рядом вторую лестницу, по которой тоже полезли, и густо. И прямо под горячую руку — с криком воины срывались со стены, и через минуту на них стало пусто.

Андрей удивился и посмотрел по сторонам — приступ был отбит, внизу лежало три десятка тел, мертвых и хрипящих, — и похолодел — в ста шагах от стены стройной шеренгой стояли лучники, наложив стрелы на тетиву, и гулямы в блестящих на утреннем солнце доспехах.

Один из них, в сверкающей золоченой броне, что-то крикнул, подняв руку, вроде как поприветствовал, и тронул себя за нагрудную пластину на которой тоже покачивалась солидная

золотая цепь, как и у него.

— И тебе не хворать!

Выкрик был, конечно, не просто наглый, но и безумный. Краешек мозга прямо вопил: «Прячься за зубец, дурень, а то лучники сейчас тебя стрелами наспигуют, как ежа иголками. Только он свою задницу ими прикрывает, а ты, наоборот, под них подставляешь!»

— Хотели бы застрелить, давно бы сделали!

Сам себе ответил на вопрос Андрей и с достоинством, не показывая спины, убрался за зубец, сделав гуляму на прощание знак рукой — «забирай своих раненых».

Тот кивнул в ответ и показал рукой на солнце, а затем, выхватив меч, ткнул им прямо в небо.

— Хм, понятно, — рядом раздался голос отца Павла. — Они начнут штурм ровно в полдень.

— А что этот не продолжили? — усмехнулся Андрей, переводя дыхание и вытирая обрывками плаща лицо.

— Это был не приступ, брат. Они тебя нашли и успокоились. Ты заметил, что стрелы всегда били рядом, а мечи и топоры не трогали твое тело?! Худо это, очень худо!

— Почему худо? Ведь не убили, хотя и могли!

— Живым тебя хотят взять, брат-командор! Потому и выманили на стену, чтоб все гулямы и угры лицо твое запомнили. Цепь великого магистра слишком примечательна, и шлем командорский ты зря не надел.

— В нем плохо видно...

— Зато лицо надежно скрыто. А так...

Старик огорченно вздохнул и засопел. Под крепостной стеной, во рву, копошились угры, забирая своих убитых и раненых — крестоносцы по ним не стреляли, выполняя приказ своего командора.

— И что будем делать? — задал священнику извечно русский вопрос Андрей, машинально почесав затылок всей пятерней.

— То, что и задумали! Ты немедленно уйдешь из замка, сейчас же. А мы постараемся отбить штурм, чтобы дать тебе время. Ты, надеюсь, понимаешь, что гулямы сразу начнут тебя искать везде, если не найдут здесь?!

Яркий дневной свет манил, тянул к себе. Андрею до тошноты надоело подземелье, будто добровольно себя в склепе замуровал. И те две тысячи шагов, что пришлось отмахать в полной темноте, при тусклых языках одного-единственного факела, что служил для всех маячком, гуськом, натываясь на спины друг друга, показались ему десятками верст.

В пыли, в слипшейся от пота рубашке, придавленный тяжелым железом доспеха, жадно, до хрипоты вдыхая воздух, он устало переставлял ноги, идя к заветному свету, что становился ближе и ближе.

— Ваша светлость! Все, вышли. — Грумуж приблизился. — Я осмотрелся кругом — никого не видно. За горой угров нет, даже следов конных не было. Все чисто.

— Бдительности не теряй, еще раз посмотри кругом!

Андрей присел на здоровенный валун, что занимал половину узкой щели, с наслаждением вытянув ноги в тяжелых, с железными пластинами, сапогах. И подумал, что в такой обуви сильно много по горам не походишь.

А потому надо срочно избавляться от всего навьюченного на него железа. И он решил заняться этим немедленно, благо был еще небольшой люфт во времени.

— Велемир, сними с меня доспехи, — тихо попросил он юношу и пояснил: — В нем по горам тяжело идти будет и ни к чему. Коней нет, от погони не убежишь. Да и сам снимай лишнее железо — оно сейчас не защита, а обуза, скорее. Да и Грумуж с Томашом пусть тоже поспешат разоблачиться, потом времени у нас не будет.

— Хорошо, отец, — тихо ответил ему сын. — Только я вначале им скажу, раз они из лаза вышли.

Он проскользнул в узкую щель и выскочил наружу — оттуда доносились тихие голоса оруженосца и единственного «синего», того, что чуть под «раздачу» за измену не попал. Андрей покосился на Милицу, что как мышка притихла, сидя на соседнем камне. По грязному лицу ползли маленькие капли пота, оставляя за собой чистые дорожки.

— Устала, солнышко? — тихо спросил девушку Андрей.

— Нет, мой милый. — Она прошептала ответ такой доброй улыбкой, что сразу стало светлее, будто лучики дневного светила пробились сквозь каменную толщу горы.

— Я люблю тебя!

Андрей никогда не думал, что способен влюбиться как мальчишка, с замиранием сердца, до дрожи в коленях, но так оно у него и вышло. Это надо же — втюриться на пятом десятке, познавши все в жизни, вдоль и поперек, гордящимся толикой приобретенного цинизма!

— И я тебя кохаю, мое сердечко!

Милица ответила таким голосом, что Андрей разом взмок. Вроде бы познал ее прошлой ночью, урегулировал гормональный фон, ан нет, внутри все закипело и забурлило от одного нежного взгляда, от сказанных ласковым голосом слов.

«Втюрился ты с первого взгляда, майор, это точно. Первый раз в жизни такое! И что же делать?»

Андрей прикрыл глаза — он боялся подумать о будущем. В первый раз всплыла мысль бросить все это командорство, жениться и пестовать детишек, познавая радости семейного счастья.

Милица, наверное, думала в том же ключе, что и он, раз взяла его ладонь и прижала к щеке. И даже, как ему показалось, прикоснулась губами к грязным пальцам на деснице.

Так они и сидели, молча, вот только суровая реальность существовала вне зависимости от

их маленького человеческого счастья. Неожиданно послышался вскрик, и в щель донесся громкий вопль.

— Измена!

Андрей подскочил с камня как ошпаренный. За меч хвататься не стал — неудобно рубиться, когда каменный свод над головой нависает. Выхватил из петли полюбившийся шестопер и, громко грохоча сапогами, стал протискиваться в узкую щель, выбираясь наружу.

— Твою мать через коромысло! Ах ты! Иуда!!!

Дневной свет на секунду ослепил Андрея, но лишь на одно мгновение. Он сразу понял, что дело худо. Совсем паршиво, если честно говорить. Ядовитая змея ужалила в самый удобный момент, и ничего уже сделать нельзя. Нужно было ее во дворе растоптать, но нет, пожалел, поверил в «презумпцию невиновности».

На свою задницу...

— Ну что, командор, пора и нам свести счеты!

Томаш стоял на каменной площадке, прикрывшись щитом и держа в правой руке «гасило» — местный аналог «моргенштерна».

Умело выбрал момент, паскуда, — от площадки вниз падала крутая каменная осыпь, справа почти вертикальные скалы. Тропинка, что к ним прижималась, тонкой ниточкой тянулась к далеким валунам, к спуску.

Очень удобное место для тайного лаза, заметить который снизу невозможно, а камни не земля или глина, людские следы прячут хорошо.

— И чей ты заказ выполняешь, скотина?! — Андрей сделал шаг вперед и краем глаза посмотрел вниз. Так и есть, там лежали три тела — два, в красных орденовских плащах, и третье, маленькое, с окровавленной головой.

— Смотришь? Ну-ну, полюбуйся!

Предатель оскалился гнусной ухмылкой.

— Они даже не вякнули, когда я их вниз толкнул. Щенок лишь заголосил, пришлось унять.

С шара «гасила» капала кровь — не пожалел паренька, что проводником с ними был отправлен, тварь. Андрей выдохнул воздух — скопившаяся ярость требовала выхода, но одно он знал точно.

— А ведь я тебя не просто убью, гаденыш! Ну, Томаш, ну сукин сын...

— Замаешься, командор! И не Томаш я, оставь эти собачьи имена для своих славян. Недаром мы их склавенами именуем — им уготована судьба рабами германцев быть! Ты сам изменник, Андреас фон Верт! Предатель германского народа! Это говорю тебе я — Курт фон Нотбек, оруженосец славного «Братства Святой Марии»!

— Это не твоего ли дружка волкодлак загрыз?! Кинжал больно примечательный я у него взял, — Андрей быстро сложил слагаемые. — Он вроде у вас как знак особый?! Чтобы свою подлую натуру демонстрировать?!

— Нет! — хрипло засмеялся орденец, вернее, «братец». — С этим кинжалом у меня гулямы твоё тело возьмут. Не бойся, я тебя не убью, но покалечу, сразу предупреждаю. Пора до конца довести дело, что на Католаунских полях завершения не получило!

— Попробуй, чего зря языком болтать, — Андрей усмехнулся и выхватил левой рукой свой бебут, — как раз для тебя кинжал предателя есть. От него и помрешь — меч марать неохота.

— Ух ты, какой храбрый, — Нотбек сделал два коротких шажка и прыгнул стремительным леопардом. Шар «гасила» свистнул над ухом, ударился в стену — каменная крошка брызнула в разные стороны.

Андрей успел уклониться в последнюю секунду, ударив шестопером, в свою очередь. Не попал, но потерял позицию на этом.

Теперь они поменялись местами — солнце, выглянувшее из-за крепостной стены, ослепило глаза, он зажмурился и пропустил момент, когда Нотбек снова ринулся в атаку.

Плечо взвыло от боли, враз ослабевшая рука выронила смертоносный шестигранник. Непроизвольно он схватился за ключицу, застонав. И осознав за секунду, что случилось самое худшее.

Это неизбежно бы произошло, рано или поздно, хотя Андрей предпочел бы последний вариант. Но надо же тому случиться — именно сейчас нарваться на умелого врага, более опытного и мастеровитого, чем сам. И, видимо, осознание случившегося отразилось на его лице, потому что тевтон захохотал.

— Вот и все, командор! Только ты вниз не прыгай, не нужно! Зачем тебе такая смерть?! Пожи...

Договорить Нотбек не успел — только звон раздался. Зато Андрей увидел, как вынырнувшая из расщелины лаза Милица обрушила на шлем германца здоровенный камень.

Предатель на секунду выбыл из строя, оглушенный — убить такого буйвола одним ударом слабая женщина просто не смогла. Но сделала главное — дала спасительную секундочку Андрею, ту, за которую, как в одной книге старый солдат Федот Васьков говорил — «до гробовой доски поить водкой положено».

Андрей, позабыв про боль, рванулся вперед, парой прыжков преодолев расстояние. Наотмашь полоснул бебутом по лицу, ударив с разбега плечом в грудь, и взвыл от боли, схватившись за ключицу.

Он сейчас был абсолютно беззащитным, вот только тевтон добивать его не мог. Не было на площадке германца — с диким воплем свалился он вниз, чего и добивался своим отчаянным прыжком Андрей.

— Поживу еще, гад. Фашист недобитый! Рабы мы ему, склавены?! Вот сволота нацистская, — хрипло пробормотал Андрей, и тут же его обняли за шею две тонкие женские ручки.

Вот только не утешения у него просила хрупкая паненка, и слезы не лила — решительность сквозила в ее глазах, каждое движение было отточено, как дамасская сталь. В одну минуту она его освободила от доспехов, рывком содрав кольчугу через голову, расстегнув крючки ворота.

Андрей произвольно усмехнулся, вспомнив, как долго он возился с ее простым платьем, которое она взяла нарочно для этой исповеди у служанки. С каким трудом он расшнуровывал и расстегивал многочисленные застёжки, совлекая его с ее нежного тела.

И, удержал себя от стоны, когда крепкие пальцы, кто бы мог подумать, стали мять плечо. И не просто так — Милица явно знала врачебное дело, причем, как определил он, военно-полевую медицину.

— Тебе повезло, мой родной! — Милица проворковала ему на ухо, и в милом шепоте Андрей уловил нешуточное облегчение и радость. — Хороша у тебя арабская кольчуга, уберегла ключицу. Но ушиб серьезный, с неделю мечом махать не сможешь, а то и две побережь руку надо.

— Ты где так наловчилась?

— Война через всю мою жизнь прошла. А скольким воинам я перевязки делала, так и не сосчитать! — она печально улыбнулась. — Сиди спокойно, моя радость — сейчас плечо перетяну и повязь сделаю, чтоб не тревожить его понапрасну.

Ловкими и уверенными движениями девушка разорвала чистую холстину и извлекла из небольшого баула, брошенного несчастным пареньком на площадке, глиняную плошку с какой-то мазью. Причем отнюдь не вонючую, как ожидал Никитин, знакомый с местными лекарями.

Тугая повязка с лекарственным зельем за какую-то минуту сняла добрую половину боли —

она стала тягучей, ноющей, но отнюдь не той, что была, той, от которой волком выть хочется, сыпать руганью сквозь стиснутые зубы и на стенку лезть.

— Я вниз сейчас спущусь, мой командор. — Она подобрала рукою платье, приподняв подол и осторожно ступая по осыпающемуся склону.

— Грумуж с Велемиром явно живые, шевелятся. Боюсь, что поломали себе кости, высота здесь большая. Но надеюсь на лучшее, все же не вниз летели, а по осыпи скатились. Да и кольчуги на них надеты добрые, может, и без ран обошлось...

Андрей прижал к себе вспотевшее тело девушки, уснувшей прямо на нем. Перед глазами стояло видение искаженного любовной мукою лица, а в ушах продолжали звучать ее сладострастные стоны.

Он аккуратно подхватил ее левою рукою, положил рядом с собою. Милица не проснулась, а, причмокнув губами, только прошептала что-то непонятное.

Андрей, прикрыл ее плащом — ночь была холодной, и хотя разгоряченные тела еще не ощущали подступающей стужи, но получить простуду в нынешнее время мало приятного, тем паче пневмонию, которую излечить здесь невозможно — время антибиотиков еще долго не придет. Может быть, веков через десять, никак не раньше.

Они были с ней вдвоем в этой маленькой пещере. Поход для Велемира и Грумужа окончился, так и не начавшись. Юноша получил неслабое сотрясение мозга — рвало как худого котенка.

Грумуж тоже приложился головой, но не так сильно. Шлем уберег и кольчуга — Милица оказалась права. Зато оруженосец ногу сломал, которую девушка в лубок упаковала умелыми руками, пока Андрей две лесины в костыли мастерил. И хоть страшно их было оставлять у осыпи, но пришлось — совершить даже короткий переход ордены были не в силах.

Зато обратно к подземному ходу они кое-как поднялись, а там оборону держать долго можно — что изнутри, что снаружи. Против арбалетного болта, пущенного в упор, ни один доспех не устоит. Даже из легендарной дамасской, или как ее там, стали. И еще надежда на помощь у крестоносцев имелась, что доберется их командор до спасительных селений и вернется оттуда с воинами и лошадьми...

Андрей приподнялся на локте — где-то хрустнула ветка, и этот звук не мог не насторожить его. Он вылез из-под плаща, подоткнул край под горячее женское тело, насторожился и долго слушал темноту.

— Помстилось, — прошептал он, укладываясь на свое теплое место, но на всякий случай проверил, где арбалет. Тот был под рукой, взведенный, и Андрей окончательно успокоился, обнимая горячую как печка Милицу. Она что-то полусонно пробормотала и обвила его руками и ногами.

Андрей сразу обмяк — весь вечер он противился, все же не в опочивальне они, а в рейде по враждебной им территории, но ее слова, ласки и губы сломили его недолгое сопротивление.

— Как хорошо, — прошептал Никитин и вскинулся. Нет, ему не послышался хруст ветки — торопливые шаги стукали по склону.

Рывком он вырвался из объятий, словно вихрь, и схватил арбалет — какие уж тут штаны надевать. И сразу выстрелил — в небольшой проем, подсвеченный луною, ввалились несколько воинов в блестящих от света ночного светила доспехах.

Арбалет тренькнул тетивой — с хрипом свалился один из напавших. Зато остальные навалились гурьбой и, что интересно, безоружные. Сопели, пытались заломить руки.

— Живьем взять хотите, суки?! А хрен вам!

Он впервые так отчаянно сражался: и за себя, и за свою позднюю любовь. Не за жизнь, а за смерть. Никитин умел драться, этому его учили долгие годы — и сам многих он научил.

Молнией сверкал отточенный бебут в его руках. Страшен бой на ограниченном пространстве, когда в ход идет все — оружие, руки, ноги, зубы...

Численный перевес сослужил врагу плохую службу — гулямы, пыхтя и ругаясь, только больше мешали друг другу, чем помогали. Запах дымящейся крови кружил голову — но Андрей отчетливо понимал, что для него все кончено. Он уже перерезал полдюжины гулямов, но силы на исходе — еще пройдет полминуты, и его завалят.

Главное успеть убить Милицу!

Это его долг, а потом всадить клинок и себе в сердце или полоснуть по горлу — сдаваться врагу он не собирался, насмотрелся в свое время, что «духи» с пленными делают, никому такой участи не пожелаешь.

И только об этом Никитин успел подумать, как неожиданно затылок взорвался от звонкой боли, огненная вспышка ослепила глаза, и он навзничь рухнул, потеряв сознание.

Холодная вода обожгла лицо, вернув Андрею сознание. Затылок ломило от тупой и ноющей боли, и он попытался приложить ладонь к голове. Ничего не вышло — руки хоть и не были связаны, но совершенно отказывались слушаться.

Плечи прямо корбило, их выламывало, он чувствовал, что обеим ключицам настала полнейшая хана: или сильнейшие ушибы, или сломаны оны к ядрене фене.

Не то что меч, ложку в руках не удержать!

— Вот мы и свиделись, командор!

Незнакомый голос слишком правильно и четко выговаривал немецкие слова, чтобы его обладатель мог быть тевтоном — это Андрей понял сразу, с трудом разлепляя веки.

Перед глазами шла белая муть, как в ненастроенном телевизоре, и ему потребовалась добрая минута, чтобы зрение пришло в порядок. Он поморгал, разглядывая того, кто так был рад встрече.

Молодой араб лет тридцати, никак не больше — черные усики, такая же бородка, выразительный взгляд миндалевидных глаз. Порывистые движения, тонкие, но сильные руки — все выдавало в нем очень опытного воина.

Да и доспех был на нем намного ценнее — тусклые кольца арабской кольчуги закрывались золотыми бляшками с вязью, скорее всего с письменами из Корана, на Востоке это принято.

Лежащий у него на коленях чуть искривленный меч, который еще рано именовать саблею, был разукрашен драгоценными камнями и золотом.

«Так ведь это самый настоящий булат... Узорчатый...» — отстраненно подумал Андрей, не сводя глаз с клинка.

— Это дамасский булат, командор. Хотя твой меч не хуже! Настоящая драгоценность! Что ты за него желаешь?

— Свою жизнь, — усмехнулся Андрей.

— Ты хочешь, чтобы я не убил тебя? — В глазах араба промелькнуло нечто похожее на презрение, хотя голос был ровен.

— Ты же воин и должен знать, что меч наша душа. — Внутри все напряглось, Андрей неожиданно осознал, в каком ключе ему следует вести с этим арабом разговор. Не болела бы только голова!

— Продать меч — значит продать свою душу. И не просто так, а иблису. Шайтану! Как можно... Убей меня да забирай мой меч, раз с боя его взял...

— Ты храбрый воин, — араб впервые улыбнулся. — Но я не могу взять твой меч, ибо между нами не было поединка.

— Так в чем же дело?

— Ты толкаешь меня на непристойный поступок, командор. Я не могу драться с тобою в равном бою, пока ты не излечишь свои раны. Ты и так три дня пролежал в беспмятстве и бредил. Мой лекарь еле выходил тебя, а он славится своим искусством от Каира до Куйябы.

— Благодарю, — только и сказал Андрей, с удивлением оглядывая себя. Еще бы не изумиться — плечи, руки, ноги и голова в повязках, пахнувших какой-то мазью, зато грудь обнажена, а на ней масса чуть подживших царапин и порезов, через которые явственно проступают темные пятна засосов и укусов, что в безумной страсти оставила ему на память Милица.

А вода, приведшая его в сознание, оказалась мокрой тряпкой, пропитанной какими-то благовониями, что черноволосый араб собственной рукою протирал ему лицо.

И не только — у Андрея возникло ощущение, что эти мягкие шелковые подушки, на которых он возлежал, этот шелковый шатер, жаровня с раскаленными углями, дававшими много жара и не единой струйки дыма, — все это было предназначено только для него.

Понятно, откуда такая роскошь, вот бы на ней, да с Милицей. Мысль о любимой женщине обожгла — что с ней?!

— Сколько тебе лет, командор?

— Сорок три.

Вкрадчивый вопрос араба застал Андрея врасплох, и он ответил на него чисто автоматически.

— Ты считать умеешь, почтеннейший? — в участливом голосе араба послышалась тонкая издевка. — К шестнадцати прибавить восемнадцать будет тридцать четыре? Так ведь?

— Совершенно верно, — после секундной заминки, вызванной неким умственным напряжением раскалывающейся на части головы, согласился с ним Андрей, сделавший свой подсчет.

— И ты стал рыцарем ордена Креста в восемь лет?! — Араб поцокал языком, покачивая головой. — Удивительно, как сильны германские мальчики в детстве...

— При чем здесь мое детство? — Андрей был немного ошарашен заявлением араба.

— Меня зовут Селим-эфенди, почтеннейший командор. Позволь узнать твое настоящее имя. Ведь ты тот, кого носящие алые плащи с белым крестом называют Андреасом фон Вертом? — с уже явственной иронией спросил араб, широко улыбнувшись.

Андрей обомлел, он не находил слов, мозги застыли, словно любимое малиновое желе, которое готовила в детстве его мама. В голове веселыми молоточками застучали визгливые голоса, негромко напевая ему песенку-нескладушку: «Наш Штирлиц провалился и к папе Мюллеру попал!»

— С чего ты взял, почтеннейший Селим-эфенди?

Андрей хотел выиграть время, а потому задал этот вопрос, который вызвал у араба улыбку.

— Ты моложе настоящего фон Верта и сам это признал. В бреду, здесь в шатре, ты звал маму, а не муттер. А значит, в тебе славянская кровь, а не германская. И еще одно, прости за такое откровение. — Селим-эфенди почтительно развел руки. — Я не хотел, это недостойно воина, но слышал и видел, как ты нарушал обет celibата, который командоры Креста соблюдают свято. И следы этого нарушения, которое я считаю отнюдь не преступлением, а счастьем для любого мужчины, ценящего женскую красоту, ты носишь на своем теле. И они для меня не менее значимы, чем твои раны!

«Попал так попал. И Милица угодила к ним в лапы. И мутит чего-то этот эфенди. — Андрей усиленно соображал, надеясь, что шевеление ущербных после удара по голове извилин не будет так отчетливо заметно на лице. — Чего он от меня хочет? Ведь крутит вдоль и около, вот только я его не понимаю. И что делать прикажете?»

— А ведь я знаю!

Араб словно прочитал его мысли и сорвал шелковое покрывало, что накрывало какие-то вещи, лежавшие рядом с ним на ковре. И Андрей сразу узнал их — его собственный меч с цепью магистра и два кинжала с изогнутыми клинками, до боли знакомые.

— Ты выполнил свой долг перед «Братством Девы Мариам», — араб взял бегуты в руки, — и это знак о том. Ты знаешь, где сейчас настоящий командор Андреас фон Верт, роль которого ты убедительно играл все эти дни? Кто тебе дал этот кинжал и как твое имя?

— Курт фон Нотбек дал... — Андрей решил рискнуть — его приняли за второго тевтонского «брата», того, что остался с разодранным волкодлаком горлом.

— Мне знакомо это имя, — улыбнулся Селим-эфенди и вопросительно посмотрел в глаза.

Андрей правильно понял этот взгляд и вспомнил прозвище, которым его наделили во время срочной службы.

— Меня они зовут Анджей, на польский лад. А так Андрей Путь.

— Славное имя, как у ученика пророка Исы. А позволь спросить — где сейчас «брат-оруженосец»? — Селим-эфенди качнул в руке второй кинжал.

— Убит, — коротко ответил Никитин, обрадовавшийся, что с дурика не назвал себя Нотбеком — этот араб явно много знал.

— Аллах-аллах! — Селим покачал сочувственно головой. — Ну что ж, это судьба. Кысмет! А потому ты отдашь своему командору это, — араб извлек из-под покрывала туго набитый мешочек и с поклоном передал его Андрею. Тот его принял, уже догадавшись, что здесь плата тевтонскому «братству» за совместную операцию по поимке командора крестоносцев, пусть и неудачную.

— «Братство» честно выполнило уговор, и наша беда, что командор фон Верт не пошел сюда в ловушку, а послал вместо себя тебя, Андрей. Ты честно отыграл свою роль, и очень убедительно. В какой-то момент даже я поверил, но, слава Аллаху, заблуждение скоро рассеялось...

— Я передам, — в голосе Андрея прозвучала нескрываемая брезгливость, а у Селима-эфенди, уловившего этот тон, удивленно изогнулись брови.

— Ты прав, уважаемый Анджей, разреши именовать тебя твоим этим именем. Дело воина сражаться с мечом в руке, а золото только для презираемых Пророком грязных ростовщиков. — Селим поморщился. — Да, мы с тобой враги и, может быть, сойдемся на поле брани. Просто сейчас мы временно союзники, чтобы совместно покончить с угрозой, что нависла над нами. И мы проиграли только благодаря тебе! Но тут нет твоей вины, я повторю еще раз — ты хорошо сыграл роль командора фон Верта.

— И как же он обыграл нас, уважаемый Селим-эфенди?

Андрей внутренне сжался, ожидая разоблачения.

— Очень просто. Вчера я получил почтового голубя. Фон Верт с тремя «копьями» лично повел крестоносцев и поголовно истребил полторы сотни хирдманов, этих свирепых северных разбойников, что тревожат и наши владения. К великой досаде пана Сартского... И вашего «братства», что подготовили это нападение.

«Молодец брат Болеслав. И я хорош — чувствовал, что мутит пан, внимание отводит. Теперь втрое осторожным станет, вражина. А ты, Селим, ведь презираешь „братство“?! В словах это явственно прозвучало. Как бы это использовать к своей выгоде?»

— Так то «братство», — Андрей машинально сделал попытку равнодушно пожать плечами, но сморщился от боли, — а я дал клятву и обязан был ее сдержать...

— Даже так? Ты не состоишь в «братстве»? Понимаю...

Араб внимательно посмотрел на Андрея, а тот постарался сделать свое лицо бесхитростным. Скорее всего, это ему удалось, поскольку, кроме плохо скрываемой боли, на его лице не было пока выражения других эмоций.

— Ты поклялся оберегать командора?

— Нет, только быть им по пути сюда, Селим-эфенди. И я христианин, а потому дрался с твоими гулямами честно. Ты же их сотник?

— Волею халифа, — Селим-эфенди наклонил голову. — И могу засвидетельствовать, что такого воина, как ты, я еще не видел. Ты убил пятерых моих лучших воинов, еще двоих искалечил — один из них никогда не возьмет меч в руки. И только двоих вот этим клинком, остальных голыми руками. Клянусь бородой Пророка, такого чуда я не видел!

В голосе араба слышалось восхищение, будто это он сам перебил собственных гулямов. Его

совершенно не расстроила эта ночная мясорубка. Более того, Селим-эфенди распахнул халат и показал повязку с коричневыми пятнами подсохшей крови.

— Я чудом ускользнул от этого кинжала, клинок скользнул под пластину. — Селим расхохотался, но, охнув, схватился на раненый бок. — А мой верный Ахмед лишился уха!

— Я его отрубил?

— Нет, ты его оторвал! — успокоившись, он погладил бородку. — И выткнул глаз Мустафе! Нет, только чудо помогло нам свалить тебя, я уже думал, что ты перебьешь нас всех — ведь со мною был только один десяток.

— Чудо?! — удивленно спросил Андрей, и тут в голове у него щелкнуло.

«А ведь это чудо зовут Милица! У меня за спиной никого не было, а удар пришелся по затылку. Именно она настояла переночевать в этой пещере, хотя я ее просил идти дальше. И в келье она осторожничала, там я боялся и даже прикрывал ей рот ладонью, а в пещере стонала, как заправская порноактриса... И гулямы нас потому и отыскивали! Не просто же так».

Он закрыл глаза, откинувшись на подушки, якобы отдыхая от длительного разговора, а сам лихорадочно соображал. Селим тоже замолчал, прикрыв глаза и перебирая четки.

«Боже мой! Кувшин! Арни пил из кувшина, и я пил — там ничего не было, пока пани не пришла. Ведь она могла в него подсыпать зелья, только она, и никто больше — Арни ведь никого не пускал. Не тот он человек. За его спиной сделала, пока он ко мне повернулся».

— Чудес не бывает! — Андрей глухо выговорил, не глядя в глаза арабу.

— Бывает, почтеннейший, еще как бывает!

Селим с улыбкой посмотрел на Андрея, которого прошиб лошадиный пот.

— Чудо, которое не смогли сотворить сами мои верные гулямы...

«А ведь ты мне явно намекаешь, араб?! Еще как. Зачем? В какие игры ты играешь? Хреново-то как. Будь на моем месте особист или опер, они бы мигом разобрались в этих хитросплетениях. Но я кто? Собровец, „красная шапочка“ — ломаю лбом кирпичи, пью все, что горит, и трахаю все, что шевелится... А что не неподвижно лежит, то расшевелю вначале... По крайней мере раньше, в той жизни... А тут сплошные интриги, Штирлица бы сюда консультантом. Но как болит голова!»

— Ты давно достоин носить золотые шпоры, Анджей!

Сотник поглаживал холодный булат клинка.

— Я их давно и ношу, Селим-эфенди...

— Но это шпоры и цепь не твои...

— У меня свои шпоры есть, только я их не надеваю...

Андрей отчаянно пытался выбраться из этой словесной паутины, но с каждой фразой чувствовал, что запутывается все больше и больше в словесных кружевах араба.

«Золотые шпоры? Он что, так намекает на мое положение в тевтонском ордене? Но я сказал ему, что там не служу? А вдруг он знает второго тевтона по имени? Твою мать, голова уже болит не от удара, а от этого словоблудия...»

— Почтеннейший? — Селим вежливо осведомился. — Может, если вам плохо, мы потом закончим нашу беседу?

— Н-нет, — Андрей не хотел продолжения, потому что сейчас можно было хоть как-то списать нестыковки и оговорки на контузию, — не стоит...

Сотник понимающе налил Андрею вина в золотой кубок и, поддерживая голову, помог выпить.

Внезапно Андрея осенила догадка:

«Обет! Рыцари зачастую давали самые различные обеты и строго их выполняли. Пусть даже никогда не снимать при людях шлем с головы или переходить мосты задом наперед!»

— Я в квесте, Селим-эфенди! Обет дал!

— Великое дело, почтеннейший, преклоняюсь пред тобою! — Селим чуть склонил голову и заговорил с сочувствием в голосе: — А твоя луноликая ханум плоха была. Совсем плоха — поход, кровь и ночная схватка. В Пешт ее увезли, лекарь там лечить будет. Хорошей женой тебе станет, любит тебя до беспамятства... Нет, нет — плохо не думай! В гареме не будет, она гостья! Вылечится и к тебе приедет. Ты же на Белой Горе будешь?

— Там я... Охраняю командора...

— Выполняй свой квест, достойный рыцарь. Ты честный воин, победил моих гулямов голыми руками! — Селим достал кожаный мешочек, глухо звякнувший, такой же увесистый, как прежний, и с поклоном протянул. Андрей поклонился, но деньги не взял.

— Ты неправильно меня понял, Анджей. Мои гулямы имели великолепное оружие, доспехи и коней. Ты их победил — это твой законный трофей. Здесь тысяча динаров — не везти же тебе тяжелый груз с собою, золото занимает намного меньше места. Да и своей ханум подарки сделаешь, она того стоит. Купцы пойдут, в Пешт передашь.

«Ты меня вербуешь, деньги даешь да намекаешь, что заложницу имеешь! Милица... А ведь Милица мне жизнь спасла. Если бы не она, то фон Нотбек меня бы убил... Придется брать деньги, нашему ордену они ох как пригодятся...»

Андрей помешкал немного и взял мешочек. Селим-эфенди улыбнулся и вздохнул, как показалось Никитину, с облегчением.

— Завтра мы уйдем от замка, делать нам здесь больше нечего. Возьми свои цепь и меч — ты достоин их носить дальше. Вот только мечу нужны совсем иные ножны...

«Ты на что намекаешь?»

— Кто ты такой на самом деле, знают рыцарь, руководящий охраной замка, и старый священник. Ведь так?

Селим внимательно посмотрел, словно ожег взглядом.

— Да... — осторожно ответил Андрей, не понимая, куда клонит араб. Вообще он уже многое из произнесенного пропустил мимо ушей, совершенно запутавшись в предположениях.

— Сожалею, но угры вчера стреляли по ним из луков, и сегодня на стенах их не видели. — Вот только в голосе Селима сожаления не слышалось. — И если они убиты, то до самого Белогорья никто не усомнится в том, что ты командор крестоносцев...

— Да, никто!

Глухо произнес Андрей, стиснув до боли зубы, но сохраняя улыбку на лице, будто он доволен произошедшим, и кое-как сдерживая бушевавшую внутри ярость. Еще теплилась надежда, что отец Павел и брат Вацлав лишь ранены или находятся долго в подземелье, как уже было.

— Раньше я бы сказал: альвакту мин захабин, время из золота, почтеннейший, но теперь нам торопиться некуда! Завтра утром мы уйдем отсюда до весны, а ты сядешь на лошадь и вернешься в замок. Ты командор, тебя никто не станет спрашивать, где ты был и почему вернулся. Ведь так?

— Да...

Андрей с трудом приподнялся, скривившись от боли. Эту гримасу заметил и Селим, вскочивший с подушек.

— Отдыхай, почтеннейший, тебе требуется много сил!

Поклонившись, он вышел из шатра. Закрыв аккуратно шелковый полог, он кивнул охранявшим выход гулямам и, скривившись, прошептал:

— Мы с тобой весной встретимся. Так что... Хотя... Нет, живой лев лучше десятка шакалов!

Тут Селим-эфенди хмыкнул, и по его губам скользнула лукавая улыбка. Араб тихо засмеялся:

— Особенно когда им управляет верблюд!